

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2014 – 6 (264)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2014**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке: *Е.С. Хазанов* – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2014. – № 6 (264). – 184 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Е. Примаков.</i> Образы России и мира вне идеологии	5
<i>В. Наумкин.</i> Цивилизации и кризис наций-государств. (О чем спорят в России и не только)	11
<i>Ш. Кашаф, Д. Мухетдинов.</i> Признание идентичности: Дискур- сивные диспозиции символической элиты и политического класса мусульманского сообщества России	29

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Р. Сулейманов.</i> Арабские проповедники в Татарстане в конце XX – начале XXI в.: Пути проникновения, деятельность, последствия	49
<i>А. Адиев, Р. Абакаров.</i> Этнополитические и конфессио- нальные процессы в современном Дагестане	60
<i>Ж. Сыздыкова.</i> Центральная Азия после 2014 года: Вызовы и угрозы	72
<i>С. Акимбеков.</i> Ненужная спешка. Еще раз к вопросу о евразийской интеграции. (Взгляд из Казахстана)	75
<i>Д. Александров, И. Инполитов, Д. Попов.</i> «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. (Окончание)	84
<i>Н. Харитонова.</i> Рынок смертников в Центральной Азии	90

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Э. Касаев.</i> Арабские нефть и газ: Выводы для России.....	108
<i>Д. Нечитайло.</i> Иностранные моджахеды в сирийском конфликте	117
<i>Р. Шарипова.</i> Иранская семья: История и современность.....	124
<i>Н. Краснова.</i> Социально-экономические причины динамики демографических показателей в монархиях Персидского залива	143
<i>А. Ананьев.</i> Исламский фактор на Балканах: Современные тенденции и векторы развития	152

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Х. Аятоллахи.</i> Возможность, смысл и значение сравнения между исламской и западной философиями.....	164
<i>Ю. Бочаров.</i> Ближневосточная ментальность. (Пособие для бизнесмена).....	176

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ,
ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ**

Е. Примаков,

академик, член Президиума РАН

ОБРАЗЫ РОССИИ И МИРА ВНЕ ИДЕОЛОГИИ

«Сила и идея образов» – тема, выделенная на нашей конференции¹, абсолютно оправданна. В нынешних условиях идеи и образы государств – участников международных отношений влияют на развитие мировой обстановки не в меньшей мере, чем сила денег и сила оружия. Сначала об общих подходах.

Первый. Неверно представлять, будто после окончания «холодной войны» завершилось влияние идеологии на политику, соотношение сил на региональном и глобальном уровнях, на международные отношения в целом. Видоизменились характер и форма такого влияния, но оно не ушло в историческое прошлое. Более того, идеологическое противостояние, целенаправленное внедрение своих, часто подкрашенных, образов при искажении чужих стали одними из составляющих внешнеполитической практики. Второй подход – либерализм, консерватизм и социализм сохраняются как три самые значительные идеологии.

Однако в нынешних условиях они проявляются не самостоятельно, испытывая взаимовлияние, подвергаясь конвергенции, они стали составными частями идеологической модели, присущей различным странам. Для понимания сегодняшней России – это относится и к другим государствам – необходимо исходить не только из определения идеологии, но и из того, что определяющим является соотношение между частями идеологической модели. Третий подход. Далеко не всегда политика лиц или группы лиц, причисляющих себя к той или иной идеологии, соответствовала и соответствует ее сути.

¹ Международная конференция «Россия в мире силы XX века» (30.11.2012–02.12.2012).

Исходя из этих общих положений, хотел бы представить идеи и образы, характеризующие сегодняшнюю Россию. В Советском Союзе сущности социализма во многом не отвечали политика и практика властей, это справедливое и широко распространенное мнение. Но можно ли считать либералами тех, кто встал у штурвала после краха Советского Союза? Научный редактор русского перевода книги лауреата Нобелевской премии Дугласа Норта, основоположника теории институционализма, Борис Мильнер рассказывает о своей встрече с ним в марте 1996 г. По словам профессора Мильнера, Норт, говоря об экономической ситуации в России, свел ее к решению трех задач: освоить перемены и новые механизмы, преодолевать негативные последствия ошибок старого и сохранять цены из наследия прошлого.

Эта триада не была положена в основу перехода России к рыночному хозяйству. Процесс демократизации в России после краха Советского Союза нельзя рассматривать без экономической политики тех, кто пришел к власти. Многие из них во время горбачёвской перестройки пропагандировали «социализм с человеческим лицом». Иными словами, возможность демократизировать социализм. А придя к власти, во главу угла поставили ликвидацию всего того, что было в СССР, не только того, что подлежало отторжению – я хочу это подчеркнуть, – но в целом ряде случаев механизмов для научно-технических и экономических достижений, позволивших мобилизовать ресурсы для решения многих задач модернизации.

В начале 1990-х годов псевдолибералы призывали государство вообще уйти из экономической жизни. Это привело к тому, что появилась группа лиц, присвоивших при антинародной приватизации природные богатства страны, ее экономический потенциал и претендовавших на власть в России. В результате российская экономика потеряла за 90-е годы больше, чем в годы Второй мировой войны. Все это, как представляется, полезно знать тем, кто поднимает на щит деятелей, возглавивших Россию при переходе на рыночные рельсы и провозгласивших демократизацию страны.

Политика псевдолибералов потерпела полный провал. Им принадлежало авторство дефолта в 1998 г., переросшего в экономический кризис, чуть не обрушивший Россию в пропасть, политическим провалом псевдолибералов можно считать расстрел танками российского парламента в 1993 г. После краха псевдолибералов в России установилась линия на развитие рыночного хозяйства с широким участием государства в экономике. На Западе

это породило образ России как страны, задвигающей на задний план частное предпринимательство. Такое представление не соответствует действительности. В интересах России было и остается развитие частного предпринимательства, на это нацелена политика властей.

Однако нельзя пройти мимо того, что частные предприниматели далеко не во всем были готовы и сейчас не во всем готовы выполнить свои функции. Все большее значение в таких условиях приобретало бюджетное финансирование проектов. Но нужно признать: его оказалось недостаточно для остро нуждающихся в инвестициях инновационных производств и крайне необходимых проектов в области образования, здравоохранения. Эти трудности усугубились кризисом 2008–2009 гг.

Еще один образ России, созданный теми, кто враждебно относится или не очень осведомлен о сути происходящего в нашей стране, это стремление власти к авторитарному режиму. Либерализм либо авторитаризм. Такой выбор будто стоит перед нашей страной. В середине первого десятилетия XXI в. наблюдается определенное оживление либеральных идей в России. Целый ряд требований – независимого суда, решительной борьбы с вседозволенностью чиновничьего аппарата, с коррупцией, с фальсификацией на выборах, за обязательность подчинения закону всех, сверху донизу, эти идеи выдвигаются и поддерживаются российской руководящей элитой, широкой общественностью, политическими партиями с различными взглядами. Определенная акцентировка либеральных принципов стала более заметной, чем ранее в выступлениях и действиях российского руководства.

Однако, с моей точки зрения, это не свидетельствует о переходе России на позиции неолиберализма, который содержит в себе принципы, несовместимые с российской реальностью. Видный представитель неолиберализма австрийский ученый Хайек отмечал, что свобода в экономической деятельности создает главное условие быстрого экономического роста и его сбалансированного характера, а свободная конкуренция призвана обеспечить открытие новых продуктов и технологий. Это действительно так, но можно ли считать, что в современной России сам рыночный механизм уже способен обеспечить рост и сбалансированность экономики, а низкий уровень конкуренции, свойственный нам, достаточен для достижения технико-технологического прогресса. Дело в том, что без государственного вмешательства в экономику невозможно ни усовершенствовать в России рыночный механизм, ни

достичь необходимого для научно-технического процесса уровня конкуренции.

Один из начальных принципов неолиберализма заключается в том, что свободная игра экономических сил, а не государственное планирование, обеспечивает социальную справедливость. Но этот вывод не выдерживает столкновения с действительностью не только в России, но и в других странах, где, в частности, государство ввело прогрессивную шкалу налогообложения, способствующую перераспределению доходов в пользу малоимущих. Что касается России, то без государственного индикативного планирования, конечно, не директивного, вообще невозможно преодолеть отставание в жизненном уровне населения от развитых западных стран. Нельзя абстрагироваться и от других противоречий с неолибералами.

Вопреки сдерживающей позиции Путина они выступают за резкое сокращение роли государства как собственника в экономике, настаивают на максимальном охвате приватизацией важнейших для страны стратегических предприятий. В их числе Роснефть, ВТБ, «Русгидро», «Аэрофлот», частичная приватизация предусматривается в отношении РЖД, «Транснефти» и др. Конечно, в деятельности целого ряда госкомпаний есть серьезные минусы, которые следует устранить. Приватизацию крупных госкомпаний нужно осуществлять, в этом нет никаких сомнений, но постепенно, и что главное – без ущерба для процесса концентрации и централизации производства. Поэтому явно негативными для нашей экономики являются призывы безотлагательной приватизации госпредприятий, а на тот срок, пока они действуют, лишить их возможности приобретать акции частных компаний. Такие призывы раздаются в правительстве.

Неолибералы в России настаивают на коммерциализации здравоохранения, образовательных учреждений, науки, в том числе фундаментальной. Разгосударствление во всех этих областях рассматривается как магистральное направление развития России. Неолибералы по сути игнорируют острую необходимость повышения уровня жизни российского населения, сокращения неравенства доходов. По данным, приведенным в докладе Global Wealth Report в октябре 2012 г., на долю самых богатых (1%) россиян приходится 71% всех личных активов. В два раза больше, чем в США, Европе, Китае, в четыре раза больше, чем в Японии. 96 российских миллиардеров владеют 30% всех личных активов российских граждан. Этот показатель в 15 раз выше общемирового.

Вместо того чтобы взять линию на широкое использование природных богатств России для социальных нужд, кое-кто предполагает держать все государственные сверхприбыли, полученные за счет экспорта нефти, в резерве, точнее, в иностранных ценных бумагах. В качестве оправдания такой позиции выдвигаются, как правило, два аргумента: необходимость приберечь средства для того периода, когда рухнет цена на нефть, и не менее важная с их точки зрения необходимость скорейшего покрытия бюджетного дефицита, в том числе за счет снижения социальных расходов. Конечно, в центре внимания надо держать динамику мировых цен на нефть и образовавшийся дефицит бюджета. Мировая цена на нефть действительно понизилась, но далеко не рухнула.

Что касается дефицита бюджета, то он небольшой, и очень многие страны успешно развиваются, имея гораздо больший, чем Россия, дефицит своего бюджета. Категорически несовместимо с необходимостью демократизировать наше общество и отождествление политической свободы с ограничением государственной власти. Такой позиции придерживаются российские «правые». Необходимость перевода ряда государственных функций на общественный уровень очевидна. Но этот процесс не может и не должен ассоциироваться с ослаблением властных структур. Если такое произойдет, то процесс демократизации в нашей стране захлебнется, перерастая в неуправляемую стихию.

Собственно, позиция, которую отстаивают в России те, кто не хочет победы неолИБЕРАЛИЗМА, в той или иной мере характерна и для Запада, где, несмотря на приливы и отливы кейнсианских идей, необходимость вмешательства государства в экономику оставалась непреложной, проходя через всю череду экономических территорий. Тенденция возвращения к идеям государственного вмешательства в экономику усилила на Западе экономический кризис 2008–2009 гг. В США президент Обама внес радикальные изменения в Налоговый кодекс, предложил государственные меры борьбы с кризисом банковской системы, жилищного рынка, реорганизацию системы здравоохранения в интересах, главным образом, среднего класса и неимущих. Характерно заявление президента Обамы, цитирую: «Я не вернусь к дням, когда Уолл-стрит было позволено играть по им же установленным правилам».

А теперь хотел бы остановиться на некоторых общемировых идеях, которые, как мне представляется, расшатывают международные отношения. Естественно, что взаимопонимание между государствами во многом зависит от соотношения двух категорий –

ценностей и интересов. Речь идет даже не об идентичном понимании общечеловеческих ценностей, это существует, а о способах их достижения. США, можно считать, склоняются к навязыванию демократических ценностей другим странам. Россия считает, что демократизация общественной жизни и государственное устройство различных стран – внутренний эволюционный процесс с учетом исторических, цивилизационных и социально-экономических особенностей. Жизнь показывает, что сближение позиций России и США по этому вопросу, к сожалению, дело сложное. Оно требует значительного времени. Вместе с тем уже сегодня необходимо взаимодействие двух стран в деле укрепления международной стабильности и безопасности в мире, и в этой области проявляются совпадения их интересов. Не меньшее значение имеет понимание пределов воздействия процессов глобализации на государственный суверенитет.

Действительно, можно наблюдать, как члены интеграционных объединений отказываются от части своего суверенитета, делегируя его на наднациональный уровень. Однако можно ли считать, что государственный суверенитет больше не существует в глобализирующемся мире и это позволяет осуществлять вмешательство во внутренние дела государства? Хорошо помню те полтора года, начиная с 2003 г., когда Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан включил меня в международную группу экспертов с целью подготовить доклад об изменениях, которые в новых условиях необходимо внести в деятельность ООН. В процессе долгих дискуссий в этой группе мы пришли к выводу, что следует активно вмешиваться, противодействовать таким явлениям, как, скажем, геноцид на этнической основе, от которого страдают миллионы людей в различных странах Африки.

Однако даже введенный в правовой оборот термин «несостоявшееся государство» не означает отказа признавать, что без решения Совета Безопасности ООН может быть осуществлено вмешательство во внутренние дела других стран, тем более предприняты с этой целью военные меры. Правильное понимание демократии и суверенитета государств не дань теоретическим построениям. Это требование сегодняшней мировой политики и безусловный показатель, который в немалой степени определяет прогноз развития ситуации в мире.

Говоря об идеях и образах в современном мире, нельзя обходить стороной усиление исламизма на Ближнем Востоке и внутри-исламскую борьбу между суннитами и шиитами, которая опреде-

ляет взаимоотношения между странами, перерастающие в той или иной форме в вооруженное вмешательство. Я не принадлежу к тем, кто считает, что это свидетельствует о серьезном возрастании религиозных идей в мировой политике. Характерно, что «арабская весна», усилившая исламистов, не вышла за региональные рамки, не стала составной частью политики на глобальном уровне. Тем более неправомерно сводить международные отношения в сегодняшнем мире к борьбе между различными религиями или даже цивилизациями.

Основным выводом из всего сказанного можно считать то, что с прекращением «холодной войны» противостояние идей и образов не ушло в прошлое. Оно продолжается, принимая различные формы, проявляется в разных мировых ситуациях, утратив, однако, я это хочу подчеркнуть – магистральную свою направленность идеологического противостояния как главного фактора, определяющего в целом обстановку в мире.

*«Лики силы: Интеллектуальная элита России и мира о главном вопросе мировой политики»,
М., 2013 г., с. 203–210.*

В. Наумкин,
член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук,
директор Института востоковедения РАН
ЦИВИЛИЗАЦИИ И КРИЗИС НАЦИЙ-ГОСУДАРСТВ
(О чем спорят в России и не только)

В свете происходящих в современном мире трансформационных процессов «цивилизационная» тематика становится все более востребованной, интересной как для авторов – исследователей и публицистов, так и для читателей. Вопросы культурно-цивилизационной идентичности, характера взаимоотношений между ценностями различных регионально-культурных кластеров, путей эволюции наций-государств в условиях нарастающей гиперглобализации приобретают все большую остроту и требуют осмысления.

Проблема идентификационного выбора

Россия, особенно в последние годы президентства Владимира Путина, позиционирует себя как государство особой цивилиза-

ции, основанной на духовности, приверженности традиционным нормам и ценностям. Среди них немалое место занимают ответственность индивида перед обществом и государством (наряду с его правами), религиозные идеалы (в противовес агрессивному секуляризму Европы). Это, однако, не останавливает борьбу между приверженцами различных концепций и моделей цивилизационной идентичности России. При всей разнородности и многочисленности тех или иных построений выделяются традиционно противостоящие друг другу в российском интеллектуальном сообществе философии «почвенников» (в прошлом – также «славянофилов») и «западников», как бы они себя в разные эпохи ни называли. В определенной мере дихотомия «консерватизм–либерализм» может рассматриваться как отражение этого противостояния.

Иногда полемика вокруг идентификационного выбора приобретает острый характер, выплескиваясь на экраны телевизоров, на страницы газет и журналов. Некоторые приверженцы «неопочвенничества», обычно позиционирующие себя как представители «патриотического национализма» (при всех групповых и индивидуальных различиях между ними), критикуя политику властей, требуют противопоставить нас в цивилизационном отношении Западу, чуть ли не вновь отгородиться от него «железным занавесом». К примеру, генерал Леонид Ивашов выдвигает проект Евро-Азиатского цивилизационного союза (современного аналога славянофильского проекта) на основе развития Шанхайской организации сотрудничества, «как баланса и альтернативы Западу и транснациональному сообществу». Есть и сторонники неоимперского проекта, среди которых выделяются критики нынешней власти за ее «ориентацию на Запад», за «европейский выбор».

Либералы–«неозападники» тоже критикуют власть, но они недовольны иным. Политолог из Московского центра Карнеги Лилия Шевцова полагает, что философия российской идентичности при Путине – всего лишь «модель властвования». Эта модель, как она считает, «предполагает противодействие влиянию Запада как внутри российского общества, так и на постсоветском пространстве», и в ее рамках обосновывается претензия России «на роль защитника традиционных моральных ценностей от западного упадничества и деградации».

Является ли извечный спор сторонников разных моделей развития России свидетельством так и не изжитого ею конфликта идентичности или неотъемлемой чертой ее цивилизационной дву-

ликости («евразийскости»)? Не случайно в дебатах об основных угрозах российской государственности одни говорят о «сетевой войне» против России со стороны «джихадистского интернационала», другие – со стороны «глобального Запада».

Отмечу, что с идентификационным вызовом в той или иной мере сталкиваются все общества. Приведу в пример не так давно появившийся в Западной Европе тезис о «Еврабии» (Eurabia), в котором отразились страхи европейцев перед возможной цивилизационной трансформацией Европы под натиском не поддающейся ассимиляции волны мигрантов из государств Арабского Востока и мусульманского мира. Параллельно возник термин «Лондонистан», отражающий распространенное (в том числе и в России) мнение о том, что британская столица стала центром подпольных джихадистских групп всех мастей. Есть даже теория «арабо-исламского заговора», имеющего целью подорвать Европу. Теория, как заметил Али Аллави (в недавнем прошлом – иракский министр, ныне – американский профессор), ничуть не менее абсурдная, чем «Протоколы сионских мудрецов».

Исламский экстремизм и исламофобия

В течение столетий Россия являет собой впечатляющий пример сожительства, культурного взаимообогащения и уважительного отношения друг к другу многих этнических и конфессиональных групп, в первую очередь православных и мусульман, в рамках единого общественного организма. Однако острый конфликт между Западом и исламским миром, волны исламского экстремизма, затронувшие и российские регионы, а также масштабные и неуправляемые миграционные процессы все же ухудшили отношения между этими группами. Сторонники евразийского выбора вроде бы должны выстраивать мосты между Россией и исламским миром (и в самом деле, не с огромным же Китаем нам «цивилизационно» объединяться), но и они, а не только националисты, нередко проявляют предвзятое отношение к мусульманской цивилизации как таковой.

Однако и в рамках этого дискурса приверженцы «неопочвенничества» склонны винить во всех бедах мира Запад, и в первую очередь США. Отвечая в эфире «Голоса России» на вопрос о деятельности исламских террористов на территории Сирии, руководитель Санкт-Петербургского отделения Российского института стратегических исследований и специалист по Древнему Востоку

Андрей Вассоевич утверждает, что «радикальные исламистские группировки управляются Соединенными Штатами Америки». Санкт-петербургский профессор не только приписал США создание «Аль-Каиды» (что отчасти не лишено оснований), но и оказал большую честь британской разведке, сообщив, что именно она (а не шейх Мухаммад Абд аль-Ваххаб) создала ваххабизм в XVIII в.

Кстати, заметим, что в 1920-е годы российская дипломатия с симпатией отнеслась к саудовско-ваххабитской экспансии в Аравии. Но, естественно, не из-за любви к ваххабизму, а потому, что видела в пуританском движении бедуинских племен силу, независимую от колониалистов и поставившую задачу объединить Аравию в рамках централизованного (вопреки британскому проекту «Разделяй и властвуй») самостоятельного государственного образования. В письме российскому представителю в Хиджазе Кариму Хакимову народный комиссар по иностранным делам СССР Георгий Чичерин писал: «Наши интересы в арабском вопросе сводятся к объединению арабских земель в единое целое». Он указывал в этой связи на возможность турецко-ваххабитского сближения (как актуален этот тезис сегодня!) «в некое мусульманское движение, направленное против западного империализма». При этом поначалу вовсе не исключалось, что Ибн Сауд может оказаться «английским ставленником», но все же в качестве такового Москва не без оснований видела противника Ибн Сауда – мекканского шерифа Хусейна. Позднее, после взятия ваххабитами Мекки и Медины, Чичерин пишет советскому послу в Тегеране: «Одним из средств давления на Ибн Сауда является руководимая ныне Англией в мусульманских странах кампания против ваххабитов за якобы произведенные ими разрушения в Мекке и Медине. Стремясь изолировать Ибн Сауда... английские агенты используют фанатизм мусульманских масс против ваххабитов, чтобы ослабить Ибн Сауда и заставить его пойти на соглашение с Хиджазом и на английские предложения».

Саудовское Королевство, которое первым официально признал именно СССР, а вовсе не Великобритания, по сути, не являлось нацией-государством, поскольку было построено на религиозной основе (в сочетании с родо-племенной). Кстати, еще одним редким примером подобного образования стал созданный в конце Второй мировой войны Пакистан, где даже официальным языком был провозглашен не панджабский, на котором говорит самая крупная автохтонная этническая группа, а урду – язык мусульманских переселенцев из Индии. Что же касается Саудовской

Аравии, то все эти годы там идет процесс формирования национальной идентичности на основе странно звучащего маркера – «саудовец», по имени правящего клана.

Кстати, в 1920-е годы, в период активного советского нациестроительства в Средней Азии, местные руководители не только благосклонно отнеслись к появлению там салафитского проповедника по прозвищу «Сириец из Триполи» (аш-Шами ат-Тарабулси), но и помогали ему агитировать против местных суфиев. Есть даже мнение, что власти специально пригласили его из-за рубежа, чтобы использовать в своих интересах. Это объяснялось тем, что в то время именно «традиционные» суфийские шейхи были для власти основными противниками в борьбе за умы мусульман, а салафизм, или ваххабизм, никакой реальной угрозы не представлял. В 1930-е годы в Узбекистане пропаганду фундаментализма активно вел принявший ислам этнический русский по кличке «аль-Кызылджари». Некоторые современные узбекские имамы утверждают, будто бы даже глава Духовного управления мусульман Средней Азии после Второй мировой войны муфтий Зияуддин Бабаханов фактически содействовал распространению «ваххабизма», издавая уже тогда фетвы с осуждением некоторых народных обычаев, инкорпорированных местным исламом.

С течением времени ситуация изменилась. Ваххабизм, опираясь на огромные финансовые ресурсы, накопленные благодаря продаже нефти, начал агрессивную экспансию за пределы Королевства, вызываящую отторжение большинства мусульман.

Россию цивилизационно объединяет с исламским миром не только то, что среди ее коренного населения более 15 млн человек исповедуют ислам (с иммигрантами – более 20 млн), но и отношение к религии, ее роли в обществе. Террористы и экстремисты, прикрывающиеся исламом и самочинно присваивающие право эксклюзивной интерпретации мусульманского вероучения, безусловно, наносят огромный ущерб гармоничному сосуществованию религиозных общин в России. Наверное, мусульманское духовенство могло бы сделать больше для того, чтобы противостоять экстремизму. Однако межконфессиональной гармонии вредят и проявления исламофобии, попытки изобразить ислам как религию нетерпимости и агрессивности.

Кстати, один из уроков украинского кризиса состоит в том, что угроза экстремизма вовсе не обязательно исходит от мусульманских сообществ. Другим же уроком является то, что, к сожалению, Украинская православная церковь, ослабленная расколни-

ками, не смогла обуздать волну насилия, прокатившуюся по конфессионально и этнически близкородственной нам республике. Показательно, что очереди к привезенным в Киев дарам волхвов были на порядок меньше, чем в российской столице, где люди ждали на улице по девять часов. К нынешнему острому общественно-политическому кризису на Украине привел глубокий идентификационный разлом, а необходимость сделать выбор в пользу Европы или России лишь послужила своего рода катализатором.

Религиозные традиционалисты и «обновленцы»

Можно согласиться с тем, что водоразделом между цивилизациями Запада и исламского мира являются роль религии в обществе и государстве и отношение людей к этой роли. Однако, во-первых, и в лоне западной цивилизации имеются страны с достаточно высоким уровнем религиозности, хотя и со светской системой государственности, как, например, США. А во-вторых, и в исламском мире случались и подъемы атеистической мысли (особенно в 1920-е годы, в значительной мере – под влиянием Октябрьской революции в России и созданных на Востоке коммунистических партий), и режимы, построенные на секулярных принципах (Турция при Ататюрке и его последователях, Тунис при Бургибе). Египтянин Исмаил Мазхар (1891–1962) основал в Каире издательство «Дар аль-Усуль» для пропаганды атеизма, опубликовал в переводе ненавистную исламистам работу Чарльза Дарвина «Происхождение видов» и не менее чуждую для них книгу Бертрانا Рассела «Почему я не христианин». Исмаил Адхам (1911–1940), еще один активный пропагандист атеизма, получивший образование в МГУ, создал в этих целях ассоциацию сначала в Турции, затем в Египте. Он утопился в Средиземном море, оставив записку, в которой просил кремировать его тело и не хоронить на мусульманском кладбище.

С конца 1920-х годов и в 1930-е годы тяга к исламу снова стала возрастать, а атеистическая и секуляристская пропаганда – терять популярность. Египетский интеллектуал, выпускник Сорбонны Мухаммад Хусейн Хейкал (1889–1956), начавший с публикации трехтомного исследования о Жан-Жаке Руссо, затем прославился изданной в 1935 г. и ставшей классической работой «Жизнь Мухаммада». Еще более резкий разворот в сторону ислама в тот же период совершил начавший с воспевания английских

поэтов-романтиков Аббас Махмуд аль-Аккад (1889–1964), среди учеников которого был самый, пожалуй, известный проповедник радикального исламизма (казнен в Египте в правление Гамалы Абдель Насера) Сейид Кутб (1906–1966), начинавший, подобно его учителю, как поэт и литературный критик. Его труды (наряду с работами пакистанца Абу аль-Ала аль-Маудуди) остаются источником вдохновения для многих джихадистов.

В работах современных исламских мыслителей можно обнаружить полемический дискурс, вполне сопоставимый с российскими спорами между «западниками» и «почвенниками». Махмуд Хайдар, рецензируя книгу Таха Абд ар-Рахмана о духе «исламской модерности» (рух аль-хадаса аль-исламийя), обращает особое внимание на различие между двумя категориями исламских авторов. Это, во-первых, «авангардисты», которые замещают традиционные исламские концепты современными западными: вместо *шура* – демократия, вместо *умма* – государство, вместо *ростовищество* – *прибыль* и т.д. Во-вторых, это «традиционалисты», которые отвергают перенесенные с Запада концепты в пользу традиционных исламских: не *секуляризм* (*‘ильманийя*), а *знание мира* (*аль-‘ильм би-д-дунья* – арабский термин, имеющий общий корень с термином *секуляризм*, но почерпнутый из изречения Пророка Мухаммада «Вы больше знаете о вашем мире» – «Антум а’ляму би-умур дуньякум»), не *религиозная война* – *аль-харб ад-динийя*, а *открытие* (арабский термин *фатх*, который используется применительно к средневековым арабо-мусульманским завоеваниям).

Не стихают споры о том, совместимы ли исламские нормы с демократическими ценностями. Эта тема активно обсуждается на многих конференциях и симпозиумах, на встречах религиозных деятелей, экспертов и политиков. Согласно одной точке зрения, сама постановка вопроса о возможности сочетать ценности исламской цивилизации с демократическими принципами в корне неверна, так как она демократична по своей сути и не нуждается в заимствовании из других систем. Сторонники иной точки зрения обвиняют исламские общества в авторитаризме, попрании прав человека, отсутствии свобод и т.п. Есть и приверженцы концепции конвергенции.

Приведу в этой связи пример, касающийся Всеобщей декларации прав человека 1948 г. В ее создании от арабского мира участвовал известный в то время ливанский политический деятель, христианин Шарль Малик (во время гражданской войны 1975–1990 гг. он был «идеологическим наставником» «Ливанских сил» –

правой христианской милиции). Лишь позднее в исламском мире возникло неприятие отдельных положений Декларации, в частности ст. 18, гарантирующей свободу выбирать веру и менять ее, что противоречит базовым положениям шариата. В результате Организация Исламская конференция (ОИК) разработала Каирскую декларацию прав человека, которая была принята на саммите ОИК в Каире в августе 1990 г. (напомню, что Россия имеет статус наблюдателя в этой структуре, которая теперь называется Организацией исламского сотрудничества). Нетрудно догадаться, что с принятием Каирской декларации базовые противоречия с нормами шариата, прежде всего положений ст. 18, были устранены. Но насколько непримиримы концепции прав человека в шариате и в большинстве государств мира? Можно ли сегодня вообще говорить об абсолютной универсальности какой-либо концепции в этой сфере? Можно ли, в частности, предположить, что в обозримой перспективе модернизационный процесс в исламе приведет к отказу от запрета на переход мусульманина в другую веру?

Модернизация и культурная конвергенция

Успех модернизационного проекта будет зависеть во многом от того, как будут складываться отношения между различными культурами и цивилизациями. По Иану Питерсу, можно говорить о трех глобализационно-культурных парадигмах, или перспективах развития этих отношений: культурном дифференциализме, или сохраняющихся различиях; культурной конвергенции, или растущей похожести (*sameness*); культурной гибридизации, или постоянном смешении. Ключевым здесь является отношение к культурно-цивилизационным различиям: приведет ли глобализация к их нивелированию, стиранию путем поглощения одних другими, гомогенизации (конвергенция); будут ли они, напротив, укреплены, увековечены (дифференциализм, лежащий в основе теории «столкновения цивилизаций» Сэмюэла Хантингтона) или же будет идти процесс их смешивания (гибридизация). Следует заметить, что дискурс, основанный на известной еще в XIX в. концепции гибридизации, получил на Западе развитие именно в литературе, посвященной феномену миграции. Этот дискурс представляет собой антидот «эссенциализма», «фетишизма границ» и «культурного дифференциализма расистских и националистических доктрин», ключевыми понятиями которых являются этничность и идентичность. Гибридизация в определенном смысле может трактоваться

как потенциальная утрата и того, и другого. Фетишизации межкультурных границ противопоставляется тезис об их неизбежной эрозии. Характерные для концепции гибридизации ключевые понятия – смешение, синкретизм. Ее сторонники анализируют такие процессы, как «креолизация», «метисизация», а также «ориентализация» западного общества. В данном контексте мусульманский Восток выполняет функцию агента гибридизации.

В истории исламского мира было немало примеров гибридизации. Вспоминается один почти забытый сегодня факт. Османские султаны-мусульмане не возражали, когда европейцы называли их столицу по-старому – «Константинополь», а сами они использовали различные наименования, включая такое известное, как «Высокая Порта», причем арабы чаще называли город именем «аль-Истана» (от перекочевавшего из персидского в староосманский слова, означавшего «место власти»). В республиканской Турции лишь в 1930 г., с принятием Закона о почтовой службе, было предписано именовать столицу исключительно Стамбулом. Фактическое сохранение старого названия соответствовало желанию османских султанов перенести на себя величие византийской столицы, показать себя и наследниками ее культуры. Двойная идентификация здесь работала на имидж державы.

В какой-то мере этому подходу можно уподобить озвучиваемое ныне рядом видных российских историков новое прочтение взаимоотношений между русскими княжествами и Золотой Ордой, при котором подчеркивается цивилизационно-культурное взаимовлияние, а не вражда. А можно ли говорить в этом контексте о цивилизационном сближении, к примеру арабов и евреев – носителей двух близких по духу авраамических религий?

Арабы и евреи: Разрыв или сближение?

Сегодня подобная возможность явно блокируется нерешенностью арабо-израильского конфликта и продолжением израильской оккупации палестинских территорий. Палестинцы, утрачивая веру в возможность создания собственного государства, все чаще обращаются к идее создания единого демократического арабо-еврейского государства. Однако они осознают, что альтернативы концепции двух государств все равно не существует, и разговоры о едином государстве обречены на то, чтобы остаться разговорами.

В то же время эта концепция получает поддержку ряда западных критиков Израиля, которых становится все больше, в том

числе в еврейской общине США. Даже критическая реакция западных лидеров на резкое высказывание турецкого премьера Реджепа Эрдогана, сравнившего сионизм с фашизмом, хотя и не заставила себя ждать, все же была относительно мягкой. Напротив, именно после этого Обама выдал из Биньямина Нетаньяху извинение за нападение на турецкую флотилию, направлявшуюся в Газу, в результате которого погибло девять турецких граждан.

Мое внимание привлекла опубликованная в The New York Times статья профессора философии из Массачусетского университета в Амхерсте Джозефа Левина. Он пишет: «Моя точка зрения состоит в том, что необходимо подвергать сомнению право Израиля на существование и что поступать таким образом вовсе не означает проявлять антисемитизм». Но добавляет: «Если речь идет о его существовании как еврейского государства». По мнению Левина, за евреями безоговорочно должно быть признано право жить на земле предков, но оно все же не влечет за собой право на «еврейское государство». Кстати, в XIII–XIX вв., когда евреи вели борьбу за эмансипацию, сломав стены гетто, они считали антисемитизмом любое отрицание своего права быть лояльными гражданами того европейского государства, в котором проживали. Левин призывает не подменять понятие народа в гражданском смысле понятием, основанным на этничности (что вполне напоминает дискуссии, ведущиеся сегодня в нашей стране по поводу «российской нации»). Народ в этническом смысле, подчеркивает Левин, должен иметь общий язык, культуру, историю и привязанность к общей территории, что делает применимость этого понятия к евреям трудным. Народ в гражданском смысле объединен общим гражданством и проживанием на имеющей границы территории. Однако 20% жителей Израиля – не евреи, а большая часть мирового еврейства не живет в Израиле. В гражданском смысле следовало бы говорить об «израильском государстве», а не еврейском.

Не буду приводить все непривычные для западного дискурса и вызывающие раздражение в Израиле рассуждения Левина на эту тему. Упомяну лишь его вывод, состоящий в том, что исключение из полноправного вхождения в народ Израиля его нееврейских граждан (в основном палестинцев) нарушает демократический принцип равенства всех его граждан. Левин говорит о «неизбежном конфликте между понятиями “еврейское государство” и “демократическое государство”». Недавно в Израиле стали негодовать по поводу исключения ультраортодоксальных партий из правящей коалиции, замечает автор, но никто не замечает того, что

ни одну арабскую партию никогда не приглашали войти в правительство.

Замечу, что авторов подобных высказываний в Израиле обычно клеймят как self-hating Jews, т.е. «ненавидящих самих себя евреев». Кстати, к числу подобных причисляются такие известные личности, как Джордж Сорос, Вуди Аллен, Ури Авнери, Сэнди Бергер и другие, подвергающие Израиль критике за те или иные аспекты его политики. Это проявление все того же кризиса идентичности, а также характерного для израильского истеблишмента «менталитета окруженности», который отмечают многие авторы.

Нельзя не согласиться с исследователями, отмечающими типологическую близость позиций живущих в Израиле палестинских арабов и мизрахим – евреев, вышедших из стран Ближнего Востока и Северной Африки. И те и другие считают себя «жертвами ашкеназийского сионизма», подвергаясь дискриминации, которая превращает их – хотя и по-разному – в маргиналов. Как заключает Аталия Омер, если палестинские арабы строят свой протест на парадигме прав человека, «аргументация мизрахим возводит систематическое неравенство, характерное для израильского “государства”, к его эксклюзивистскому, этнореспубликанскому пониманию “нации”».

Функция исторической памяти

Кризис идентичности тесно связан с исторической памятью. У одних народов она сильна, у других слаба. Ко второй категории относятся не только «новые нации», и между нациями, имеющими долгую историю, в этом плане есть немалые различия. Так, к примеру, у народов Ближнего и Среднего Востока историческая память настолько сильна, что оказывает мощное воздействие на менталитет, на отношение к другим народам и вообще к жизни. Можно упомянуть и о своего рода «генеалогической памяти», имеющей разную протяженность в зависимости от этнической принадлежности. Достаточно спросить у статистического русского и статистического арабского юношей, сколько поколений своих предков он знает. Можно быть уверенным, что араб знает значительно больше.

Отдельные факты истории для некоторых наций приобретают сакральный характер (Холокост для евреев, геноцид для армян). Особенно горька память о поражениях в войнах. Для арабов память о неудачах в нескольких войнах с Израилем невыносима, она

создает комплекс неполноценности, для преодоления которого нужно ощущение достоинства и даже превосходства в чем-то ином.

Религия дает не только утешение, но и надежду, а в соединении с идеей избранности – то самое ощущение достоинства и превосходства. Как пишет известный ливанский интеллектуал Амин Маалуф, «ислам – это пристанище как для этничности, так и для достоинства». Поскольку арабские общества постоянно отставали в развитии от других стран (за исключением отдельных случаев), их армии терпели поражение за поражением, их территории подвергались оккупации, а люди унижались, «религия, которую они дали миру, стала последним прибежищем для самоуважения». Нет сомнения в том, что все данные обстоятельства были среди причин, породивших и «арабскую весну», и разгул насилия в обострившихся меж- и внутриконфессиональных и межэтнических столкновениях. Ближневосточная гангрена на наших глазах разползается за рамки региона, в том числе в северном направлении. Позволю себе еще раз обратиться к Маалуфу, который упоминает и о «культурном (цивилизационном) достоинстве», с которым непосредственно связано стремление любой этнической группы сохранить язык и религию (при этом отмечается, что религия эксклюзивна, язык – нет). Автор вводит понятие «глобализованного коммунитаризма (общинности)», являющегося одним из наиболее вредных последствий глобализации, когда резкое возрастание роли религиозной принадлежности сочетается с объединением людей в «глобальные племена» при помощи всепроникающих потоков информации. Это особенно заметно в исламском мире, где «беспрецедентная волна коммунитарного (общинного) партикуляризма, находящего яркое выражение в кровопролитном конфликте между суннитами и шиитами» (добавлю: и между различными направлениями в суннизме), выступает вместе с «интернационализмом». Последнее означает, что «алжирец добровольно идет воевать и умирать в Афганистане, тунисец в Боснии, египтянин в Пакистане, иорданец в Чечне, индонезиец в Сомали». Лишь в одном не соглашусь с автором – это не всегда происходит добровольно.

Трансляцию исторической памяти, в том числе и за пределы этнической группы, что оказывает непосредственное влияние на политику и вызывает порой бурные политические коллизии, облегчают современные мощные информационные потоки.

Память распространяется на весьма далеко отстоящие от нас по времени события, особенно если этносы, в них участвовавшие, сохраняются и в наше время, состоя в определенных отношениях с другими участниками тех событий. Достаточно упомянуть в этом контексте Куликовскую битву для русских и татар, битву на Косовом поле для сербов и т.п.

Все это имеет непосредственное отношение к формированию у этносов представления о самих себе, того, что по-английски называется *self-image*. Замечу, что в нашей литературе чаще говорят об «образе Другого», что превратилось уже в своего рода клише, а концепт вышеназванного «само-образа», как правило, остается за рамками научного интереса, воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Не могу не согласиться с Ламонтом Кингом, отметившим, что нация – это тоже вид этнической группы. Но «если этническую группу определяют другие (*other-defined*), нация определяет себя сама (*self-defined*)». Людям, отнесенным другими людьми к определенной этнической группе, от этого не уйти, даже если они этого захотят, однако отказаться от принадлежности к нации можно. Более того, нация «также отличается от более общей (*generic*) этнической группы своим желанием контролировать государство». Историческая память и здесь инструментальна, ее функция в том, чтобы поддерживать национальную солидарность и сплоченность.

Мифы и символы

Элементы исторической памяти почти всегда мифологизируются. Для понимания этого явления полезно обратиться к теории символического выбора (ТСВ), центральной идеей которой является идея комплекса «миф-символ». По Маррею Эделману, миф – это «разделяемое большой группой людей убеждение, которое придает событиям и действиям определенное значение». В рамках такого понимания тот факт, состоялось ли на самом деле или было вымышлено, сконструировано событие, выполняющее функцию мифа, не имеет значения. Символ, в свою очередь, понимается как «эмоционально заряженная ссылка на миф». Стюарт Кауфман, один из авторов, работающих в жанре ТСВ и внесших немалый вклад в ее применение к исследованию конкретных этнических конфликтов, в том числе и на постсоветском пространстве, пишет, что комплекс «миф-символ» представляет собой *«сеть мифов и связанных с ними символов»*. (Комплекс «миф-символ»

рассматривается в одной из работ Энтони Смита; роль символов – в работе Здислава Маха.) Иначе говоря, люди совершают политический выбор не столько по расчету, сколько руководствуясь эмоциями и отвечая на предлагаемые им символы.

По Доналду Хоровицу, непосредственным побудителем к этническому насилию являются эмоции, как, например, страх перед угрозой исчезновения группы, а Крауфорд Янг фокусирует внимание на важной роли стереотипов (мифов) и символов в «поддержании идентичности и продвижении групповой мобилизации». Таким образом, парадигма возникновения этнической конфликтности, которую в русле теории символической политики предлагают Янг и Хоровиц, выглядит следующим образом: страх перед уничтожением группы (или уничтожением ее идентичности) ведет к возникновению чувства враждебности, а затем и к групповому насилию. Согласно Янгу, атмосфера враждебности и угроз повышает групповую солидарность, побуждает людей рассматривать события в этнических терминах.

В рамках данного теоретического дискурса понятие идентичности занимает видное место, при этом она фактически выступает и как фактор мировой политики (не случайно с 1990-х годов это понятие стало разрабатываться в особом ключе и наукой о международных отношениях). И опять: в русле символической политики может рассматриваться и парадигма возникновения конфликтности на религиозной основе. Во всяком случае, страх перед исчезновением исламской цивилизационно-культурной идентичности и, соответственно, утратой позиций социально-политических групп, базирующих на ней свою легитимность, столь же очевидно способен порождать враждебность и насилие. Вспомним жесткую реакцию части населения исламского мира на публикацию в датской газете карикатур, изображающих Пророка Мухаммада.

Через комплекс «миф-символ» – с помощью разжигания агрессии на основе разного рода сконструированных исторических и историко-религиозных мифов – могут преодолеваются слабость идентичности и трудности проведения мобилизационной политики. Такие мифы, в свою очередь, строятся на интерпретации политики в этнических терминах. Точно так же мифологизация, к примеру, событий первых веков ислама через символы может побудить рассматривать события, в том числе современные, в религиозных терминах. Речь не идет о том, что каких-то событий не было или они были не такими, как их сегодня представляют, а о

том, что им придается определенное символическое значение, побуждающее к действию политического характера. При этом не будем забывать, что этничность и религия настолько тесно связаны, что и этническая мобилизация может апеллировать к религиозным мотивациям, и, соответственно, наоборот. Войну против Ирана Саддам Хусейн называл «своей Кадисией», проводя аналогию с битвой, в которой в 636 г. арабы одержали верх над персами, впоследствии обращенными в ислам: здесь соединены этнический и религиозный мотивы, хотя ирано-иракская война XX столетия велась уже между единоверцами. «Миф-символ» Кадисии тем не менее не сработал, и привлечь арабское население Ирана на сторону Ирака не удалось.

Генри Тудор считает, что «миф в его современном смысле – коллективный проект социальной группы», а Тирца Хехтер из университета Бар-Илана в Израиле в этой связи утверждает, что хотя Холокост и был «трагическим историческим событием», он сыграл и «конструктивную роль», послужив средством «универсальной легитимации основания Государства Израиль». Чарльз Либман поясняет, что «миф о Холокосте» (снова напомним: не в том смысле, что его не было, а наоборот, что он был самым трагическим и травматическим событием в истории евреев) говорит о «коллективной попытке найти смысл в гибели шести миллионов евреев». Этот коллективный проект послужил мощным инструментом национальной мобилизации. Показательно, что у израильских ученых нет табу на обсуждение символической роли Холокоста. Аналогичную функцию для армян выполняет коллективный проект геноцида в Османской империи – столь же травматического и трагического события.

Кризис наций-государств

Рассмотренный выше кризис идентичности неразрывно связан с расшатавшейся устойчивостью современной системы наций-государств. В последние десятилетия, как известно, распался целый ряд таких государств в различных регионах мира (СССР, Югославия, Чехословакия, Судан), образовались новые. Феномен «арабской весны» заставил некоторых экспертов и политиков заговорить о кризисе постколониальной конфигурации Ближнего Востока, или о конце системы Сайкс-Пико, созданной после Первой мировой войны.

Историки могут рассказать, насколько произвольно и в какой спешке в офисах французских и британских колонизаторов чертились границы между частями отвоеванных у Османской империи арабских вилайетов. На некоторых международных конференциях тема «конца Сайкс-Пико» стала названием секций (например, на весьма авторитетном Стамбульском форуме 2013 г.). На таком же форуме годом ранее известный турецкий автор в качестве одной из причин «арабской весны» называл то, что арабские страны будто бы не знали своей национальной государственности, а были созданы «из осколков Османской империи». При этом он странным образом игнорировал тот факт, что, к примеру, египетская государственность, несмотря на периоды иностранного господства, насчитывает несколько тысячелетий. Безусловно, за этим высказыванием стоит популярный сегодня в Турции неоосманский дискурс, который, в свою очередь, также свидетельствует о том, что постимперская национальная государственность еще не вполне укоренена в сознании турок. Я думаю, что политика Анкары в отношении сирийского кризиса в определенной степени продиктована и тем, что часть турецкой политической элиты склонна рассматривать Сирию именно в качестве вышеупомянутого «осколка», как минимум одной из составляющих «стратегической глубины» (по Давутоглу).

Французский аналитик и экс-посол Жан-Поль Филью считает, что система постколониальных границ и очерченных ими государственных образований изжила себя. В странах Ближнего Востока подобные взгляды встречаются не реже. А иранские исследователи Сейед Абдулали Гавам и Мохаммад Гейзари вообще заявляют, что сама концепция нации-государства, подобно идеологии национализма, импортирована на Ближний Восток с Запада.

Национализм и государство

В задачи данной статьи не входит рассмотрение соотношения государства и нации. Однако, говоря о кризисе наций-государств, стоит хотя бы кратко затронуть этот вопрос. Джек Плэйно и Рой Олтен подчеркивают в определении государства фактор территории. Оно представляет собой «юридический концепт, описывающий социальную группу, которая занимает определенную территорию и организована в рамках общих политических институтов и эффективного правительства». Нация же видится как «социальная группа, которую объединяют общая

идеология, общие институты, обычаи и ощущение однородности». С этим и подобными объяснениями контрастирует, к примеру, предложенное Робертом Лоуи понимание государства как «универсальной черты человеческой культуры». Это толкование сегодня не находит широкой поддержки у исследователей, подобно тому как концепция этнических групп как культурных единиц (cultural units) уступила место пониманию этничности как социальной организации (social organization).

Говоря словами уже упоминавшегося Иана Питерса, лишь период с 1840 по 1960 г. был эпохой «наций», и «темной стороной нациестроительства были маргинализация, изгнание, экспроприация, угнетение иностранцев, а также политика национальных чисток. Турция (армяне и другие), Германия (евреи), Уганда (индийцы), Нигерия (ганцы), Болгария (этнические турки), Индия (мусульмане) являются знакомыми примерами... но это лишь верхушка айсберга». В последние же десятилетия «пафос наций-государств» несколько поубавился, и ему на смену приходят глобализация, регионализм и эпоха этничности. Становится общепризнанной роль диаспор, «национальные» идентичности видятся как смешанные, сохранение культурного разнообразия становится общепризнанным императивом.

Тем не менее именно отношение к иммигрантам стало одной из линий водораздела между сторонниками различных моделей развития России, однако здесь «почвенники» и «западники» нередко объединяются в стремлении ограничить приток «чужих». И это при том, что речь идет о наших бывших соотечественниках по Советскому Союзу, к тому же приезжающих сюда работать. Вообще всякие ограничения на перемещения людей представляют собой сопротивление глобализации, в которой из трех потоков свободного глобального циркулирования (капиталов и товаров; информации; людей) лишь два первых никто не может остановить (экономический и культурный протекционизм в целом не имеют успеха). Впрочем, и с этими двумя потоками не все однозначно.

Уместно упомянуть здесь и тезис Дани Родрика о «трилемме» несовместимости гиперглобализации, демократии и национального самоопределения, исходя из того, что первая глобальна по сути, вторая является уделом государств, а самоопределение национально по определению.

Еще в XIX в. Эрнест Ренан говорил о «нации» как о «ежедневном плебисците». Знаменитый французский философ, бесспорно, имел в виду то, что единство и сплоченность нации были

обеспечены лишь постольку, поскольку принадлежащие к этому сообществу люди в это верили. Если этой веры нет, растет гетерогенность, повышается уровень внутренней конфликтности, способной выплескиваться в насилие.

Универсальность насилия

В связи с часто обсуждаемой темой о высоком уровне насилия в непосредственно связанных с проблемами меж- и внутриконфессиональных, межнациональных отношений, идентификационного выбора и судеб наций-государств в конвульсиях «арабской весны» замечу, что и за пределами арабского и исламского мира можно найти немало примеров ожесточения. Американский автор Кристофер Хитченс с долей язвительности пишет, что не может отказать Далай-ламе «в некотором обаянии и привлекательности», но то же самое можно сказать и об английской королеве, что, однако, никому не запрещает подвергать критике принцип наследственной монархии. «Точно так же первые иностранные визитеры в Тибет откровенно ужаснулись феодальному подчинению и страшным наказаниям, с помощью которых население удерживали в состоянии рабства у паразитической монашеской элиты». Этот же автор обращает внимание на то, что и среди приверженцев таких вроде бы мирных религий, как индуизм и буддизм, есть немало убийц и садистов. Такие факты действительно широко известны. Прекрасный остров Цейлон оказался разрушен благодаря насилию и репрессиям в ходе длительного вооруженного конфликта между буддистами и индуистами, напоминает Хитченс.

В сегодняшней Бирме, переименованной в Мьянму (или в Мьянмар), несмотря на начавшийся процесс демократизации, жестоким преследованиям подвергается мусульманское меньшинство — *рохинджа* (их численность — до 800 тыс. человек), в результате чего власти этой страны и ее буддийская община (особенно араканцы, живущие бок о бок с мусульманами) стали объектом непримиримой критики со стороны практически всего исламского мира, вплоть до призывов к джихаду отдельных радикальных групп. В сегодняшней Африке некоторые приверженцы христианских сект повинны в жестоких убийствах мусульман.

* * *

Все сказанное делает еще более актуальным призыв к уважению национального суверенитета независимых государств,

часть из которых под напором вызовов гиперглобализации и необходимости идентификационного выбора испытывает кризис государственности. Межцивилизационный диалог представляет собой неоспоримо важный инструмент предотвращения перерастания порожденной этим кризисом враждебности этнических и конфессиональных групп, наций и государств в кровопролитные войны.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2014 г., т. 12, № 1, январь-февраль, с. 41–58.*

Ш. Кашаф,

ведущий специалист

(РАНХ иГС при Президенте РФ, г. Москва)

Д. Мухетдинов,

кандидат политических наук,

первый зам. председателя ДУМЕР,

ректор Нижегородского исламского университета

**ПРИЗНАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: ДИСКУРСИВНЫЕ
ДИСПОЗИЦИИ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
И ПОЛИТИЧЕСКОГО КЛАССА
МУСУЛЬМАНСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ**

Дебаты о вызовах идентичности охватили большинство стран современного мира. Они превратились, по выражению американского политолога С. Хантингтона, в неотъемлемую черту нашего времени. Мало, где еще люди не задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих, пересматривают свои позиции, меняют точки зрения. Кто мы такие? К какому сообществу мы принадлежим?¹ Необходимость осмысления социально-политических изменений во всем их многообразии и поиска новых ресурсов развития общества, адекватных историческим вызовам, мотивирует политическую науку все чаще обращаться к категории идентичности. Однако, как подчеркивают ряд современных авторов, вопрос о соотношении индивидуальной и коллективной идентичности будет постоянно оставаться наиболее сложным, а значит, при разрешении этой дилеммы потенциал идентичности как категории политического анализа сохранит свою особенную востребованность.

¹ См.: Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004.

В современном обществе формирование коллективных идентичностей происходит под влиянием целого ряда факторов. Они определяются деятельностью государства и политической элиты, сознательно проводимой политики идентичности, а также в результате стихийных изменений в массовом сознании под влиянием социально-экономических и социокультурных деформаций, способных рефлексивно активизировать такие «традиционные» формы коллективной самоидентификации, как религиозная, национальная и цивилизационная. Поэтому, согласно А.Х. Тлеужу, конструирование коллективной идентичности следует рассматривать и как результат смыслотворческой, идеологической и пропагандистской деятельности элит, и как стихийный процесс изменений стереотипов массового сознания под влиянием меняющихся исторических обстоятельств¹. В этом отношении коллективная идентичность тесно связана с политической идентичностью и формируется в непосредственном взаимодействии с ней.

Еще одним важным методологическим указанием, на который мы хотим обратить внимание, приступая к предмету настоящей статьи, является следование коммуникативному подходу при рассмотрении коллективных идентичностей. Признание их коммуникативными конструктами, дискурсивными фактами требует при анализе коллективных идентичностей эмпирически правильной интерпретации и корректной операционализации свойств их универсальности. Как предупреждает Г.Я. Миненков, ошибочная интерпретация может привести к возникновению опасности манипулирования коллективами, игнорированию различий между индивидами и, как следствие, к их насильственной гомогенизации. Следуя его замечанию, «к коллективной идентичности нужно идти не “сверху”, так сказать, отталкиваясь от некоторых “идеальных сущностей”, а “снизу”, от реальных коллективных действий, в контексте которых происходит самоопределение индивидуальных самостей, конструирующих те или иные коллективные идентификации»².

¹ Тлеуж А.Х. Конструирование российской коллективной идентичности: Социально-философский анализ: автореф. дис. ... д. ф. н.: 09.00.11. – Ростов н/Д., 2011. – С. 20.

² Миненков Г.Я. Идентичность как предмет политического анализа // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. – М., 2012. – Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семененко. – С. 23.

Приложимость этого подхода, на наш взгляд, в равной мере оправдана как в вопросе исследования идентичности больших социокультурных сообществ, так и на уровне изучения идентичности элит, понятийно оформленной основателями ростовской научной элитологической школы А.В. Понеделковым и А.М. Старостиным как сознание принадлежности к элитному слою и сопутствующее этому чувство избранности и ответственности за принимаемые решения и реализуемую миссию на уровне общенациональных (как региональных, местных, в зависимости от уровня элиты) масштабов¹.

Когда в 2010 г. политологи А. Верховский и Э. Паин в совместной работе в сборнике статей российских и немецких ученых, обсуждавших идеологию «особого пути» России как инструмента модернизации страны, выдвинули тезис о том, что «политическая элита России находится на распутье»², видимо, у них были серьезные основания для такого вывода. Но имелось ли их тогда больше, чем теперь? Российский политический истеблишмент, который на экваторе легистратуры Президента РФ Д.А. Медведева, представлял собой не единую монолитную группу, а конгломерат довольно разных чиновничьих кланов, предлагающих де-факто разные программы цивилизационного национализма, должен был определиться, какую из возможных версий использовать в России. Стратегия русского этнонационализма воспринималась властями заведомо неприемлемой, так как неизбежно провоцировала бы подъем этнонационализмов меньшинств и всплеск нежелательных конфликтов. С другой стороны, национализм является чрезвычайно привлекательным как эффективный способ мобилизации масс, столь необходимой в условиях атомизации российского общества. Нечто срединное, модель конструирования цивилизации по принципу «все-таки не русской, а российской или православной – в зависимости от требуемого масштаба», по наблюдениям политологов, притягивала к себе многих, в том числе и значительную часть высокопоставленных чиновников. Так или иначе, но политическая элита склонялась к так называемой концепции культурного этно-

¹ Понеделков А.В., Старостин А.М. Феномен идентичности региональных элит: Российская версия // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия: Сб. ст. / Под ред. Я.А. Пляйса. – М., 2010. – С. 159.

² Верховский А., Паин Э. Цивилизационный национализм: Российская версия «особого пути» // Идеология «особого пути» в России и Германии: Истоки, содержание, последствия: Сб. ст. / Под ред. Э.А. Паина. – М., 2010. – С. 200.

национализма, разработанной в 1999–2000 гг. Русской православной церковью.

В понимании политолога С.И. Каспэ, уделившего вопросу разработки и реализации программы строительства российской политической нации (nation-building) несколько интересных работ, вторым необходимым участником nation-building вместе с государством также следует считать Русскую православную церковь Московского Патриархата. Сообразно ее совершенно особому месту, занимаемому в российском обществе, и располагающей наибольшим ресурсом доверия населения, важнейшим элементом «строительства нации». Впрочем, по убеждению Каспэ, *вторым* в иерархии субъектности следовало бы признать государство, которое «властно притягивает наш взгляд, причем обыкновенно мешая видеть что-то, кроме себя самого», поскольку «*первым* для всех обществ, родившихся в лоне христианской цивилизации, без различия Востока и Запада, является именно центр церковный»¹. Возможность подключения к проекту российского нациестроительства иных субъектов (партий, функциональной и рефлексивной интеллектуальных элит со своими групповыми подразделениями, других «земных-трансцендентных» центров) ученый допускает скорее как их вынужденное реагирование на инициированный церковью разговор (к которому она смогла принудить и государство, представленное сейчас правящей группой) о ценностях российской политики и желательных-возможных контурах нации.

Называя важнейшим институтом возвращения политического в российскую политику Русскую православную церковь, С. Каспэ продолжает перебирать логически возможные альтернативы среди всех источников ценностей, «способных послужить преодолению того острейшего дефицита легитимности, который является главной причиной дисфункциональности современной российской политики и угрожает ее дальнейшему существованию»². И в добавление к эндогенному – уже упомянутой РПЦ – он называет второй и единственно возможный для России экзогенный источник легитимности, на его взгляд, безусловно выигрывающий с колоссальным отрывом «в соревновании за титул наиболее востребованного постсоветскими государствами (впрочем, не

¹ Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: Общие положения, российский случай. – М., 2012. – С. 102.

² Каспэ С.И. Указ. соч. – С. 163.

только ими)»¹. Это Запад. Церковь и Запад, мотивирует Каспэ, являются взаимно комплементарными, а Россия и Запад – «от одного христианского корня». И даже существующие между ними конфессиональные различия не являются препятствием непреодолимой силы к выработке и реализации программы российского нациестроительства.

В понимании С.И. Каспэ, профессора Высшей школы экономики, имеющей статус национального исследовательского университета, кроме Запада больше никто не в состоянии победно участвовать в соревновании за роль ценностного центра притяжения. Ни российская полития – по причине «скудости и ущербности ценностного “ресурсного пакета” самой России»², ни исламский мир, выбор которого в качестве ориентира в современных условиях означает «выбрать войну»³. Поэтому политолог предлагает считать единственно оптимистическим сценарием будущего России «ее превращение в субцентр империи Запада – в большинстве отношений автономный, в пределах своего домена полномочный, но все же субцентр»⁴.

Политологи А. Верховский и Э. Паин более критично относятся к концепции культурного этнонационализма Русской православной церкви, в принципе оценивая в стратегической перспективе «особый путь» цивилизационного национализма как «безусловно тупиковый, противоречащий глобальным тенденциям мирового развития, мешающий модернизации социальных институтов и тем самым подрывающий саму надежду России на достойное место в будущем мировом порядке»⁵. К тому же, как отмечают исследователи, в концепции РПЦ представителям ислама, буддизма и иудаизма (в их наиболее распространенных формах и исключая оппозиционные религиозные меньшинства) предлагается роль младших партнеров. Констатируя этот факт, к сожалению, ученые этим и ограничиваются, не углубляясь в деликатную сферу межконфессиональных отношений и предоставляя читателю самостоятельно разобраться с вопросом, а желают ли сами носители неправославных идентичностей в России соглашаться с той ролью, которую им

¹ Каспэ С.И. Указ. соч. – С. 149.

² Там же. – С. 151.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 162–163.

⁵ Верховский А., Паин Э. Указ. соч. – С. 206.

отводит группа нациестроителей из Московской Патриархии. Что ж, будем разбираться.

В многочисленной литературе, посвященной исламскому возрождению в современной России, часто отмечается, что наряду с оформлением соответствующей исламской инфраструктуры в стране очевидно происходит «пробуждение мусульманской идентичности, давшей исследователям основания говорить о мусульманском сообществе»¹. И уже вряд ли становится возможным игнорировать достижение ею тех референтных позиций, которые способствуют членам мусульманского коллектива в избавлении от комплекса младших братьев. Подобные суждения все чаще выносятся в публичный дискурс социальными агентами «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон) российских мусульман – той его частью, которая, действуя в социальном пространстве, состоящем, по П. Бурдьё, из ансамбля полей, в том числе религиозного и политического, может занимать в нем несколько позиций одновременно². Мы имеем в виду тот случай, когда акторы религиозной власти в зависимости от объемов конвертируемых капиталов религиозного поля занимают более или менее выгодные позиции в поле политическом.

Идентифицируя себя с русским государством и российской цивилизационной общностью, российские мусульмане³ веками «сохраняли и свою исламскую идентификацию, позволяющую обрести культурно-религиозную индивидуальность в инокультурной (русской) и инорелигиозной среде»⁴. Кратно уступая по численности суперэтнической общности народов православной культуры, объединившихся вокруг русского народа, мусульмане страны самоотождествляются со значимой частью

¹ Черепанов М.С. Мусульманское сообщество в политическом поле региона: Структурно-генетический анализ стратегий активистов: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Тюмень, 2010. – С. 3.

² Бурдьё П. Социальное пространство и генезис классов // Бурдьё П. Социология политики. – М., 1993. – С. 55–59.

³ В литературе понятие «российские (русские) мусульмане» часто трактуется как некий социум, который не тождественен исповеданию ислама, а шире: мусульмане – это народ со своей религией (Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М., 2004. – С. 5).

⁴ Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Русские мусульмане в поле российской идентичности // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. – М., 2008. – С. 289.

полуторамиллиардного сообщества мусульман¹ – мировой уммой², основателем которой является создатель исламского вероучения, первой мусульманской общины и первого исламского государства Мухаммад Мустафа.

За годы «исламского возрождения» в стране, которое развилось на фоне идеологического вакуума, образовавшегося с приходом к власти новой политической элиты после краха коммунистической системы СССР, и «неспособности государства сформулировать общенациональную идею и мировоззренческие смыслы»³, мусульманская идентичность значительно укрепила свои референтные позиции в социокультурной идентификации. Гораздо в большей степени это наблюдается в местах компактного проживания представителей российской уммы. В так называемых «мусульманских республиках» в условиях пространственной локализации недоминирующие в общероссийском масштабе члены мусульманских коллективов оказались на положении ведущих аттракторов идентичности в своем ареале обитания.

Миллионы российских граждан интернализировали принятые в мусульманском обществе нормативно-ценностные и идейно-политические ориентиры и установки, которые сегодня эксплицитно выражены в формулировке «ислам – это религия не пришельцев, не мигрантов, а коренных россиян»⁴. Конституируемая религиозными лидерами и мусульманской символической элитой модель политического поведения концептуально не вписывается в западный мультикультурализм как доктрину «единства в разнообразии». В то же время она исходит из стремления «оплодотворить» российскую политику идентичности исламскими ценностями, оценить ее с позиций исламских принципов и добиться участия автохтонного мусульманского меньшинства в качестве

¹ В Коране говорится о существовании универсального сообщества мусульман, которое разделено на народы и племена, чтобы мусульмане «узнавали друг друга» (Коран: 49; 13).

² Арабское слово «умма», содержащееся в мусульманских сакральных текстах, их толкователями переводится как теснейшее братство мужчин и женщин, объединенных узами духовного родства и высочайшим служением Богу.

³ Магомедов А. Ислам и политика на полумусульманском евразийском пограничье // Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход / Под ред. Кимитака Мацузато. – М., 2007. – С. 195.

⁴ Ислам – религия коренных россиян» [Глава Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин об уникальном положении мусульман в России] // Коммерсант. 2011. 18 февраля.

равноположенного субъекта строительства российской нации. Это особым образом накладывает отпечаток на дискурсную коммуникацию его активистов в публичной сфере в ответ на наметившуюся в российском обществе тенденцию установить для недоминирующих групп определенные модели социокультурного и политического поведения, которые могут расходиться с исламскими ценностями и традициями.

Так, в тексте проповеди главы Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) России Т. Таджуддина, произнесенной в 2008 г. во время торжественного богослужения в Уфимской Соборной мечети по случаю мусульманского праздника Курбан-байрам (праздник жертвоприношения) и транслировавшейся на общероссийском «Первом канале», не случайно оказывается следующее утверждение: «В России 20 миллионов мусульман. Мы тут жили и живем давно, когда еще Киевская Русь была. Булгары первые, кто воевал с монголо-татарами»¹.

Близкую позицию в публичной сфере занимают и другие лидеры общероссийских централизованных мусульманских структур, подкрепляя свои дискурсы схожими историческими мифологемами. «По Конституции православие и ислам являются равноправными. Однако на деле, к сожалению, реальность не всегда такова, – заявляет в 2011 г. председатель Совета муфтиев России (СМР) Р. Гайнутдин. – Многие православные считают, что их большинство, и Россия – православная страна. Мы же говорим: нет, Россия – и православная, и мусульманская. <...> Ислам пришел на нашу землю раньше, чем была крещена Русь: на территории Дербента в Дагестане уже в VIII в. была построена мечеть. Ислам – это религия не пришельцев, не мигрантов, а коренных россиян»². Для того чтобы устранить сложившееся неравенство между православными и мусульманами, на взгляд главы СМР, следует на всех уровнях государства и общества продвигать понимание того, что мусульманские народы помогли организовать русским князьям, чем способствовали созданию Российского государства. Поэтому 20 млн современных потомков российских му-

¹ Курбан-байрам. Трансляция из Уфимской Соборной мечети // Первый канал. 2008. 8 дек.

² «Ислам – религия коренных россиян» [Глава Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин об уникальном положении мусульман в России] // Коммерсант. 2011. 18 февраля.

сультан, живущих сегодня в стране, по мнению Р. Гайнутдина, имеют право требовать равноправного отношения к себе.

По прошествии еще нескольких лет болезненность темы конфессионального неравенства продолжает сохраняться. В соседнем с Башкортостаном Татарстане И. Баязитов, имам казанской мечети «Сулейман», высказывая свое мнение независимой общественно-политической газете «Звезда Поволжья – Казань», недвусмысленно подчеркивает: «Мусульмане, которые чувствуют, что являются в своей стране не второстепенными “младшими” братьями, а совершенно равноправными и уважаемыми гражданами, являются для России самыми большими патриотами, самыми верными и бескорыстными сынами. Если же им будет навязываться сценарий, низводящий их до роли терпимого меньшинства, который пропагандируют некоторые недальновидные реакционные круги, то ситуация в стране может только усугубиться»¹. При этом И. Баязитов, который был назначен в 2013 г. заместителем председателя Духовного управления Республики Татарстан К. Самигулина, избранного после отставки с поста муфтия республики И. Файзова, уверен, что мусульмане в России могут стать опорой российской нации, поскольку очевидна их пассионарность и у них есть идеология, строгие ценностные и моральные принципы, здоровый дух, необходимые России.

При всем плюрализме мнений и позиций, представленных в современном публичном пространстве России, отчетливо различим голос ключевых акторов мусульманского сообщества, разделяющих онтологическую потребность Российского государства отвечать на все новые вызовы истории. В своей поддержке они также исходят из манифестируемого российской политической элитой императива жизнеспособности страны. В ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 2012 г. В.В. Путин сформулирован в одном из принципиальных положений: «В мире XXI века на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация»². Откликаясь

¹ Ахметов С. Традиционный ислам нуждается в деполитизации // Звезда Поволжья – Казань, 2013. – 25 января.

² Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ 2012 г. // Президент России: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/news/17118>

на призыв властвующей элиты «поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение»¹, Р. Гайнутдин в своем выступлении на II Всероссийском мусульманском совещании «Мусульмане России и гражданское общество», состоявшемся 28 мая 2013 г. в Москве, указал: «Принципиальная позиция главы Российского государства о том, что Россия веками развивалась как многонациональное, поликонфессиональное государство, в котором недопустимы дискриминация по этническому или религиозному признакам, нам глубоко импонирует и является залогом успешного развития нашей страны. Россия – это Родина, любимое Отечество для многомиллионной мусульманской уммы»².

По объективным показателям, фактор исламской идентичности во внутренней политике России будет и далее повышать свою значимость. По результатам Всероссийской переписи населения в 2010 г., большинство этносов, исторически принадлежавших мусульманской традиции, увеличили свою численность. Растет при этом число приверженцев ислама, практикующих религиозные предписания, причем не по инерции или в соответствии со сложившимися нормами в своем окружении, а осознанно и зачастую испытывая бытовые неудобства или давление окружающих. Своеобразной сенсацией стали результаты социологического исследования Левада-центра, согласно которым доля россиян, идентифицирующих себя с мусульманским сообществом, возросла за период 2009–2012 гг. в 1,75 раза – с 4 до 7%, тогда как доля тех, кто относит себя к православному вероисповеданию, сократилась на 6 процентных пунктов, с 80 до 74%³.

¹ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ 2012 г. // Президент России: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/news/17118>

² Выступление муфтия шейха Равиля Гайнутдина на II Всероссийском мусульманском совещании «Мусульмане России и гражданское общество» // Ислам Минбаре / Официальный печатный орган ДУМЕР – Всероссийская газета мусульман «Ислам минбаре». 2013. № 6–7.

³ В России 74% православных и 7% мусульман // Левада-центр: сайт. 2012. 17 декабря. URL: <http://www.levada.ru/print/17-12-2012/v-rossii-74-pravoslavnykh-i-7-musulman>.

Таблица 1

Относите ли Вы себя к какому-либо вероисповеданию?

Если да, то к какому именно?

**(в процентах от общего числа опрошенных
вместе с данными предыдущих опросов)**

	<i>Декабрь 2009 г.</i>	<i>Декабрь 2010 г.</i>	<i>Декабрь 2011 г.</i>	<i>Июнь 2012 г.</i>	<i>Июль 2012 г.</i>	<i>Сентябрь 2012 г.</i>	<i>Ноябрь 2012 г.</i>
Православие	80	76	76	77	76	79	74
Ислам	4	4	4	5	5	6	7
Католицизм	<1	<1	1	<1	1	1	1
Протестанты	<1	<1	<1	<1	<1	<1	1
Иудаизм	<1	<1	<1	<1	<1	1	1
Буддизм	<1	<1	1	<1	<1	<1	<1
Индуизм	-	-	<1	<1	<1	<1	<1
Другое	<1	1	1	<1	1	<1	<1
Ни к какому вероисповеданию	8	10	9	9	9	7	10
Атеист	6	5	7	6	6	5	5
Отказ от ответа	1	3	1	2	1	1	-
Затрудняюсь ответить	1	1	1	1	1	1	2

Источник: Данные опроса Аналитического центра Юрия Левады (АНО Левада-центр), проведенного 23–26 ноября 2012 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1596 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Статистическая погрешность данных не превышает 3,4%.

В настоящее время большинство специалистов, занимающихся изучением политического участия мусульманских активистов, говорят о наличии двух исторически сложившихся центров развития российской уммы – Поволжье и Северный Кавказ, большая часть населения которых традиционно исповедует ислам. Мусульманское Поволжье имеет репутацию региона, где ислам наиболее органично вписался в российскую политическую и социально-культурную модель. Северный Кавказ с момента включения его в общее политическое пространство является регионом, где религия мусульман приняла на себя идеологическую функцию объединения оппозиционно настроенных кругов как в элите, так и в народных массах. Меньший интерес вызывают немусульманские

регионы Российской Федерации, которые, тем не менее, охватывают значительную часть страны, что в сочетании с усиливающейся иммиграцией «делает осмысление и прогнозирование мусульманского политического участия в этих регионах важным компонентом поддержания политической стабильности во всей стране в целом»¹. В поле внимания исследователей-политологов справедливо включаются процессы формирования в настоящее время третьего мусульманского ареала, расположенного за Уралом – в Западной Сибири. Этот регион до недавнего времени не рассматривался как самостоятельная аттракторная зона развития российского ислама, но интенсивность миграционных потоков превращает его в образец «иммигрантского ислама», когда основу мусульманской общины составляют мигранты первого–второго поколения.

Такие крупные города, как Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Саратов и др., имеющие в своем составе большие тюрко-мусульманские анклавы, до недавнего времени специалистами не относились к этноконфессиональным политическим центрам, оказывающим доминирующее влияние на основные тенденции развития исламской уммы – в силу значительной мультикультурности социальной среды и ее урбанизированности². Однако и в этих мегаполисах в последние годы наблюдается заметный рост приверженцев ислама. По большинству мусульманских этносов в столичном регионе произошел не только рост численности, но и религиозности людей, их приобщенности к религиозной традиции и жизни своей общины. Наибольшими темпами он проходил за счет центральноазиатских и северокавказских народов, а также татар, численность которых в столице не упала, а напротив, выросла на 17,4 тыс. человек, т.е. на 7,9%.

Соответствующие обоснования этих данных на заседании научно-экспертного совета Общественно-консультативного совета при Управлении Федеральной миграционной службы по г. Москве представил один из экспертов Духовного управления мусульман Европейской части России (ДУМЕР) А.В. Макаров, руководитель отдела по работе с общественными организациями и мигрантами Департамента внутренних дел. По результатам полевых исследований ДУМЕР, наиболее крупная группа прироста мусульман Москвы происходит за счет татар-переселенцев из стран

¹ Черепанов М.С. Указ. соч. – С. 12.

² Галлямов Р.Р., Сакаев И.Н. Тенденции взаимодействия государственной власти и региональных business-элит // Политэкс. – 2010. – № 3. – С. 72.

Центральной Азии. В субэтническом плане самой крупной общностью среди татар по-прежнему остаются татары-мишари, составляющие в совокупности до 80% всего татарского населения в столичном регионе. Среди них наиболее крупной группой являются переселенцы из Нижегородской области и их потомки, сообщается на официальном сайте ДУМЕР «Мусульмане России»¹.

По причине безработицы и экономических проблем в столицу России мигрируют очень многие, и сообщество московских мусульман по большей части уже с трудом поддается статистической оценке. Так, по словам Р. Гайнутдина, мусульман в российской столице около 2 млн человек, но эти данные могут быть скорректированы как в меньшую, так и в большую сторону – и это объяснимо, потому что среди прибывающих в Москву мусульман много нелегальных трудовых мигрантов, которые не учитываются в установленном порядке. Тем не менее общая тенденция заключается в росте мусульманского населения в столичном регионе, проходящем от переписи к переписи. Кроме того, можно говорить о постепенной утрате периферийного статуса, характерного для ислама в Российской империи и Советском Союзе.

Одним из самых важных количественных показателей при описании состояния мусульманской уммы является количество принимающих участие в праздничных богослужениях. По наблюдениям специалистов, «на протяжении ряда лет наблюдается неуклонный рост этого показателя»², а в российской столице он выглядит особенно впечатляющим. По данным Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Москве³, на каждый из двух мусульманских религиозных праздников в

¹ Количество мусульман в Московском регионе возрастает, свидетельствуют данные переписи населения. 2012. 13 апреля. URL: <http://www.dumrf.ru/dumer/event/3150>

² Макаров А. Что стоит за цифрами статистики? // Ислам в Российской Федерации: сайт. 2012. 5 мая. URL: <http://islamrf.ru/news/point-of-view/analytics/21946>

³ Использование в социологических исследованиях «праздничной статистики» для описания состояния религиозных общин разных конфессий и оценки численности религиозного актива верующих одинаково допустимо и в исламе, где имеются праздничные намазы на Ураза-байрам и Курбан-байрам, и в православии, в котором приняты праздничные богослужения по случаю Пасхи и Рождества Христова. Однако, оперируя официальной статистикой правоохранительных органов, следует учитывать, что она, как правило, может существенно отличаться в меньшую сторону от тех данных, которые в связи с теми же мероприятиями приводятся центральными религиозными организациями.

2009 г. приходило в среднем по 70 тыс. человек, в 2010 г. – по 100 тыс.

В столичных мероприятиях во время праздника Курбан-байрам (Ид аль-Адха), известного россиянам как День жертвоприношения, 6 ноября 2011 г. приняли участие 170 тыс. мусульман¹. По предварительным прогнозам руководителей Совета муфтиев России, ожидалось, что число мусульман, которые придут 19 августа 2012 г. на торжественный намаз по случаю окончания 30-дневного поста месяца Рамадан – Ураза-байрам (Ид аль-Фитр), составит от 200 до 300 тыс. человек. Накануне торжественного богослужения с таким прогнозом в эфире радиостанции «Эхо Москвы» выступил заместитель председателя Совета муфтиев России И. Аляутдинов². По факту состоявшихся в столице религиозных мероприятий мусульман пресс-служба ГУ МВД России по г. Москве сообщила средствам массовой информации о 150 тыс. верующих, заполнивших столичные мечети и выделенные властями города три площадки для моления: в одном из павильонов парка Сокольники, в Южном Бутово и впервые в Лужниках – на поле для гольфа³. Примерно такую же численность приверженцев ислама московская полиция официально зафиксировала 26 октября 2012 г. на празднике Курбан-байрам⁴.

По распространенным в СМИ сообщениям Совета муфтиев России, 8 августа 2013 г. общее число молящихся на Ураза-байрам в четырех доступных для мусульман храмах и на прилегающих к ним территориях, а также в четырех согласованных с городскими властями местах праздничных молений достигло рекордно высокой отметки – не менее 180 тыс. человек⁵. Информационные сообщения, содержавшие официальную статистику правоохрани-

¹ В Москве в праздновании Курбан-байрама приняли участие более 170 тыс. человек // Газета.ру. URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/11/06/n_2084270.shtml

² Более 200 тыс. человек примут участие в праздновании Ураза-байрам в Москве – сообщает Совет муфтиев России. URL: <http://www.echomsk.spb.ru/news/obschestvo/bolee-200-tysyach-chelovek.html>

³ Более 170 тыс. человек приняли участие в праздничном мероприятии Ураза-байрам в Москве // ИТАР-ТАСС. 2012. 19 августа. URL: <http://www.itar-tass.com/c1/499397.html>

⁴ URL: <http://petrovka38.ru/news/40932>

⁵ Совет муфтиев России: В Москве Ураза-байрам отпраздновали не менее 180 тыс. человек // Кавказский узел. 2013. 9 августа. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/228318>

тельных органов, указывали на 149 тыс. верующих-мусульман, которые, по подсчетам ГУ МВД России по г. Москве, без происшествий отпраздновали Ураза-байрам в столичных условиях¹. Как сообщается на сайте ГУ МВД России по г. Москве, в обеспечении общественного порядка и безопасности в период проведения праздника были задействованы свыше 3 тыс. сотрудников московской полиции, военнослужащих внутренних войск и дружинников².

Небезынтесными оказываются произведенные социологом А. Макаровым количественные сравнения³ статистики праздничных намазов и массовых митингов в Москве, проходивших в преддверии парламентских (2011) и президентских (2012) выборов. Согласно данным, размещенным на официальном сайте «Московская полиция» Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Москве, общее число участников акции «За честные выборы» 10 декабря 2011 г. на Болотной площади на пике не превышало 25 тыс. человек⁴, митинга 24 декабря 2011 г. на проспекте академика Сахарова – 29 тыс. человек⁵.

На Большой спортивной арене Олимпийского комплекса «Лужники» в г. Москве 23 февраля 2012 г. для участия в митинге в поддержку кандидата в Президенты РФ В. Путина собралось около 90 тыс. человек. Еще более 10–15 тыс. участников мероприятия находились на прилегающей территории⁶. Самым массовым, по сводкам столичной полиции, был митинг патриотических сил, собравший 4 февраля 2012 г. под лозунгом «Нам есть, что терять» на Поклонной горе около 138 тыс. человек⁷.

Даже официальные подсчеты показывают, что общие праздничные молитвы мусульман в Москве собирают в 5–6 раз больше участников, чем удается привлечь москвичей организаторам протестных акций, недовольных действиями российской власти. Число мусульман, собирающихся в Московской Соборной мечети, чтобы внять словам праздничной проповеди и совершить коллективный намаз, также сопоставимо со статистикой участников политических мероприятий, организуемых в поддержку действующей

¹ В Москве празднование Ураза-байрама прошло без происшествий – полиция // ИТАР-ТАСС. 2012. 8 августа. URL: <http://www.itar-tass.com/c15/834075.html>

² URL: <http://petrovka38.ru/news/45669>

³ Макаров А. Указ. соч.

⁴ URL: <http://petrovka38.ru/news/30461>

⁵ URL: <http://petrovka38.ru/news/30302>

⁶ URL: <http://petrovka38.ru/news/37772>

⁷ URL: <http://petrovka38.ru/news/29921>

щей власти, когда задействуются принципиально иные ресурсные возможности для мотивации граждан.

Таким образом, мы вновь приходим к заключению о фактическом изменении исламом своего периферийного статуса в России. Исламская идентичность по большинству характеристик, в том числе количественных, которые особо наглядно проявляются в дни мусульманских праздников, вышла за пределы национальных окраин, став серьезным социокультурным фактором не только в столичных мегаполисах, включая Санкт-Петербург¹, но и в крупнейших федеральных и региональных центрах РФ по обе стороны Уральских гор – в Ростове-на-Дону², Нижнем Новгороде³, Екатеринбурге⁴, Новосибирске⁵, Красноярске⁶, Хабаровске⁷ и др. Ислам очевидно выходит в России в разряд мобилизующих факторов, сравнимых по степени влияния с возможностями доминирующего в стране православия или светских идеологических проектов⁸. Динамизм в укреплении референтных позиций мусульманской идентичности в российском социуме отчетливо фиксируется и высокопоставленными руководителями Русской православ-

¹ Почти 72 тыс. человек отметили Ураза-байрам в Петербурге // РИА-Новости: сайт. 2013. 8 августа. URL: <http://ria.ru/spb/20130808/955082749.html>

² Торжественная проповедь в Ростовской мечети собрала на Ураза-байрам около 10 тыс. верующих // Южный регион: сайт. 2013. 8 августа. URL: <http://www.yugregion.ru/society/news/58580.html>

³ Более 15 тыс. верующих приняли участие в праздничном намазе в Нижнем Новгороде // Ислам в Российской Федерации: сайт. 2013. 9 августа. URL: <http://islamrf.ru/news/rusnews/russia/2866>

⁴ «Не волнуйтесь, жертв в этот раз не будет». Десятки тысяч мусульман вышли на улицы Екатеринбурга во имя Аллаха милостивого и милосердного // Ура-Ру: сайт. 2013. 8 августа. URL: <http://www.ura.ru/content/svrd/08-08-2013/news/1052163102.html>

⁵ Ураза-байрам в Новосибирске отмечают более 10 тыс. мусульман // РИА-Новости: сайт. 2013. 8 августа. URL: <http://ria.ru/nsk/20130808/955017933.html>

⁶ Более 15 тыс. мусульман собралось в Соборной мечети Красноярска на празднование Ураза-байрама // Ислам в Сибири: официальный сайт Единого духовного управления мусульман Красноярского края. 2013. 8 августа. URL: <http://www.islamsib.ru/news/740-bolee-15-tysyach-musulman-sobralos-v-sobornoj-mecheti-krasnoyarska-na-prazdnovanie-uraza-bajrama>

⁷ 15 тыс. мусульман поучаствовали в праздновании Ураза-байрама в Хабаровске // Сайт мусульман Дальнего Востока. 2013. 9 августа. URL: http://www.alfurkan.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=835:15-tysyach-musulman-pouchastvovali-v-prazdnovanii-uraza-bajrama-v-xabarovske&catid=29:khab&Itemid=63

⁸ Макаров А. Указ. соч.

ной церкви. В частности, протоиерей В. Чаплин, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества, признает: «Похоже, у нас есть только три реальных “партии” – православных, мусульман и неверующих. И именно они будут определять будущее российской политики»¹. Выводы В. Чаплина строятся на признании двух основных сообществ – православного и мусульманского, имеющих немалое число активных членов и во многом общие нравственные и социальные ценности. Третью социальную группу, по классификации руководителя Синодального отдела, образуют десятки миллионов пока «не определившихся» граждан, но она наиболее ресурсообеспеченная – за ней стоят крупные финансы, шоу-бизнес, возрастная часть бюрократической, экспертной и медийной элиты, а также некоторое количество зависимой от этих элит молодежи.

Наличие трех групп предполагает ведение между ними борьбы на основе не совпадающих друг с другом моделей устройства семьи, локального социума, закона, общества, государства. Впрочем, как полагает Чаплин, ни одна из сил, соперничающих за десятки миллионов пока «не определившихся» граждан и за общественное устройство России, «не уничтожит и не вытеснит из страны другие»². Напротив, их совместной задачей становится процесс гармонизации российских ценностей и социальных моделей, достигаемый через механизмы дискуссий и реформы, в которых сегодня Русская православная церковь, по признанию религиозных элит мусульманского сообщества, не только серьезно активизировала свою работу буквально по всем направлениям жизнедеятельности, включая СМИ, региональные и федеральные ведомства на всех уровнях власти, но и добилась того, чтобы было «везде заметно ее всепроникающее влияние»³.

Следует согласиться с профессором Центра славянских исследований университета Хоккайдо К. Мацузато, что «современный российский ислам невозможно изучать через призму только

¹ Протоиерей Всеволод Чаплин. Общество: Светское или религиозное? // Интерфакс-религия: сайт. 2012. 2 мая. URL: <http://www.interfax-religion.ru/kaz/?act=analysis&div=177>

² Там же.

³ Выступление председателя ДУМЕР муфтия шейха Равиля Гайнутдина. Расширенное отчетное заседание Президиума и Аппарата ДУМЕР // Мусульмане России: сайт. 2012. 1 марта. URL: <http://dumrf.ru/dumer/speeches/2714>

религиоведческих исследований»¹. Соответствующую рефлексию российского мусульманства мы обнаруживаем в дискурсивных практиках современных лидеров мусульманского сообщества, так называемых активных агентов дискурсивного конструирования и продвижения «воображаемых религиозных сообществ»² как в среде верующих, так и в целом в российском публичном пространстве³.

В мусульманских республиках при символическом признании политическим классом приоритета универсалистских ценностей реальный вектор общественно-политического развития совпадает скорее с ориентацией на ценности исламского мира, с поправкой в той или иной степени на систему ценностей и культуру традиционного ислама в России. Так, президент Татарстана Р. Минниханов признает за исламом один из ведущих факторов «формирования общечеловеческих ценностей, идей гуманизма и толерантного взаимодействия различных народов на территории Республики Татарстан и всей Российской Федерации»⁴. Глава Чеченской Республики Р.А. Кадыров также постоянно подчеркивает в своих публичных выступлениях приверженность Чечни традиционным исламским ценностям. В настоящее время исламская религия становится одним из легитимных факторов общественной политической жизни Чечни, влияющих на ценностные и идентификационные доминанты населения. Государственная власть обращается к основополагающим принципам и ценностям ислама,

¹ Мацузато К. Дискурсы и поведение мусульманских деятелей Волго-Уральского региона. Влияние региональных образов самовосприятия и стратегии областных администраций // Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход. – М., 2007. – С. 156.

² Термин «воображаемое сообщество» (imagined community), примененный Б. Андерсоном для описания национальных сообществ, имеет инструментальную ценность для описания религиозного и политического сообщества. «Оно воображенное», поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности. (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М., 2001. – С. 21.)

³ Ходжаева Е., Шумилова Е. «Кто такой верующий?»: Повседневные типизации своих и чужих в православном и мусульманском дискурсах (на примере Казани) // Конфессия, империя, нация: Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. – М., 2012. – С. 345.

⁴ Минниханов Р.Н. Приветствие Президента Республики Татарстан по случаю Дня официального принятия Ислама Волжской Булгарией // Президент Республики Татарстан: официальный сайт. 2012. 20 мая. URL: <http://president.tatarstan.ru/news/view/113273?highlight=ислам>

тем самым подчеркивая свою конфессиональную идентичность. На этот факт обратили особое внимание участники V Международного миротворческого форума «Ислам – религия мира и созидания», состоявшегося 25–26 мая 2013 г. в г. Грозном.

Практически за четверть века мусульманское сообщество смогло ускоренно включиться в возрожденческие процессы, выразившиеся в колоссальном пробуждении национального и религиозного самосознания. В последовавший за этим этап укрепления исламской инфраструктуры было обеспечено строительство культовых и образовательных учреждений, становление халяль-индустрии, основанной на переработке и производстве «дозволенной» у мусульман продукции и уже признанной в некоторых регионах страны «задачей государственного уровня»¹.

Не удивительно, что исламская идентичность политического класса мусульманских республик в последние годы становится объектом элитологического анализа арабских и американских исследовательских институтов. Так, во всех четырех международных отчетах «500 самых влиятельных мусульман мира», вышедших в 2009–2012 гг., неизменно присутствуют представители российской уммы, совершившие в разные годы паломничество к святыням ислама в Мекке (Саудовская Аравия). Составление списка ключевых фигур осуществляется по показателям их влияния у себя в государстве и регионе, степени участия в глобальных процессах. В российском сегменте политиков-мусульман отражены имена президентов Татарстана М.Ш. Шаймиева и Р.Н. Минниханова, Чеченской Республики – Р.А. Кадырова.

М. Шаймиев стал первым из российских политиков, вошедших в 2009 г. в Топ-500 влиятельных мусульман мира. В сопроводительной информации о нем экспертами доклада было указано, что первый президент Татарстана, мусульманской республики в составе России, также награжден международной премией короля Фейсала за заслуги перед мусульманским населением². В мировом исламском рейтинге за 2010 г. на место М. Шаймиева, оставившего к этому времени пост руководителя республики, составители отчета определили новоизбранного президента Татарстана Р. Минниханова. Его имя после этого еще дважды заносилось в отчеты,

¹ Данилова Г. Индустрия дозволенного [Символике «халяль» доверяют как знаку качества продукции] // Российская газета. – 2009. – 3 ноября.

² The Muslim 500: The 500 Most Influential Muslims, 2009. URL: <http://themuslim500.com/download>

посвященные 500 самым влиятельным мусульманам мира, – в 2011 и 2012 гг. О руководимом Миннихановым субъекте Российской Федерации авторами доклада неизменно говорится как о влиятельном российском регионе в центре России, где сложилась религиозная модель сочетания ислама и европейской культуры¹. Причем исламскими экспертами она признается показательной².

В Татарстане сделаны серьезные шаги по привлечению инвестиций исламского мира в систему банкинга и финансов. Свои дискурсивные позиции в публичной сфере татарстанские политические и бизнес-элиты, прочащие большое будущее индустрии исламских финансовых услуг, которая «набирает обороты и присутствует сегодня более чем в 75 странах»³, подкрепляют ссылками на ценности в исламских финансах, основанные на законах шариата и демонстрирующие свою эффективность и низкие риски. При этом они подвергают жесткой критике западный капитализм, который «уже не раз переживал ломку ценностей, ставя собственные интересы финансового сектора выше интересов общества»⁴. Свой решительный настрой вывести республику в число полноправных лидеров и центров исламского банкинга и финансов в России руководители Татарстана, опирающиеся на сформированную в промышленной, научной и финансово-банковской отраслях региона элиту, подтверждают на крупномасштабных российских и зарубежных саммитах с присутствием инвесторов, представителей власти, бизнеса, экспертов в области экономики и финансов России и стран – участниц Организации исламского сотрудничества (ОИС)⁵.

(Окончание в следующем номере.)

*«Элитология России: Современное состояние
и перспективы развития Т. 2»,
Ростов н/Д., 2013 г., с. 162–178.*

¹ The Muslim 500: The 500 Most Influential Muslims, 2009. URL: <http://themuslim500.com/download>

² The Muslim 500: The World's 500 Most Influential Muslims, 2012. URL: <http://themuslim500.com/download>

³ Судин Харон, Ван Нурсофиза Ван Азми. Исламская финансовая и банковская система: Философия, принципы и практика. – Казань: Линова-Медиа, 2012. – С. 7.

⁴ Минвалеев А., Вильданова Э. Рустам Минниханов: «Западный капитализм не раз переживал ломку ценностей» // Бизнес Online. 2012. 17 мая. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/59662>

⁵ Минниханов: Татарстан может стать центром исламских финансов РФ // Ислам News: сайт. 2012. 17 мая. URL: <http://www.islamnews.ru/news-138826.html>

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Р. Сулейманов,

кандидат исторических наук,
руководитель Приволжского центра региональных
и этнорелигиозных исследований РИСИ (г. Казань)

АРАБСКИЕ ПРОПОВЕДНИКИ В ТАТАРСТАНЕ

В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.:

ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Религиозное возрождение, охватившее Россию и ее регионы после распада СССР, и завершение эпохи государственного атеизма в 1991 г. привели к массовому восстановлению и строительству новых храмов по всей стране. Общий для всей страны процесс проходил и в регионах компактного проживания народов, исповедующих ислам. Однако естественный духовный порыв мусульманского населения к своей религии был использован приверженцами радикальных исламских течений из зарубежных стран, ставивших собой целью духовно переориентировать российских мусульман на зарубежные религиозные центры. Подобные политические цели в долгосрочной перспективе должны были привести к превращению мусульман Поволжья и Северного Кавказа в «пятую колонну» в собственной стране и включить эти территории в глобальный геополитический передел в Евразии. В 1990-е годы приезд иностранных мусульманских миссионеров в Татарстан воспринимался как желание зарубежных единоверцев из стран Ближнего Востока помочь татарам вернуться к исламу. По воспоминаниям муфтия Татарстана Ильдуса Файзова (2011–2013) пиетет перед арабами достигал таких форм, что «на любого араба смотрели чуть ли никак на самого Пророка Мухаммеда»¹.

¹ «Отрицать проникновение религиозного фундаментализма в республику уже нельзя»: Интервью с и.о. муфтия Татарстана Ильдусом Файзовым // ИА

Известный татарский богослов Фарид Салман вспоминал, что в бытность его работы во главе отдела международных связей Казанского мухтасибата в начале 1990-х годов, когда начались первые визиты арабских эмиссаров, ему часто в качестве переводчика приходилось бывать рядом с ними. Тогда они недвусмысленно предлагали ему сотрудничество со своей стороны. В 1991 г. приехавшие из университета им. Абд аль-Ваххаба в Эр-Рияде преподаватели убеждали его начать содействовать им в приобщении татар к «чистому исламу»¹. Сам Салман тогда от подобных предложений отказался, впоследствии неоднократно поднимал тревогу по этому поводу; он один из немногих, кто еще в 1990-е годы разглядел, куда ведет такое «сотрудничество» мусульманскую умму². Увы, далеко не все были столь принципиальными противниками «помощи» от зарубежных единоверцев из арабских благотворительных фондов.

Деятельность зарубежных исламских миссионеров сконцентрировалась вначале на организации мусульманских молодежных лагерей. Первый прошел с 27 апреля по 3 мая 1992 г. на территории пионерского лагеря «Солнечный» под Казанью под опекой саудовской благотворительной организации «Тайба». В качестве лекторов выступали четверо подданных Саудовской Аравии, одним из которых был Махди Ханбали. Весьма любопытны впечатления одного из участников этого лагеря, отражающие настроения татарской молодежи: «Саудовцы казались нам непрекаемыми авторитетами ислама. Мы все думали тогда, что соплеменники и земляки Пророка Мухаммеда были единственным источником настоящего и чистого ислама»³. Арабы также участвовали в организации культурных вечеров, которые пользовались огромной популярностью. Открытый в том же году московский филиал Международной ассамблеи мусульманской молодежи (WAMY), возглавляемый подданным Саудовской Аравии

REGNUM. 2.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-volga/tatarstan/1372865.html>

¹ Из личной беседы с автором.

² Салман Ф. Ваххабизм – не просто зло, это смертоносное зло // Российская газета. 25.09.1999. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/anons/arc_1999/0925/2222.htm

³ Шагавиев Д.А. Путь с Иманом (1991–1994) // «Общественно-политическая жизнь Татарстана в условиях социокультурного и конфессионального плюрализма»: Материалы научно-практ. конф. – Казань: Центр исламской культуры «Иман», 2006. – С. 72.

Али ал-Амуди, организовывал курсы проповедников ислама в Москве и Казани, куда охотно приглашалась татарская молодежь. Наряду с этим практиковались поездки по районам Татарстана, где арабские проповедники выступали с лекциями перед мусульманской молодежью. К примеру, 14–27 декабря 1992 г. с «благотворительным караваном» по республике разъезжал Усман Ахмед Хасан Али, гражданин Судана¹.

Открытые лекции арабских миссионеров проводились не только в мечетях или для участников молодежных лагерей. Нередко для этого использовались целые концертные залы. К примеру, в феврале 1992 г. в культурно-спортивном комплексе «Уникс» Казанского университета выступали перед пришедшими татарами заместитель министра вакуфов Иордании Валид Шукри Сапсуг, представитель Всемирной исламской организации помощи («Saar Foundation») Али Иссам Салех из Иордании и член президентского (дудаевского) совета Чеченской Республики Иса Умаров. Салех рассказал о деятельности этой организации, отметив, что в Москве, где уже действовал ее офис, взято под ее покровительство 125 татар («Saar Foundation» оказывала помимо «просветительской» работы, еще и медицинскую и материальную поддержку). Весьма характерно, что в репортаже об этом мероприятии татарская журналистка отметила: «Визит миссионеров стал еще одним доказательством возрастающего интереса мусульманских стран к Татарстану»².

В 1993 г. вояжи в регионы Поволжья совершал представитель организации «Аль-Игаса» Абдель-Хамид Джафар, известный среди ваххабитов под кличкой Дагистани. Организация «Аль-Игаса» более известна как «Международная исламская организация “Спасение”» (МИОС). На эту организацию в свое время обращалось особое внимание СМИ: появлялись сообщения экспертов о том, что ее руководители, связанные с саудовскими спецслужбами, негласно финансировали ваххабитов по всему миру, включая и религиозных радикалов, действующих на территории России.

В 1999 г. органами ФСБ для СМИ была представлена информация о том, что Дагистани в тот период возглавлял «Русский отдел» «Аль-Игасы» и четыре месяца в году проводил в России,

¹ Якупов В.М. Центр «Иман»: 20 лет служения умме (сборник материалов и документов). – Казань: «Иман», 2010. – С. 125.

² Агишина Г. Миссия в Казани // Известия Татарстана. – № 39. – 1992. – 26 февраля.

вместе со своим бухгалтером совершая вояжи в Татарстан и на Северный Кавказ; а также о том, что Дагистани является имамом мечети в Медине и выполняет деликатные поручения одной из саудовских спецслужб. Известно, что в Татарстане и на Северном Кавказе Дагистани выступал с проповедями перед мусульманами, в том числе перед шакирдами местных вновь открытых медресе. В некоторых проповедях Дагистани открыто призывал к вооруженному джихаду против «неверных», говоря о том, что рано или поздно придется вести войну против «кяферского государства». В 1995 г. посольству Саудовской Аравии в России было заявлено о нежелательности пребывания Абдель-Хамид Джафара Дагистани на территории России, после чего официально Дагистани убыл из страны¹.

В 1993 г. саудовская благотворительная организация «Тайба» заключила договор о содействии образовательному процессу с дирекцией новообразованного в г. Набережные Челны (втором по численности населения и значимости городе Татарстана) медресе «Йолдыз», что де-факто привело к трансформации медресе в центр по подготовке боевиков, что показали в дальнейшем события второй чеченской войны (1999–2001). Данное медресе в 1993 г. руководством Духовного управления мусульман Татарстана фактически было продано спонсорам из «Тайбы». Осенью 1999 г. выпускник медресе Денис Сайтаков вошел в число подозреваемых в организации терактов в Москве, впоследствии была доказана причастность шакирдов «Йолдыза» еще к нескольким подобных акциям, а также подтверждены факты сотрудничества руководства медресе с чеченскими полевыми командирами Шамилем Басаевым и Хаттабом, которые проводили для студентов «Йолдыза» «полевую практику»². Вскоре еще десять учащихся этого медресе были объявлены в розыск по ст. 208 ч. 2 Уголовного кодекса РФ («Участие в вооруженных формированиях, не предусмотренных законом»). Возглавлял филиал «Тайбы» в Татарстане Иса Шебахат, гражданин Иордании.

¹ Шохин А. Влияние внешних факторов на распространение в России исламского фундаментализма // Ислам в России и странах СНГ: Сборник материалов конференции. – СПб., 2008. – С. 487–495.

² Борисов В. Радикальный исламизм на территории Российской Федерации // Социальные функции религии и современное общество: Сборник материалов конференции. – М., 2009. – С. 310–319.

В 1997 г. в Казани появился филиал «Международной исламской представительской организации» (МИПО). Данная организация была создана при финансовой поддержке Саудовской Аравии в г. Дакка (Бангладеш). В этом же году филиал этой организации появился в Москве. Официальной целью создания МИПО является распространение ислама по всему миру. В 2001 г. в СМИ появились сообщения о том, что план деятельности МИПО был нацелен на создание во взаимодействии с другими международными исламскими структурами «исламского государства на территории России с центром в Татарстане», в которое вошли бы несколько субъектов РФ¹.

В этот же период распространение ваххабизма в Татарстане и соседних регионах шло по линии организаций «Ибрагим бин Абдулазиз аль-Ибрагим» («Аль-Ибрагим»), «Всемирная ассамблея мусульманской молодежи» и «Комитет мусульман Азии», связанных с саудовскими и кувейтскими спонсорами и со спецслужбами Саудовской Аравии.

Цели деятельности этих организаций, официально заявленные в их учредительных документах, были довольно схожи и, как правило, не выходили за рамки оказания материальной помощи отдельным гражданам, общественным и религиозным объединениям, а также содействия в организации религиозного просвещения. Вместе с тем в СМИ и в научной литературе со стороны востоковедов и политологов звучало немало негативных оценок деятельности этих «неправительственных организаций». В частности отмечалось, что оказание ими гуманитарной помощи сопровождалось созданием разветвленной сети организаций, финансируемых Саудовской Аравией, особенно активно стремящейся содействовать увеличению роли ваххабитской формы ислама в общественной жизни на территории России и, тем самым, прямо или косвенно закрепить саудовское влияние. Среди реальных целей этих организаций следует отметить формирование про-саудовских настроений среди максимально возможного количества верующих, формирование готовности к вооруженному джихаду против «неверных», а также компрометация местных действующих религиозных авторитетов и продвижения на их посты своих ставленников.

¹ Борисов В. Радикальный исламизм на территории Российской Федерации // Социальные функции религии и современное общество: Сборник материалов конференции. – М., 2009. – С. 310–319.

Негативное влияние на мусульманскую общину Татарстана оказал представитель «Тайбы» – гражданин Алжира Бу Сетта Абдурразак, работавший преподавателем в медресе «Мухаммадия» (1994–1997). Во время пребывания в Казани он вмешивался во внутренние дела мусульманского духовенства, создавал интриги среди руководства Духовного управления мусульман, подстрекал учащихся медресе к столкновениям с сотрудниками местной газеты. Иностранец организовал отправку молодежи в религиозные университеты Саудовской Аравии и Кувейта, известные своей фундаменталистской направленностью¹.

С 1992 г. стала действовать уже упоминавшаяся организация «Saar Foundation», которая также специализировалась на организации исламских молодежных лагерей для последующей отправки их участников учиться в арабские страны. Эта организация стремилась организовывать лагеря не только на территории России, но и в Казахстане и Белоруссии, куда приглашала молодых мусульман из Татарстана. Филиал этой организации в России возглавлял иорданец Али Иссам Салех.

По аналогичной схеме работал региональный благотворительный фонд «Аль-Харамейн» («Al-Harame-in Foundation»), основанный в 1991 г. Саудовской Аравией с целью «оказания помощи мусульманским братьям в различных частях света и распространения по всему миру истинных исламских учений». «Аль-Харамейн» является ведущей благотворительной организацией Саудидов, действующей непосредственно под патронажем королевской семьи и эгидой Министерства по делам ислама КСА². С 1993 г. на территории регионов Поволжья действовали представители «Аль-Харамейна», сама организация функционирует непосредственно под патронажем королевской семьи Саудидов при поддержке Министерства по делам ислама и вакуфов Королевства Саудовская Аравия (КСА). Эмиссары данной организации агитировали молодых мусульман ехать в КСА для получения там религиозного образования. Образовательная деятельность этой структуры, сводившаяся первоначально к организации семинаров, лагерей и издания литературы, сменилась на вербовку готовых воевать в

¹ Суриков В. Российские наемники: Вымысел и правда. Издержки возрождения ислама в Республике Татарстан // Независимая газета. – 2000. – 27 июня.

² Магомеддаев А.М. «Благотворительность»? // Дагестанская правда. 2004. 19 июля. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=4513>

Чечне мусульман из Татарстана. С началом первой чеченской кампании (1994–1996) организация вела активную антироссийскую кампанию в поддержку исламского «джихада» в Чеченской Республике.

Только к 2000 г. российским органам безопасности стало понятно, что деятельность подобных зарубежных «благотворительных» организаций приводит к появлению терроризма на религиозной почве в среде российских мусульман и финансированию боевиков¹. Как отмечают исследователи, оказание гуманитарной помощи сопровождалось созданием разветвленной сети организаций под видом благотворительных фондов, финансируемых Саудовской Аравией, особенно активно стремящейся содействовать увеличению роли радикального ислама в общественной жизни в мусульманских регионах России и тем самым прямо или косвенно закрепить свое присутствие там².

Проникновение арабских миссионеров нетрадиционного для региона ислама наиболее успешно было в систему воссоздаваемого в 1990-е годы в Татарстане мусульманского образования. В 1993 г. начинают приезжать в качестве учителей другие арабы, многие из которых остаются впоследствии на постоянное место жительства в Татарстане. В частности, приехали из Иордании Хусам Абдрахман (преподает и поныне в казанском медресе «Мухаммадия» арабский язык) и Ахмад Абу Гаеш, поехавший работать в Набережные Челны в медресе «Йолдыз». Также работал преподавателем в казанском медресе Аляутдин Амро из Иордании (уехал в 2000-е годы в Объединенные Арабские Эмираты). Сам факт наличия таковых первоначально объяснялся тем, что они необходимы как носители языка. Однако очевидно, что они сами не ограничивали свою работу в качестве учителей филологических дисциплин, а стремились к миссионерской деятельности, которая нередко сводилась к изданию соответствующей продукции. К примеру, в 2003 г. преподаватель казанского медресе «Мухаммадия» Хусам Абдурахман из Иордании выпустил CD-диск религиозного содержания под названием «На пути к бесконечности»³. Самого Хусаму также знают как исполнителя нашидов (песен религиозного содержания).

¹ Кровавый террор / Сост. В. Ставицкий. – М., 2000. – С. 261.

² Поляков К.И. Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века). – М., 2001. – С. 52–61.

³ Якупов В. Деятельность ДУМ РТ в 2003 г. – Казань, 2005. – С 11.

«Религиозные предметы в наше время находились под юрисдикцией арабских преподавателей, – вспоминал годы своей учебы в казанском медресе “Мухаммадия” заведующий Отделом истории общественной мысли и исламоведения Института истории Академии наук Татарстана Дамир Шагавиев. – Поэтому неизбежно возникали проблемы, связанные с мазхабами (религиозно-правовыми школами. – *Авт.*). Тогда еще не было твердой установки на ханафитский толк (традиционный для татар мазхаб) и у молодежи наблюдалось недоверие к местным имамам и обрядам»¹. По словам бывшего шакирда, Ахмад Абу Гаеш преподавал фикх (мусульманское право) по книге «Фикх ас-Сунна» Сайида Сабика, салафитского автора, который придерживался принципа смешения (талфик) между положениями различных мазхабов и даже отрицал правомерность следования одному из четырех канонических мазхабов. Правда, как подчеркивает Шагавиев, попытки уменьшить влияние салафитской ориентации в преподавании религиозных дисциплин предпринимались. Большую роль в этом играл тогдашний казый (духовный судья) Габдельхак Саматов, который на занятиях по фикху опирался на книги, написанные в соответствии с традиционным для татар исламом ханафитского мазхаба².

Наибольший отрицательный след оставил другой зарубежный преподаватель – Ясин Усман Абделла, выпускник Исламского университета г. Медина (Саудовская Аравия), приехавший из Эритреи. В созданном в 1998 г. в Альметьевске медресе им. Р. Фахретдина он занял пост проректора, параллельно курируя работу ваххабитского медресе «Аль-Фуркан» в г. Бугуруслане Оренбургской области, действующего с ноября 1994 г. Он вел курс практической подготовки имамов, включающий обучение основам проповеди и призыва (дагват)³.

Аналогичная ситуация возникла в медресе «Йолдыз», открытом в г. Набережные Челны в 1991 г. (вначале ректором был Идрис Галаяутдинов, потом Габдельнур Агишев, позже Малик Ибрагимов). В списке преподавателей религиозных и светских дис-

¹ Шагавиев Д.А. Воспоминания об учебе в медресе «Мухаммадия» в 1993–1994 гг. // Медресе «Мухаммадия»: Преемственность традиций: Материалы науч.-практ. конф. – Казань, 2008. – С. 144–145.

² Шагавиев Д.А. Преподавание исламских дисциплин в Казанском высшем мусульманском медресе «Мухаммадия» // Медресе «Мухаммадия»: Преемственность традиций: Материалы науч.-практ. конф. – Казань, 2008. – С. 132.

³ Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Общественное движение мусульман-татар: Итоги и перспективы. – Нижний Новгород, 2005. – С. 91–93.

циplin этого учебного заведения за 1996/1997 уч. г. имеются восемь фамилий, из которых четыре принадлежат арабам из Египта, Иордании, Палестины¹. Однако все они впоследствии были высла- ны из России после окончательного закрытия этого медресе в 2000 г. как одного из перевалочных пунктов по идеологической подготовке ваххабитов, отправлявшихся впоследствии для военно- го обучения в центр «Кавказ» в Шалинском районе Чечни.

Начавший свою работу в 1998 г. Российский исламский уни- верситет (РИУ) в Казани во главе с ректором Гусманом Исхако- вым, одновременно занимавшим пост муфтия Татарстана (1998– 2011), пополнился иностранными преподавателями: турком Сали- хом Сейханом (преподавал Коран, фикх и турецкий язык) и еги- петским арабом Мухаммадом Садыком Авадом (преподавал таф- сир, акыду и арабский язык). Оба были выпускниками исламского университета «Аль-Азхар» в Каире². Впоследствии преподавате- лями РИУ были другие граждане Турции и арабских стран: Му- хаммад Саид Абдулла Кутб, Эль-Саид Закария Сирадж Эль-Дин, Абдулмохсин Али Ариф, Мустафа Мюккеррем Караерс³.

На сегодняшний день только три преподавателя-араба оста- лись в Татарстане, двое работают в казанском медресе «Мухамма- дия» (Хусам Абдурахман и Мухаммад Махмуд⁴); один в РИУ (Аб- дулмаджид Абдуракиб Алави, Йемен), кандидат юридических наук, работающий на кафедре филологии и страноведения этого вуза.

Татарстан также с вербовочной целью регулярно посещали члены террористических организаций. Ахмед Насер, вербовщик «Аль-Каиды» из Египта, приезжал в Татарстан в конце 1990-х го-

¹ Хабутдинов А.Ю. Влияние углеводородного фактора на развитие уммы Татарстана // Ислам в современном мире: внутригосударственный и междуна- родно-политический аспект. – Нижний Новгород, 2006. – № 3–4 (5–6). – С. 9. [Электронный ресурс]. URL: <http://islamrf.ru/news/analytics/politics/8114/>

² Закиров Г.Г. Становление Высшего религиозно-светского образования в Татарстане: Опыт Российского исламского университета // Сборник научных статей преподавателей и сотрудников Российского исламского университета. – Казань, 2005. – С. 25. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-riu.ru/knldg/prepod_pub/?id=229

³ Камалов З. Кадры решают все // Сайт Российского института стратеги- ческих исследований. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-riu.ru/about/history/kamalov/>

⁴ Мусульманское образование в Татарстане: История, современное со- стояние и инновационные процессы. – Казань, 2012. – С. 49.

дов и пробыл в регионе до 2004 г. Вернувшись в Египет, был арестован и до 2011 г. содержался в тюрьме. После начала «арабской революции» в этой стране был освобожден. В 2012 г. погиб в Египте при невыясненных обстоятельствах.

Нередко поддержку арабским миссионерам оказывали их татарские единомышленники. Обучавшийся в Саудовской Аравии в 1992–1997 гг. Рамиль Юнусов, занимавший в 2005–2012 гг. пост имама Казанской соборной мечети «Кул Шариф», известен как один из проводников нетрадиционных для татар форм зарубежного ислама в Татарстане. Он трижды организовывал в Татарстан визиты Ахмада Фарида Мустафы, занимающего скромную должность архитектора Медины, но воевавшего в составе саудовских моджахедов против советских войск в Афганистане в 1980-е годы. Зачем надо было приглашать в Татарстан человека с такой биографией, да еще чтобы читать лекции татарской молодежи?!¹

Однако наибольшую известность приобрел своей миссионерской деятельностью арабский проповедник Камаль аль-Зант. Прибывший в 1992 г. из Ливана учиться в Казанский медицинский университет, он вскоре приобрел большую популярность своими проповедями на русском языке в Бурнаевской мечети Казани. Отучившись на онколога, аль-Зант женился на местной татарке и, совмещая работу в больнице, стал активно выступать с проповедями не только в Татарстане, но и выезжая в другие регионы. Являясь одним из идеологов «Братьев-мусульман» («Ихван аль-Муслимун») в Татарстане, аль-Зант вскоре начал активно издавать свои книги и аудиолекции. В 2011 г. Совет улемов Духовного управления мусульман Татарстана признал его работы не соответствующими традиционному для татар исламу ханафитского мазхаба². Тем не менее тот продолжал свою миссионерскую работу, выступая с лекциями в различных мечетях Татарстана, не имея на это никакого свидетельства и разрешения. Не имея богословского образования (только в 2008 г. он поступил в исламский универси-

¹ Сулейманов Р.Р. Исламский терроризм в постсоветском Татарстане: Специфика, потенциал угрозы, меры противодействия // Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Комплексный подход к формированию и функционированию системы противодействия распространению идеологии терроризма: Материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. Т. 2. – М., 2012. – С. 121.

² Постнов Г. Татарские братья-мусульмане уходят в подполье // Независимая газета. 2011. 15 декабря. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/regions/2011-11-15/1_tatarstan.html

тет «Аль-Джинан» в Ливане, где учился заочно), во многом будучи самоучкой, он приобрел определенную популярность в среде городской татарской молодежи. В основе его проповедей лежала идея панисламистского единства, согласно которой приверженцы любых течений в исламе являются истинными мусульманами. На практике это выливалось в то, что его лекции посещали представители различных исламистских направлений. В 2012 г. он стал работать вице-президентом в Культурном исламском центре «Семья», расположенном в Высокой Горе (райцентр в 19 км от Казани). В конечном итоге региональные власти Татарстана наконец-то осознали, куда ведет его миссионерская деятельность среди татарской молодежи, были предприняты меры, и 14 января 2013 г. он уехал в Ливан вместе со своей семьей¹. Впрочем, посеянные им плоды за время его 20-летней пропагандистской работы дали свои всходы в виде появления радикальных групп мусульман, готовых пойти на совершение терактов, которые и произошли в Татарстане с 1999 по 2012 г. Отъезд Камаля аль-Занта не означает, что все арабские проповедники покинули Татарстан. По-прежнему продолжает свою деятельность Мухаммед Хамед, так же как и аль-Зант работающий врачом (вместе они даже работали в мусульманском клинично-диагностическом центре «Йасин» в Казани, существующем с 2009 г.), менее популярный проповедник, но занимающий свою нишу в ряду арабских миссионеров, действующих на территории Татарстана.

Подводя итог, можно констатировать, что арабские проповедники в Татарстане, пик деятельности которых пришелся на конец XX – начало XXI в., являлись проводниками нетрадиционных для татарского народа течений зарубежного ислама радикального толка. Проникшие в Татарстан либо под видом учителей, либо врачей, работая зачастую при поддержке арабских благотворительных фондов, миссионеры из стран Ближнего Востока сыграли одну из негативных ролей в распространении исламского фундаментализма среди татарской молодежи Поволжья. Сегодня, когда терроризм стал не редкостью для Татарстана, всем очевидно, какой вред принесли арабские миссионеры мусульманам Поволжья своими проповедями «чистого ислама». Остается надеяться, что впредь подобные проповедники никогда не будут дейст-

¹ Татарстан покинул один из идеологов «Братьев-мусульман» // Интерфакс-Религия. 2013. 29 января. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mterfax-religion.ru/?act=news&div=49811>

вывать на территории России. Нам еще долго придется пожинать плоды их деятельности в нашей стране.

*«Уральское востоковедение»,
Екатеринбург, 2013 г., вып. 5, с. 193–200.*

А. Адиев,

кандидат политических наук

Р. Абакаров,

кандидат философских наук

(Региональный центр

этнополитических исследований ДНЦ РАН,

г. Махачкала)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ

Дагестан – особый регион России, сформированный не по национальному и не по территориальному принципу. Почти на всех окраинах республики живут народы, разделенные административными и межгосударственными границами: на юге – лезгины, азербайджанцы, аварцы; на западе – чеченцы; на северо-западе – ногайцы. Физическая карта Дагестана наглядно иллюстрирует, насколько разные, но сопоставимые географические зоны расположены на территории республики: горы, предгорье, Прикаспийская низменность, степи и полупустыни. Исторически Дагестаном обозначалась исключительно географическая область, но не единое государственное образование. До вхождения в состав России здесь было полдюжины маленьких феодальных образований и множество так называемых вольных обществ и их союзов. А до установления в регионе советской власти северная половина современного Дагестана, заселенная северными кумыками, терскими казаками и ногайцами, не имела никакого отношения к «стране гор». Все эти исторические и географические факторы предопределили возникновение целого ряда этнополитических и конфессиональных проблем в постсоветском Дагестане.

Динамика этнополитических процессов

Прежде всего надо отметить, что этнополитические и конфессиональные процессы, протекающие в Дагестане, имеют самостоятельную логику развития, хотя определенная их корреляция

наблюдается с нулевых годов XXI в.: политизация ислама в регионе идет на фоне деполитизации этнического фактора. Очень удачно об этом написал К. Казенин: «Роль межнациональных отношений в сегодняшнем Дагестане в целом нередко преувеличивается как журналистами, так и исследователями – особенно на фоне исламского фактора, роль которого в регионе постоянно растет» [1, с. 12]. Вместе с тем в республике еще сильны «факторы риска», так или иначе связанные с этнополитической проблематикой.

Разработанность данной проблематики на сегодняшний день впечатляет. Не осталось «белых пятен» в изучении истории, причин и контекста этнополитических конфликтов в постсоветском Дагестане. Проблемами, вызывающими наиболее острые из них, были и остаются:

- требование репрессированных дагестанских чеченцев-аккинцев территориальной реабилитации – восстановления Ауховского района Дагестана;

- разделение российско-азербайджанской межгосударственной границей лезгинского и других дагестанских народов (цахуры, аварцы);

- разделение административными границами между Дагестаном, Ставрополем и Чечней ногойского этноса, желающего воссоединиться в рамках одного административно-территориального образования;

- проблема кумыкского народа, оказавшегося в результате плановых и стихийных переселений дагестанских горцев на равнину этническим меньшинством на своей земле – Дагестанской равнине.

Одним из самых сложных этнополитических конфликтов в Дагестане стала проблема восстановления Ауховского района и переселения оттуда лакцев. Она затрагивает интересы четырех этнических групп: дагестанских чеченцев (чеченцев-аккинцев), лакцев, аварцев и кумыков. В 1944 г. вместе с соплеменниками из Чечено-Ингушской АССР дагестанские чеченцы-аккинцы были депортированы в Центральную Азию. Ауховский район Дагестана, на территории которого они проживали, был ликвидирован, села переименованы и заселены лакцами из горной части Дагестана, зачастую насильно и с многочисленными жертвами. В результате появился вновь созданный Новолакский район. Три крупных чеченских села были переданы соседнему Казбековскому району и заселены аварцами.

Начиная с конца 1980-х годов, чеченцы-аккинцы активно добиваются восстановления своего этнического района. После принятия Закона о реабилитации в 1991 г. III Съезд народных депутатов Дагестана дал на это согласие, а также на возвращение жилья чеченским семьям на территории Новолакского и Казбековского районов. Для реализации этих решений III Съезда народных депутатов Дагестана и Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» в Правительстве РД было создано Управление по вопросам переселения и реабилитации репрессированных народов.

Руководители Дагестана и Российской Федерации договорились с лакскими лидерами о переселении лакцев на новое место жительства вблизи столицы республики – города Махачкала. Хронической проблемой при реализации программы переселения стала нехватка и задержка финансирования.

В процессе восстановления чеченского Ауховского района, которое планируется осуществить по окончании переселения лакцев, возможны конфликты, особенно в двух крупных селах с этнически смешанным чеченско-аварским населением – Ленинаул и Калининаул. Авторы доклада «Северный Кавказ: Сложности интеграции...» пишут: «Чеченцы и аварцы живут параллельной жизнью: дети учатся вместе, но взрослые ходят в разные мечети. Молодежь разделена по этническому признаку и практически не общается, нередко случаются драки» [2].

В октябре 2012 г. бывший председатель Счетной палаты РФ Сергей Степашин попросил премьер-министра Д. Медведева выделить дополнительные 6,6 млрд руб. для завершения программы по переселению лакцев, обосновывая это тем, что затягивание вопроса может привести к новым этническим конфликтам в регионе [3].

Еще одной этнополитической проблемой в регионе после распада СССР стала проблема разделенных народов. Несколько дагестанских этнических групп (лезгины, аварцы, цахуры) оказались разделенными в результате демаркации новых государственных границ, что привело к росту напряженности в регионе. Сегодня лидеры национальных движений разделенных народов Дагестана проводят совместную работу по выработке общих подходов для более успешной защиты интересов своих общин. В июне 2011 г. в Общественной палате Российской Федерации прошло специальное заседание, посвященное вопросу о разделенных народах Северного Кавказа.

Созданная в 1999 г. организация «Федеральная лезгинская национально-культурная автономия» (ФЛНКА) организует слушания, академические конференции и международные симпозиумы совместно с российскими министерствами, Думой и региональными органами власти, имеет собственный профессиональный сайт в сети Интернет и научный центр, обеспечивающий проведение исследований в области лезгинской истории и культуры.

Этнополитические сюжеты в современном Дагестане свидетельствуют о том, что политизация этнического фактора в регионе началась с распадом СССР. Уже в начале 90-х годов на политической арене Дагестана появились десятки этнических движений, которым на какой-то момент удалось преодолеть разногласия между собой и создать единый координирующий орган – Конгресс народов Дагестана. В него вошли представители около 20 движений и партий республики. Однако Конгрессу не удалось достичь согласия по вопросу о будущем государственном устройстве Дагестана. Произошел раскол дагестанских национальных движений на два блока: одна часть этих движений требовала федерализации республики и большей автономии для этнических территорий, а другая часть боролась за единство и целостность Дагестана, а по сути – за сохранение *status quo*. Примечательно, что раскол этнических движений на сторонников федерализации Дагестана и на сторонников сохранения *status quo* прошел по исторической и географической границе исконной «страны гор» и присоединенных к ней в последующем соседних народов и территорий. Так, за федерализацию Дагестана в начале 90-х годов XX в. выступали этнические движения: кумыкское «Тенглик», лезгинское «Садвал», ногайское «Бирлик», чеченское «Вайнах», а также терское казачество Кизлярской зоны. Но руководству республики удалось сохранить единство и унитарное политическое устройство Дагестана, заручившись поддержкой этнических движений самых многочисленных народов Дагестана: аварцев («Народный фронт имени имама Шамиля»), даргинцев («Цадеш»), лакцев («Цубарз») [4].

Постсоветское руководство республики в условиях развала страны и этнических конфликтов в соседних регионах отождествляло идею федерализации Дагестана с началом распада республики на несколько частей, которые вряд ли смогли бы сохранить свою автономию или достичь такого высокого статуса, как, например, субъект Российской Федерации. Но следует сказать, что именно сторонники федерализации Дагестана оказались после развала союза разделенными народами и этническим меньшинст-

вом на своей территории. Не способные отстаивать свои интересы на высоком политическом уровне, эти движения стремились изменить региональную политическую систему через структурные преобразования в целях достижения высокой степени автономности этнических территорий. Но в итоге политических торгов с республиканской и федеральной властями лидеры указанных этнических движений конвертировали накопленный в «лихие 90-е» социальный капитал и весь протестный потенциал народных масс в личные кадровые, статусные и финансовые выгоды, разочаровав тем самым своих последователей. Так завершился «парад суверенитетов» в Дагестане, ознаменовавшийся спадом активности этнических движений, роль которых в политической жизни Дагестана постепенно уменьшалась.

Трансформацию этих проблем в Дагестане можно проследить по динамике ключевых понятий и терминов в работах исследователей в этом научном дискурсе. Изначально речь шла о таких понятиях, как *сепаратизм, национализм, автономия, национально-территориальное самоопределение, федерализация, межнациональные конфликты* [5].

Но постепенно в передовом научно-исследовательском и аналитическом дискурсе (т.е. в работах и выступлениях ученых, основанных на полевых исследованиях и первоисточниках, а не в обширном массиве вторичной аналитики) перестают тиражироваться понятия *сепаратизм* и *межнациональные конфликты*. Становилось ясно, что в Дагестане нет таких серьезных межнациональных конфликтов, как осетино-ингушский конфликт, как нет и угроз сепаратизма: ни одно из этнических движений в Дагестане не требовало независимости и не декларировало выход из состава России.

В 2008 г. в Махачкале прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму», участники которой ввели в дискурс региональной этнополитической проблематики понятие *земельные конфликты*. Этим понятием обозначаются всевозможные территориальные и земельные споры с участием сельских общин. Именно участие сельской общины как стороны конфликта придает ему политический аспект, поскольку община может мобилизоваться не только как сельское сообщество, но и от имени всей этнической группы. До 2008 г. земельные споры как таковые, даже с участием сельских общин, рассматривались только с экономической стороны, но когда реальность по-

казала мобилизационный потенциал этнической и общинной идентичности сторон конфликтов с последующей их политизацией, эти проблемы вызвали интерес политологов и социологов.

Основная зона земельных конфликтов в Дагестане – это равнинные, предгорные и прибрежные (полиэтнические) районы республики. При этом существует несколько форм противоречий, которые могут способствовать развитию локальных межэтнических конфликтов.

Это, во-первых, противоречия по поводу зимних пастбищ между коренным населением равнинных и степных районов и скотоводами-горцами. Во-вторых, это противостояние по линии «местные» и «приезжие» (подключается фактор этничности) по поводу земельных планов для строительства жилья и ведения приусадебного хозяйства. Конфликты такого рода возникают в пригородах Махачкалы и густонаселенных сельских районах республики. И, наконец, противоречия, связанные с незаконной, на взгляд жителей поселений, распродажей муниципальной земли местными чиновниками.

Участие во многих локальных конфликтах кумыкских групп вовсе не означает их особой конфликтности по сравнению с другими этническими группами в Дагестане. Дело в том, что именно на их исторический ареал расселения приходится основной миграционный поток представителей горной части республики. В такой ситуации цена ошибки на уровне районных администраций и муниципальных образований гораздо выше, чем обычно.

На сегодняшний день можно говорить еще об одной разновидности земельных конфликтов с участием сельских общин, которые противостоят приходу инвесторов и крупных фермерских хозяйств на их территорию. Проблема видится в том, что земельная реформа, которая якобы успешно завершилась в РД еще в 2009 г., во многих сельских районах была попросту саботирована главами районов. По итогам земельной и муниципальной реформ администрации сельских поселений должны были завершить оформление «зеленки» – обозначить общие границы своих земель, разделить их, дать участкам кадастровые номера и внести сведения о правах собственности и сделках с землей в реестр. Это юридически защищало бы права собственности на земли и гарантировало бы невмешательство глав районов в хозяйственную деятельность и земельную политику сельских поселений. Однако на практике множество сельских поселений, вернее, их главы, под давлением вышестоящих глав районов не провели реформу, и зем-

ли в этих районах до сих пор общие, т.е. находятся в ведении районных, а не поселенческих властей. Ситуация незавершенности земельной реформы на руку районным властям, которые в своих интересах продают или сдают в долгосрочную аренду крупным агрофирмам сельскохозяйственные земли, находящиеся в ведении районных властей. Такая политика районных властей поощряется республиканской властью. Для нее очень важно отчитаться перед федеральным центром о привлеченных в регион инвестициях. Крупные агрофирмы стремятся стать латифундистами, а большинство инвестиционных проектов с их участием в отраслях сельского хозяйства (овощеводство, садоводство и пр.) на деле оказываются нереализованными, и работы осуществляются только для того, чтобы убедить федеральный центр в необходимости государственного софинансирования проектов, а в дальнейшем осуществляется распил этих средств. Так, нашумевший проект по сахарному заводу, который стал причиной этнополитической мобилизации дагестанских ногайцев в 2011 г. и который якобы успешно реализуется в Тарумовском районе РД, на практике не реализован. Другой аналогичный проект, реализуемый в Кизлярском районе республики, также дальше распахки нескольких сотен гектаров земли не развивался. А между тем земля, которая была распахана, использовалась раньше местными жителями Кизлярского района в качестве пастбищ для домашней скотины [6]. Одним из итогов такой земельной политики в погоне за инвестициями становится выдвигание населения из села. Безработные сельские жители пополняют ряды трудовых мигрантов, уезжающих в другие регионы и крупные города страны.

В оценках экспертов земельные межэтнические конфликты в Дагестане – это долгосрочный дестабилизирующий обстановку в регионе фактор, и для его преодоления нужны институциональные изменения. Здесь исследователи придерживаются двух диаметрально противоположных взглядов: одни авторы считают, что этнические земли есть неотъемлемая часть среды обитания, а значит, и существования этноса, и необходимо исходить из этого постулата [7]. Другие исследователи, наоборот, считают, что этнические земли – это абстракция, придуманная этническими предпринимателями в целях накопления политического капитала. По их мнению, земельный ресурс нужно рассматривать, в первую очередь, как производственный фактор, объект для инвестиционных проектов, способных модернизировать экономику региона [8].

Как правило, на исследовательские позиции влияет и этническое происхождение самих ученых: горцы считают, что Дагестан общий, без этнических земель, а жители равнин склонны отстаивать концепции этнических земель. Оно и понятно: внутренняя миграция идет с гор на равнину, а не наоборот, и горцам комфортнее отрицать доктрины этнических земель. Общественники равнинных народов Дагестана считают, что земля эта рассматривается переселенцами «не как агоресурсный потенциал, а как объект территориального приобретения». Есть и исследователи, придерживающиеся компромиссных взглядов и признающие наличие общинных земель – земель конкретных сельских обществ, но не этнических в широком смысле слова [1; 9]. А так как исторически в Дагестане в основном селились моноэтнично, эти земли и воспринимаются как этнические. В любом случае необходимо признавать, что земельные проблемы политизируются на этнической основе не только в Дагестане, но повсеместно на Северном Кавказе, где есть этноконтактная ситуация.

Таким образом, именно земельные конфликты являются основным фактором рисков в этнополитической обстановке Дагестана. Сегодня Дагестан переживает последствия стихийных и плановых переселений горцев на равнину в советскую эпоху и самых разных связанных с ними нарушений. Основным вопросом и катализатором конфликта при этом становится земля, а поскольку переселенцы иноэтничны, то земельные вопросы оказываются связанными с межэтническими отношениями.

Конфессиональная ситуация: Политизация ислама

Как было упомянуто выше, роль исламского фактора в постсоветский период в регионе постоянно растет [1, с. 12]. В анализе проблем, связанных с конфессиональными противоречиями и религиозно-политическим экстремизмом, исследователями используются следующие ключевые слова: *фундаментализм, религиозно-политический экстремизм, ваххабизм и салафизм*. Сегодня все меньше употребляется понятие *ваххабизм*. Более распространенным стало понятие *салафизм*. Причем салафитов делят на умеренных и радикальных представителей, организующих вооруженное подполье. Последних чаще всего называют *лесными*. Это понятие пришло в дискурс из журналистики и обозначает тех салафитов, кто уже перешел на нелегальное положение.

Актуализация религиозной проблематики началась в середине 80-х годов, когда в некоторых горных районах республики появляются ваххабитские анклавы. На их территории не действовали в полной мере российские законы. Эти анклавы продолжали укрепляться и все дальше отдаляться от культурного и правового пространства Российского государства, пока не произошло вторжение международных террористов – боевиков с территории соседней Чечни в августе 1999 г. Результатом этого вторжения стало поистине народное сплочение многонационального дагестанского общества вокруг Российской армии и государства перед лицом общего врага: как внешнего (международные террористы), так и внутреннего (дагестанские боевики), ставящего под сомнение целостность страны и конституционный строй.

Однако десятилетие спустя ситуация трансформировалась до такой степени, что Чеченская Республика на фоне Дагестана выглядит регионом благополучия, стабильности и развития, тогда как Дагестан, наоборот, превратился в самый нестабильный регион страны. По данным секретаря Совбеза России Н. Патрушева, 85% всех преступлений террористической направленности совершается сегодня в Дагестане [10].

Ваххабитские общины (теперь обозначаемые специалистами как салафитские) сегодня представляют собой не какие-то анклавы замкнутых и труднодоступных сельских общин в горах Дагестана. Они представлены в каждом дагестанском городе и почти в каждом сельском районе республики. Часть их ведет подпольную вооруженную борьбу против Российского государства, в первую очередь в лице его правоохранительных органов, используя террористические акты.

Вместе с тем широкое распространение идей салафизма в Дагестане привело и к внутриконфессиональному расколу между суфиями и салафитами. Этот конфликт проявляется не только в конкурирующих проповедях об «истинном» исламе, обвинении друг друга в язычестве и вероотступничестве, но и убийствами имамов мечетей и других представителей духовенства, как суфиев, так и салафитов.

Серьезный анализ сложившейся на сегодняшний день ситуации, связанной с исламским реформаторским движением на Северном Кавказе, содержится в работе А.А. Ярлыкапова «Проблема ваххабизма на Северном Кавказе», изданной еще в 2000 г. В ней автор пишет, что ваххабизм в России распространился исключительно в среде молодежи и, хотим мы того или нет,

стал в стране серьезным и долгосрочным фактором [11]. Анализируя проблему распространения экстремистских идей в регионе, А. Ярлыкапов отмечает, что эти идеи расцветают в основном в головах у малообразованной молодежи. Кроме того, экстремистские проявления среди мусульман зачастую имеют корни в недовольстве процветающей коррупцией в местных властных структурах. Поэтому одной из первоочередных задач, стоящих перед государством в регионе, он видит борьбу с коррупцией, а также налаживание качественной и долгосрочной молодежной политики.

В настоящий момент в Республике Дагестан действуют около 2050 мечетей и 327 молитвенных комнат. Всего в республике образовано 298 исламских образовательных учреждений, из них: 15 вузов (137 преподавателей и 1629 учащихся); 82 медресе (244 преподавателей и 4080 учащихся); 201 примечетская школа (317 преподавателей, более 3000 учащихся) [12].

Наибольшее количество исламских образовательных учреждений функционирует в городах Махачкала, Хасавюрт, в Буйнакском, Бабаюртовском, Ботлихском, Гунибском, Гумбетовском, Кизилюртовском, Казбековском, Карабудахкентском, Шамильском, Хасавюртовском, Цумадинском районах РД. Самыми активными религиозными организациями и деятелями, играющими заметную роль в политической жизни современного Дагестана, являются:

– Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД). Основные формы работы с населением: телевидение (еженедельная передача «Мир вашему дому» на Первом канале); радио: «Ватан», «Сафинат»; журнал «Ислам», газеты «Ас-салам» и «Нурул-Ислам»; сайт <http://islamdag.ru/>; проповеди в джума мечетях, раздаточный материал (диски, листовки) и т.д.;

– Ассоциация ученых Ахлю-Сунна в Дагестане. Основные формы работы с населением – сетевые ресурсы (социальные сети, Интернет), межличностное общение.

Изначально конкуренция внутри суннитского исламского поля складывалась по этноконфессиональному принципу. ДУМД традиционно возглавляют представители аварского этноса, что вызывает определенную критику религиозных лидеров других национальностей. В первой половине 90-х годов это даже привело на территории Дагестана к созданию ряда национальных муфтиятов. Сегодня такие лозунги не имеют массовой поддержки, поскольку общество связывает их с субъективными карьерными устремлениями богословов. Более того, даже в рамках одного этноса практически каждый заметный религиозный деятель действует авто-

номно, не согласовывая свои действия. Это очень заметно в период празднования священного для мусульман месяца Рамадан – часто даже в одном селе имамы мечетей назначают разные даты празднования начала месяца.

Основную проблему в исламском поле Дагестана составляют противоречия между сторонниками традиционного для Дагестана (суфизм) и фундаменталистского (салафизм) течений в мусульманской религии. Содержание этого противостояния с 90-х годов было наполнено взаимными упреками, оскорблениями, угрозами и вооруженными столкновениями. Одной из главных задач ДУМД являлось полное искоренение идей салафизма с Дагестанской земли. Хроника этого противостояния исчисляется десятками убитых религиозных деятелей как с той, так и с другой стороны. К 2010 г., когда уже стало очевидно, что процесс религиозной радикализации только нарастает, ДУМД инициировало начало мирного диалога с салафитами. Поводом для этого выступило появление официальной салафитской общины со своими мечетями, курсами, общественными, правозащитными, благотворительными организациями, медресе, СМИ и т.д. Последователями салафизма была учреждена «Ассоциация ученых Ахлю-Сунна в Дагестане», активная деятельность которой заметна в общественно-религиозной жизни республики.

Диалог оказался на грани срыва после убийства самого влиятельного на Северном Кавказе шейха Саида Афанди Чиркейского 28 августа 2012 г. Но рост влияния салафитской общины вынуждает власти Дагестана и Духовное управление считаться с ней. Последствием такой политики становится усиление давления на светскую составляющую жизни общества, а также раскол в самой салафитской общине. Вооруженное подполье обвиняет умеренное крыло в заигрывании с государством и не приемлет любые формы взаимодействия и компромиссов со светской властью, что лишает умеренных салафитов рычагов влияния на сторонников религиозно-политического экстремизма и терроризма. Следовательно, диалог между суфиями и умеренными салафитами оставляет нерешенной проблему религиозно-политического экстремизма и терроризма в Дагестане.

Противостояние суфиев и салафитов усиливает напряженность и во взаимоотношениях между светской и клерикальной частями дагестанского общества. Это выражается главным образом в стремлении исламских религиозных организаций (независимо от их принадлежности к суфиям или салафитам) увеличить

свое влияние в политической, образовательной, медийной и других сферах жизни дагестанского общества. Идеал, к воплощению которого стремятся и умеренная, и радикальная части мусульман, совпадает – это построение общества по религиозной модели.

Все эти проблемы, конфликты и процессы заслуживают пристального внимания не только научного сообщества, но и широкой общественности. Думается, что проблематикой основных исследований по Дагестану еще на долгое время будут оставаться два блока проблем: этнополитические конфликты и внутриконфессиональные проблемы среди мусульманского населения республики, расколотого в последнее время на два непримиримых направления.

Литература

1. Казенин К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. – М.: РЕГНУМ, 2012. – 176 с.
2. Северный Кавказ: Сложности интеграции, этничность и конфликт. – Доклад Кризисной группы // Европа. – 2012. – 19 окт.
3. См.: Созаев-Гурьев Е. Дагестану нужно 6 млрд, чтобы предотвратить конфликт // Известия. – 2012. – 10 окт.
4. Гусейнов А.Г. Социально-политические конфликты Северного Кавказа: Сущность и пути урегулирования. – М.: Наука, 2007. – 270 с.
5. См., например: Кисриев Э.Ф. Республика Дагестан. Модель этнологического мониторинга. – М.: ИЭА РАН, 1999. – 72 с.; Алиев А.К. Северный Кавказ: Современные проблемы этнополитического развития. – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2003. – 368 с.; Гусаева К.Г. Межнациональные и межконфессиональные отношения в Дагестане: От конфликтности к стабильности: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Махачкала, 2006. – 35 с.
6. Адиев А. Получат ли «неместные» доступ к земле на Северном Кавказе? [Электронный ресурс]. URL: www.regnum.ru/news/kavkaz/dagestan/1554910.html
7. Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы XX в.). – Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2000. – 328 с.; Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI в.: Их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. – 450 с.
8. См., напр.: Стародубровская И.В., Зубаревич Н.В., Соколов Д.В. и др. Северный Кавказ: Модернизационный вызов. – М.: Издательский дом «Дело», 2011. – 328 с. Соколов Д., Магомедов Х., Силаев Н. Источники конфликтов и развития на Северном Кавказе. Доклад Кавказского центра проектных решений // Кавказский узел. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/222451/>; Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). – М.: Наука, 1988. – 236 с.; Дибиров А.-Н.З. Дагестанский

- суперэтнос и проблема этнического национализма // Двадцать лет реформ: Итоги и перспективы: Сб. статей / Под общ. ред. М.К. Горшкова, А.-Н.З. Дибирова. – М.–Махачкала: Наука, 2011. – С. 530–543.
9. Адиев А.З. Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. – 144 с.
 10. Брежитская Е., Патрушев Н. На Северном Кавказе нарастает религиозный экстремизм // Российская газета. 2013 г. 29 мая. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/05/29/reg-skfo/patrushev.html>
 11. Ярлыкапов А.А. Проблемы ваххабизма на Северном Кавказе. – М.: ИЭА РАН, 2000. – 28 с.
 12. Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе: Экспертный доклад / Под общ. ред. В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН; Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. – С. 92.

*«Научная мысль Кавказа»,
Ростов н/Д., 2013 г., № 4, с. 137–144.*

Ж. Сыздыкова,
политолог
**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ПОСЛЕ 2014 ГОДА:
ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ**

По планам США, в 2014 г. американские войска и их союзники должны покинуть территорию Исламской Республики Афганистан. Очевидно, что американцы оставят в наследство афганскому руководству достаточное количество нерешенных проблем, которые в той или иной степени будут влиять как на внешнюю, так и на внутреннюю политику государств Центрально-Азиатского региона (ЦАР), затрагивая при этом и интересы трех мировых держав – России, КНР и США, а также двух региональных лидеров – Турции и Ирана. Американцы и их союзники начали контртеррористическую операцию в 2001 г. с упрощенными представлениями о стране, и на сегодняшний день нельзя сказать, что они достигли поставленной цели.

После вывода войск серьезные обострения могут возникнуть в странах Центральной Азии, в частности в этнорелигиозной сфере, например, между узбеками и киргизами в Ферганской долине, которые и без того вспыхивают время от времени. В их ряду события в Таджикистане в августе 2010 г., когда боевики из Исламского движения Узбекистана (ИДУ) бежали из колонии и скрылись в долине Рашт. А в 2011 г. террористические акты, имевшие место в Алматы, Атырау, Таразе и др. В частности было объявлено, что

за взрывами в октябре 2011 г. в Атырау стоят боевики из организации «Солдаты Халифата» («Джунд аль-Халифат»), которая, по некоторым данным, базируется в Афганистане. В нее входят боевики разных национальностей из Афганистана, Казахстана и других стран, которые видят своей целью возрождение исламского халифата. Стоит отметить, что в этих странах прослеживается связь между исламистами и оппозиционерами. Наиболее стабильной выглядит Туркмения, где в последнее время официальным властям удалось взять под контроль внутривнутриполитическую ситуацию и не допустить возникновения очагов религиозного экстремизма.

Многолетние усилия мирового сообщества, и в частности США, по борьбе с наркотрафиком из Афганистана по «Северному маршруту» (через страны ЦА) не принесли желаемого результата, и с уходом войск ISAF из ИРА ситуация может измениться только в худшую сторону. По данным ООН, до 30% афганских опиатов проходит транзитом через страны, имеющие общую границу на севере Афганистана, – это Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан. Не стоит забывать и о том, что на собственной территории стран ЦАР также ведется масштабное производство наркотических веществ. Если производство и торговля наркотиками проецируются из сферы криминального бизнеса в плоскость идеологического противостояния, потребуются кардинальные изменения в формах и методах борьбы.

Как известно, ЦАР обладает солидными запасами нефти и природного газа. К примеру, углеводородный потенциал туркменского сектора Каспийского моря (свыше 78 тыс. км²) предварительно оценивается в объеме 11–12 млрд т нефти и 5,5–6,2 трлн м³ газа. В Таджикистане канадской компанией Tethys Energy были обнаружены значительные запасы нефти, что открывает новые перспективы для экономического развития этой страны. Открытие больших запасов углеводородов вызывает энтузиазм не только официальных властей государств ЦАР. Радикальные экстремисты рассматривают угрозы нефтегазовой инфраструктуре как инструмент давления на правительства стран региона. Нельзя исключить, что в среднесрочной перспективе на объектах нефтяной и газовой отраслей могут быть совершены террористические акты с целью дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в странах Центрально-Азиатского региона.

Другая проблема – водные ресурсы. Дело в том, что водные ресурсы в государствах Центральной Азии распределены нерав-

номерно. Регион четко разделен на богатые водными ресурсами страны (Таджикистан и Киргизстан) и зависимые от них с гидроэнергетической точки зрения Узбекистан, Туркменистан и Казахстан. Киргизстан контролирует бассейн реки Сырдарья, а Таджикистан – Амударью. Неравномерность распределения водных ресурсов в ЦА порождает конфликт интересов ключевых поставщиков воды (Таджикистан и Киргизстан) и ее основных потребителей (Узбекистан, Казахстан и Туркменистан).

Талибы могут активизироваться после ухода коалиционных сил из Афганистана. Вооруженные силы центральноазиатских государств и их правоохранительные органы не могут эффективно противостоять талибам в случае их массированного проникновения в регион. В этой связи основная тяжесть проведения различного рода оборонительных мер придется на РФ. Однако российская экономика вряд ли в одиночку «потянет» столь масштабные расходы. Поэтому возрастает роль координации усилий и использования ресурсов в рамках Организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ), куда входят Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Вместе с тем необходимо координировать усилия со странами региона, которые не входят в ОДКБ. Москва не обладает необходимыми ресурсами для самостоятельной реализации эффективных мер по предотвращению распространения экстремизма на территории государств ЦА. Этому мешают как текущие проблемы в самой России, так и отсутствие единства среди центральноазиатских стран по вопросам военно-технического и военно-политического сотрудничества.

В этой связи американские военные базы на территории государств ЦАР могут рассматриваться как своего рода барьер на пути распространения религиозного экстремизма. В ближайшей и среднесрочной перспективах эти базы будут «канализировать» внимание талибов, мешая распространению их влияния. Перед РФ стоят следующие задачи: защита российской территории от потенциально дестабилизирующих факторов в Центральной Азии; обеспечение безопасности региона путем ограничения вмешательства и участия других внешнеполитических сил; контроль над долей углеводородных ресурсов ЦА и других полезных ископаемых, а также бизнес-активами экономических игроков из региона.

*«Ломоносовские чтения. Востоковедение»,
М., 2013 г., с. 269–272.*

С. Акимбеков,
директор Института мировой экономики
и политики при Фонде первого Президента
Казахстана
**НЕНУЖНАЯ СПЕШКА.
ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ
О ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
(Взгляд из Казахстана)**

К концу 2013 г. позиции главных участников процесса объединения в рамках Таможенного союза в целом прояснились. Большое значение имела декабрьская встреча Высшего экономического совета в Москве, в ходе которой установлены пределы возможной интеграции. Они, в частности, связаны с идеей принятия дорожных карт для Армении и Киргизстана. Сам факт одобрения такого подхода означал, что план по быстрому расширению входит в формализованное русло, а это требует от потенциальных участников времени на прохождение процедур по присоединению. Тем самым ТС становится больше похож на Европейский союз, создание которого предусматривало выравнивание параметров входящих в него государств. Соответственно, быстрое расширение, мотивированное исключительно политически, невозможно.

Политика или экономика?

Собственно, в этом и заключалась позиция Казахстана, который в последнее время делает акцент только на экономическом характере объединения, в то время как Россия все заметнее стремится использовать ТС в качестве «зонтичного» бренда для объединения большого числа стран на постсоветском пространстве и даже за его пределами. Такой подход вполне можно объяснить российскими насущными интересами. Понятны стремление форсировать процессы интеграции и явное недовольство части российского истеблишмента тем, что приходится искать компромиссы с Астаной и Минском. Это отчасти воспринимается как нежелательная зависимость от заведомо более слабых партнеров, которые косвенно препятствуют воплощению в жизнь глобальных российских интересов. А ведь в экономическом плане Россия, несомненно, доминирует в организации и теоретически могла бы не обращать внимания на мнение двух других стран.

Однако России нужен именно Таможенный союз, т.е. государства-партнеры. Но чтобы их заинтересовать, необходимы привлекательные условия. Последнее предполагает наличие относительно равных отношений, значит, использовать потенциал ТС исключительно по собственному усмотрению Кремль не может. В чем интересы Москвы? Если они связаны с экономикой, тогда Россия первая должна быть против приема в сообщество слабых участников, выступать за то, чтобы все кандидаты проходили соответствующие подготовительные процедуры. В противном случае от экономически сильных участников проекта, в первую очередь именно от России, потребуются значительные затраты, включая прямые выплаты.

И все же российская сторона постоянно расширяет список кандидатов. Сначала это были Таджикистан и Киргизия, потом появилась Армения, затем начал обсуждаться вопрос об Украине. Во всех указанных случаях политические факторы играют, без сомнения, более важную роль, чем экономические.

Например, очевидно, что Таджикистан и Киргизия представляют интерес с точки зрения необходимости обеспечить геополитическое присутствие России в Центральной Азии. Начиная с 1990-х годов именно эти две страны играли здесь исключительную роль. Особенно с тех пор как Узбекистан и Туркменистан выбрали, по сути, противоположные векторы геополитической ориентации. К примеру, так было в 1998 г. Тогда только российское военное присутствие в Таджикистане обеспечивало влияние России не только в регионе, но и на стратегически важном афганском направлении. Поэтому тесная связь Душанбе и Бишкека с Москвой, в частности в рамках интеграционного объединения, несомненно, способствовала бы более эффективному обеспечению интересов России в регионе. Соответственно, стремление включить эти две страны в ТС имеет отчетливо политический смысл.

Аналогичная ситуация с Арменией. Эта страна и так традиционный союзник Москвы в Закавказье, российское влияние там трудно переоценить. Ереван, правда, стремился и к взаимодействию с Евросоюзом, но это не имело особого значения в связи с периферийным положением Армении. Однако в 2013 г. армянское руководство принимает достаточно неожиданное решение присоединиться к ТС, которое встречает полную поддержку Москвы. И опять налицо шаг, который основан не на экономических, а на политических интересах. Ведь с экономической точки зрения вступление Армении не имеет особого смысла: отсутствует общая

граница, объем экономики незначителен. Зато геополитический резон Москвы очевиден, Ереван же озабочен собственной безопасностью в связи с сохраняющимися рисками из-за Карабаха, а также из-за неясности ситуации вокруг ядерной программы Ирана.

Еще одна явно политическая мотивация стоит за дискуссией о вероятном вступлении Украины, активно развернувшейся в последние месяцы 2013 г. Вариант с ТС рассматривался как политическая альтернатива ориентации Украины на Европу. Вообще завершение прошлого года показательно с точки зрения цены, которую Россия вынуждена платить за политику привлечения в организацию новых членов. Крупные кредиты выданы Киеву и Минску, заключены контракты на льготные поставки нефти Белоруссии в 2014 г., необходимо оплачивать строительство ГЭС в Киргизии и Таджикистане и т.д. Налицо стремление Москвы собрать в ТС определенное количество стран, не считаясь с затратами. Интеграционный процесс идет в большой спешке. О его качестве говорить не приходится. Появление все новых кандидатов с их проблемами только осложняет положение внутри объединения, притом что и в нем за два с половиной года работы накопилось слишком много проблемных моментов, некоторые из которых скорее можно назвать глубокими системными противоречиями.

Асимметрия отношений

Первое, на что стоит обратить внимание, – это не только слишком разные масштабы экономик трех стран, составивших первоначальную основу ТС, но и несовпадающие принципы их организации. Экономики Казахстана и России очень похожи друг на друга. Кроме того, они, пусть в разной степени, но все-таки интегрированы в мировую экономическую систему и живут по ее правилам, чего нельзя сказать об экономике Белоруссии.

В самом общем смысле Минск пытается сохранить советскую модель управления, лишенную коммунистической идеологии. Естественно, что страна унаследовала не только прежнюю производственную базу, но и все основные пороки экономики СССР, которые привели его к краху. Главное – общая неэффективность и неконкурентоспособность. Очевидно, что белорусское народное хозяйство не выжило бы без особых отношений с Россией, включая возможность перепродавать продукты переработки российской нефти.

Объединение двух рыночных стран – России и Казахстана – с нерыночной Белоруссией заведомо противоречит главному правилу любой интеграции – предварительному сближению, гармонизации параметров участников. Ведь простое открытие таможенных границ не только делает доступными новые рынки сбыта, но и повышает уровень конкуренции. Поэтому, получив возможность некоторого роста продаж своей продукции на рынках Казахстана и России, белорусская экономика должна была столкнуться со встречной конкуренцией.

Кроме того, Россия и Казахстан накануне создания Таможенного союза не скрывали намерения вступить в ВТО, обсуждался даже вопрос о совместной заявке. Россия стала членом ВТО в 2012 г., Казахстан собирается последовать ее примеру в 2014 г. Соответственно, дальнейшая либерализация внешней торговли неизбежна. Непонятно, что будет с белорусской экономикой, ее статус станет еще более неопределенным, а положение только ухудшится. Белоруссия сегодня выглядит как «пятое колесо в телеге интеграции».

Не все гладко и в экономических отношениях двух явных лидеров ТС – Москвы и Астаны. Среди аргументов сторонников интеграции фигурировал тезис о том, что Казахстан с его низкими налогами (НДС 12% против российских 18%; 10% подоходного налога против 13% – в России; значительно более низкий социальный налог), более благоприятным экономическим климатом (47-е место по рейтингу Doing Business против 112-го у России) однозначно выиграет от интеграции в Таможенный союз. Теоретически Казахстан мог стать площадкой для производства товаров, которые затем получили бы доступ на рынок с населением в 170 млн человек.

Ожидания, однако, не оправдались. Более того, по данным Евразийской экономической комиссии, импорт из России в Казахстан с 2010 г. вырос с 12 млрд до 17 млрд долл. Если же сравнивать с 2009 г., то в этом последнем до начала работы ТС году российский импорт составил 9 млрд долл. То есть рост почти на 90%. (Правда, надо сказать, что в 2008 г., еще до кризиса, импорт из России достигал 13,5 млрд, а затем упал до 9 млрд как раз в 2009 г.) При этом экспорт из Казахстана в Россию в 2012 г. (6,1 млрд долл.) практически остался на уровне 2010 г. (5,7 млрд долл.). Более того, он почти совпадал и с 2008 г. (6,2 млрд долл.). Словом, экспорт из Казахстана в Россию стабилен, и существование ТС никак на нем не отразилось. Еще более показательна си-

туация с экспортно-импортным балансом в отношениях Астаны и Минска. Импорт из Белоруссии с 2010 г. вырос в два раза, до 700 млн долл. по итогам 2012 г., а экспорт из Казахстана в Белоруссию упал со 100 млн до 90 млн долл. По итогам десяти месяцев 2013 г. ситуация изменилась незначительно.

Обычно в экспертном сообществе наших стран дипломатично говорят об общем росте товарооборота за время работы ТС, не указывая на состояние экспортно-импортного баланса. Иначе придется согласиться с тем, что либерализация внешней торговли в рамках объединения не принесла Астане конкретных результатов. При этом за годы существования Таможенного союза Казахстан становился все более важным рынком сбыта для российской экономики. Об этом свидетельствуют не только сухие цифры, но и качественные показатели. Например, 26% всего импорта из России в Казахстан составляют машины и оборудование. В денежном выражении по итогам 2012 г. это 4,5 млрд долл. При этом в структуре российского экспорта машиностроительная продукция по итогам 2012 г. составила 5%, в денежном выражении – 26 млрд долл. Часть этого объема составляет продукция военного назначения. Так, самой крупной статьёй экспорта из России в 2012 г. были летательные аппараты (3,1 млрд долл.). Это военные истребители. Гражданский экспорт продукции машиностроения составляет примерно половину от этого объема. Получается, что Казахстан обеспечивает рынок сбыта примерно трети всего невоенного машиностроительного экспорта из России, и в этом, несомненно, большую роль играет ТС.

Не приходится говорить об использовании изначальных преимуществ, которые были у Астаны перед началом интеграции. Напротив, Казахстан становится все более важным рынком сбыта для России и Белоруссии. Кроме того, казахстанская экономика столкнулась с рядом других проблем. Среди них можно выделить низкую конкурентоспособность бизнеса по сравнению с российским. Сказалась разница в характере экономической политики двух стран за 15 лет. В Казахстане традиционно более мягкие условия ведения бизнеса, что стало результатом рыночных реформ 1990-х годов. Соответственно, здесь меньше крупных компаний, зато больше мелких фирм и в секторе услуг, и в производстве, и в сельском хозяйстве. С одной стороны, это преимущество страны, потому что масса мелких хозяев создает мелкобуржуазную среду и не зависит от государства. С другой – недостаток, когда приходится конкурировать с крупными компаниями из соседней России.

Для последних казахстанский рынок – это небольшая доля их деятельности. Парадокс в том, что вообще нет смысла открывать производство в Казахстане, если можно просто направить в страну 10% от российского производства. Такая ситуация справедлива для некоторых международных компаний, у которых есть заводы и в Казахстане, и в России. Для Астаны это означает потерю рабочих мест и налогов.

В целом 6 млрд из России и Белоруссии, на которые вырос импорт из этих стран в Казахстан за годы работы ТС, привели к заметному сокращению рабочих мест в казахстанском бизнесе, поскольку эта сумма охватывала как раз сектор потребительских товаров.

Надо иметь в виду, что у России и Казахстана есть устойчивые объемы взаимных поставок продукции, унаследованные от советского прошлого. Например, Казахстан традиционно отправляет в Россию 20–30 млн т угля из Экибастуза. Это почти 15% всего экспорта в Россию. Также осуществляются поставки железорудных окатышей с Соколово-Сарбайского месторождения на Магнитогорский металлургический комбинат. Среди крупных статей – уран от «Казатомпрома», природный газ с Карачаганак на Оренбургский газоперерабатывающий комбинат, пшеница.

И тут не без проблем. Так, в России на складах угольных компаний по итогам 2013 г. осталось до 30 млн т непроданного угля, и, например, губернатор Кемеровской области Аман Тулеев считает нецелесообразным импортировать казахстанское сырье. В свою очередь, Казахстан не раз высказывал намерение перерабатывать газ на своей территории, потому что поставки в Оренбург идут по внутренним договоренностям, а значит, и низким ценам. Если вдруг завтра из казахстанского экспорта в Россию выпадет уголь или газ, то ситуация с экспортно-импортным балансом станет просто неприличной.

Помимо низких налогов в Казахстане более либеральное администрирование, государство присутствует в экономике меньше, чем в России. Это одна из причин возникновения диспропорции, российская бюрократия объективно более эффективна, чем казахстанская. В частности, даже в условиях ТС она смогла создать целую систему запретов для экспорта казахстанской продукции на российскую территорию. В то же время для поставок продукции из России в Казахстан нет препятствий.

Еще один важный фактор – значительный рост цен на потребительском рынке в Казахстане после начала работы Тамо-

женного союза. Безусловно, часть внутреннего роста цен связана с политикой государства. Например, обеспечением за счет потребителя инвестиций энергетических компаний. Тем не менее это стало большой неожиданностью. Традиционно цены в Казахстане ниже российских. Кроме того, российский импорт зачастую дешевле казахстанской продукции. Такая же ситуация с импортом из Белоруссии. Теоретически цены должны были упасть, так всегда происходит, когда приходит дешевый импорт. Но в нашем случае они выросли. Вероятно, это связано со сближением экономик России и Казахстана: цены тянутся к более высокому российскому уровню.

И наконец, важный вопрос связан с разницей в политике национальных валют. В России уровень колебаний рубля обычно весьма значителен. Российский Центробанк таким образом реагирует на изменение конъюнктуры, а слабый рубль помогает поддерживать экспортеров. В Казахстане тенге стабилен, многие говорят, что фактически он привязан к доллару США, хотя Нацбанк это всегда отрицал. В рамках ТС подобная ситуация крайне невыгодна для Астаны, потому что ослабление рубля автоматически увеличивает импорт из России. Неудивительно, что в Казахстане против ТС все последние годы активно выступал местный бизнес, за исключением тех крупных предприятий, которые поставляли на экспорт уголь и газ, а также экспортеров, заинтересованных в транзите через Россию. Но среди населения, и особенно в интеллектуальной среде, настроения совсем другие.

Идеологические войны

Одним из следствий работы ТС стало начало острых дискуссий. Они почти не затронули широкую общественность – сказала государственная политика в области информации, но среди интеллектуалов споры приняли жесткий характер. Традиционно в Казахстане и государство, и общество ориентированы на поддержание дружеских отношений с Россией. Это справедливо и для российского общества и государства. В наших странах критически были настроены только политики националистической ориентации. Сама идея объединения легла на благодатную почву. Здесь и ностальгия старшего поколения по временам СССР, и стремление увидеть в ТС некую замену прежнему мощному государству. Отчасти и упование национальных меньшинств Казахстана – русских, украинцев, белорусов и некоторых других – на возврат прежних времен. И концепция совместного восстановления промыш-

ленного производства, уход от сырьевой зависимости и многое другое.

Резко активизировались искренние сторонники интеграции как в России, так и в Казахстане. В результате образовалась мощная пропагандистская волна, которая накрыла общественное мнение. Проблема, однако, в том, что российские сторонники восстановления имперской государственности увидели в Таможенном союзе прообраз новой империи и способ возрождения былой державной мощи России. Среди них можно условно выделить «евразийцев» и «имперцев». «Евразийцы» традиционно толерантны по отношению к Казахстану. Они исходят из общности интересов и судеб, следуя логике Льва Гумилёва, который высоко оценивал кочевников и видел в них серьезный источник евразийской имперской государственности. В то же время «имперцы» скорее нетолерантны по отношению к независимости Казахстана. Они, вольно или нет, подвергают сомнению его суверенитет. Согласно их логике, Казахстан – случайное, несостоявшееся государство, и это единственный его шанс вернуться в состав Большой России.

Такая информационная волна, давление со стороны и «имперцев», и «евразийцев» вызвали ответную реакцию. Число противников интеграции с Россией в Казахстане резко увеличилось. Причем в их число вошли не только националисты, но и вполне умеренные граждане. Ключевым стал вопрос о государственном суверенитете, к которому весьма чувствительна казахская часть общества, особенно его интеллектуальная среда. Поэтому когда различные российские эксперты стали периодически подвергать сомнению суверенитет Казахстана и результаты его развития, это вызвало беспокойство.

Способствовала озабоченности и активизация Российского государства. В течение 2012 г. выдвинут ряд инициатив, направленных на создание наднациональных структур в ТС. Среди них выделялась идея образования так называемого Евразийского парламента. Предполагалось, что депутаты данного органа будут избираться в соответствии с численностью населения и его постановления придадут легитимность решениям Евразийской экономической комиссии как некоего общего правительства Евразийского экономического союза. Однако Казахстан получил бы в этом парламенте только 12% мест. В зависимости от полномочий, которыми в итоге наделялась бы ЕЭК, структура начинала напоминать федерацию. С учетом абсолютного доминирования России в

объединении речь в таком случае шла бы просто о «расширенном и дополненном» издании Российской Федерации.

Кроме того, Россия предлагала единую валюту. Из опыта длительных переговоров на эту тему с Белоруссией в 2000-е годы известно, что Москва считает: у такой валюты должен быть единый эмиссионный центр. Следовательно, речь идет о российском рубле, который станет валютой нового объединения.

Казахстан занял иную позицию. Если создавать новую валюту, надо идти по пути Евросоюза и сначала сделать что-то вроде расчетной единицы – ЭКЮ, а уже затем работать над созданием общих денег типа евро. Но такой валютой не может быть рубль. Отказ от тенге означал бы для Астаны потерю части государственного суверенитета. Понятно, что Россия, например, с таким никогда не согласится.

Со временем противоречий все больше. Периодически они выходят наружу в виде открытых конфликтов, в частности вокруг космодрома Байконур или дагестанского браконьера, убитого при задержании в казахстанской части Каспийского моря. Но в Казахстане и России похожие друг на друга системы сильной вертикали власти. В результате все возникающие противоречия решались на уровне глав государств. В конце 2013 г. на встречах в Екатеринбурге, Минске и Москве большая часть вопросов была урегулирована. Стороны четко обозначили позиции. В частности, я бы обратил внимание на десятую статью договора о добрососедстве и сотрудничестве, подписанного в Екатеринбурге осенью 2013 г. Здесь упоминается евразийская интеграция, ТС и Единое экономическое пространство, но ничего не говорится о Евразийском экономическом союзе.

В определенной степени это справедливое решение, поскольку для Казахстана и России двусторонние отношения всегда имели и будут иметь огромное значение. В известном смысле они даже важнее, чем многосторонняя интеграция. Наши отношения существовали до создания Таможенного союза и будут продолжаться, даже если последнего вдруг не станет.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2014 г., № 1, Т. 12, январь-февраль, с. 88–96.*

Д. Александров,
начальник сектора
центральноазиатских исследований

И. Ипполитов,
научный сотрудник (РИСИ)

Д. Попов,
руководитель Уральского регионального
ИАЦ РИСИ

**«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ
АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(Окончание)**

Узбекистан

Интерес США к Узбекистану всегда оставался большим, поскольку эта страна является ключевой в Центральной Азии с точки зрения географического положения и ресурсного потенциала, в том числе демографического. Ситуация в Узбекистане неизбежно отражается на сфере региональной энергетики, водоснабжении, торговле и, в конечном счете, на политической и социальной стабильности в регионе.

Однако на протяжении постсоветского периода взаимоотношения Узбекистана и США переживали разные этапы. Вплоть до середины первого десятилетия XXI в. Ташкент считал своим приоритетом налаживание отношений с Западом, в особенности с США, что ярко проявилось после событий 11 сентября 2001 г. «Цветные перевороты» в Грузии, на Украине, осуществленные при поддержке США, нарастание критики со стороны Запада в отношении «проблем демократизации» и активизация экстремистских группировок в республике на фоне социальной напряженности насторожили президента И. Каримова. Он попытался с помощью России уравновесить влияние американцев. Начиная с 2004 г. Узбекистан стал постепенно отклоняться от избранного ранее западного вектора сотрудничества в сфере обороны и безопасности. Наиболее заметно внешнеполитический курс страны был изменен после переворота в Киргизии и особенно после событий в Андижане весной 2005 г. В результате было принято решение о выводе американской военной базы Карши-Ханабад. Однако охлаждение отношений с Западом было во многом ситуативным и являлось следствием нестабильности государственной системы Узбекистана.

За последние пять лет узбекский внешнеполитический вектор вновь значительно трансформировался в сторону большего укрепления отношений с западными странами, особенно с США. Эта тенденция касается их взаимодействия с РУ как в политическом, так и в экономическом измерении.

Ясным сигналом о готовности Ташкента вернуться к тесным взаимоотношениям с Вашингтоном стал доклад, сделанный президентом республики в конце 2007 г. по случаю годовщины принятия Конституции страны. В нем Каримов особо подчеркнул, что Узбекистан имеет добрососедские взаимоотношения с США и другими западными странами.

В свою очередь, американская сторона отчетливо осознала тот факт, что США сделали в Узбекистане много ошибок, и постаралась вновь наладить с республикой контакты. Американцы стали обходить молчанием тему андижанских событий, а такие организации, как Национальный демократический институт США (Institute for New Democracies и USAID), снизили направленную на подрыв существующего политического режима активность в Узбекистане.

В дальнейшем 2009–2012 гг. характеризовались продолжением процесса размораживания узбекско-американских отношений. Была актуализирована Декларация о стратегическом партнерстве – базовый документ двусторонних отношений, – подписанная в марте 2002 г. на пике развития узбекско-американского взаимодействия¹. Итоги состоявшихся за последние годы встреч на различных уровнях указывают на дальнейшее сближение позиций США и Узбекистана по значительной части международных и региональных проблем. Крайне важным показателем выхода узбекско-американских отношений на новый уровень является то, что, несмотря на протесты влиятельных правозащитных организаций, в январе 2012 г. госсекретарь Х. Клинтон подписала документ, который аннулирует отказ США поставлять в Узбекистан «нелетальное оборудование» для оборонительных нужд. Ограничения на поставку правительству республики ряда видов военной техники действовали с 2004 г. Тогда же заместитель госсекретаря по делам Южной и Центральной Азии Р. Блейк заявил, что США гото-

¹ Джордж Крол: «Отношения между США и Узбекистаном развиваются динамично» // UzA: интернет-сайт. 2012. 24 февраля. URL: <http://www.uza.uz/ru/politics/18158/> (Дата обращения: 26.02.2012.)

вятся к процедуре оказания серьезной военной помощи Узбекистану¹.

В плане укрепления двусторонних отношений следует особо выделить визиты в Ташкент госсекретаря США Х. Клинтон, заместителя госсекретаря У. Бернса, директора ЦРУ Д. Петреуса, спецпредставителя США по Афганистану и Пакистану М. Гроссмана, помощников госсекретаря по делам Южной и Центральной Азии Р. Блэйка, по вопросам демократии, прав человека и труду М. Познера, по вопросам населения, беженцев и миграции Э. Шварца, представителя Генерального секретаря НАТО по странам Кавказа и Центральной Азии Дж. Аппатурая, координатора программы «Инициатива по борьбе с ядерной контрабандой» (NSOI) М. Стаффорда и др.

Значительную работу американцы провели и на уровне своего посольства в республике. Стало заметно, что в последнее время американская сторона с особой тщательностью относится к выбору своих представителей в Узбекистане. Послы, а также ключевые сотрудники посольства и других американских представительств в стране отбираются из числа чиновников, хорошо разбирающихся в специфике региона. В частности, посол США в Узбекистане в 2007–2010 гг. Р. Норланд, занимавший до того должность заместителя главы дипломатической миссии США в Афганистане, изначально получил четкую установку на улучшение отношений двух стран после андижанских событий и внес значительный вклад в налаживание партнерства².

Важной частью его работы стало не только плотное взаимодействие с узбекским государственным аппаратом, но и давление на европейских коллег с целью достижения их более лояльного отношения к внутриполитическим процессам в Узбекистане, в том числе и по правозащитной тематике. Нынешний американский посол в Узбекистане Д. Крол, занимавший в недавнем прошлом должность заместителя помощника госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии и входящий в руководящее звено

¹ Яновская М. США – Узбекистан: против кого дружат? / М. Яновская // Фергана, ру: интернет-сайт. 2012. 1 февраля. URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=7262> (Дата обращения: 26.02.2012.)

² Лаумулин М. Маятник возвращается: Внешняя политика Узбекистана / Мурат Лаумулин // Центр Азии. 2012. Февраль-март. № 1–4. URL: http://www.asiaz.com/vneshnyaya_politika_Uzbekistana (Дата обращения: 23.03.2012.)

дипломатической службы США, продолжает активную линию на укрепление узбекско-американских связей.

Следует отметить, что давление на Ташкент по вопросам прав человека со стороны администрации Обамы практически отсутствует, а американское правозащитное лобби на узбекском направлении успешно нейтрализовано. Хотя за последние годы Госдепартамент США в ежегодном докладе, посвященном «правам человека», отмечает «обстановку ограничений, в которых приходится работать узбекским СМИ, неправительственным и религиозным организациям», а также обращает внимание на эксплуатацию детского труда на хлопковых полях, в его документах был обозначен ряд положительных, с точки зрения американцев, моментов. В частности, отмечены улучшения в сфере проведения выборов (применительно к парламентским выборам), в борьбе с торговлей людьми, в условиях содержания заключенных и участия местных журналистов в мероприятиях, организуемых зарубежными посольствами.

Вместе с тем понимая, что правозащитную тематику невозможно полностью «вывести из оборота», американцы постарались передать ее некоторым европейским коллегам, в частности скандинавам, которые не имеют непосредственных политических и экономических интересов в регионе и республике.

Узбекская сторона, в свою очередь, стремится продемонстрировать некоторую либерализацию политической системы, более активно освобождая политзаключенных.

Основной интерес американцев в настоящий момент прежде всего связан с использованием транспортной инфраструктуры Узбекистана для функционирования Северной сети поставок грузов («Северной распределительной сети») в Афганистан, а также с решением региональных энергетических проблем, ряда вопросов развития коммуникаций с использованием узбекского потенциала во внутриафганских проектах. Очевидно, что активное восстановление тесных отношений США с Узбекистаном полностью соответствует политике администрации Обамы на афганском направлении.

Ключевая роль Узбекистана в работе Северной сети поставок является отражением того положения, которое страна занимает в регионе (именно Узбекистан был главной тыловой базой советской операции в Афганистане в 80-е годы). Узбекистан связан с Афганистаном наиболее удобной транспортной инфраструктурой. К расположенному на узбекском берегу пограничной Амударьи

г. Термез с севера примыкает железная дорога, связанная с афганским берегом и портом Хайратон. Кроме того, в Термезе дислоцирована база ВВС Германии, что является серьезным фактором безопасности данного транспортного узла. Также одним из элементов Северной сети поставок и опорным пунктом военно-политического влияния США в Центрально-Азиатском регионе становится новый авиаузел с развитой инфраструктурой в Навои.

При всесторонней американской помощи Узбекистан все более втягивается в афганские экономические инфраструктурные проекты. «Афганское» направление сотрудничества Соединенных Штатов и Узбекистана включает и вопросы снабжения американских войск различной узбекской продукцией, закупок у узбекских фермеров овощей и фруктов, товаров широкого потребления.

Что касается американского проникновения в социальную и гуманитарную сферы, возможностей функционирования американских сетевых структур, то здесь ситуация сложнее, чем в области военно-политического сотрудничества. Изначально, в 90-е годы, американцы развили на этом направлении довольно активную деятельность, однако в период охлаждения отношений в 2004–2006 гг., в особенности после андижанских событий, в республике было резко сокращено представительство американских НПО. В середине прошедшего десятилетия узбекские власти прекратили деятельность Фонда «Сорос–Узбекистан», IREX, Ассоциации американских юристов (ABA / CEELI), ACTR / ACCELS, Internews Network, Eurasia Foundation, Freedom House, Global Involvement Through Education, Counterpart International, Central Asian Free Exchange, Winrock International, Partnership in Academics and Development, Crosslink Development International¹. Одновременно были лишены аккредитации журналисты «Радио “Свобода”» и ряда других западных СМИ.

Укрепление военно-политических отношений двух стран не повлекло автоматического возвращения в Узбекистан американских НПО и СМИ. Они продолжают находиться под прессом офи-

¹ Большая зачистка. В Узбекистане ликвидируется очередная американская неправительственная организация – «Partnership in Academics and Development» // Новое узбекское слово: интернет-сайт. 2006. 28 августа. URL: <http://bukharainfo.com/blog/?p=118> (Дата обращения: 05.03.2012.)

циальных узбекских структур. Более того, в 2011 г. было закрыто местное представительство Human Rights Watch¹.

Тем не менее заметна определенная активизация американских структур в образовательной и социальной сферах. Вновь, хотя и более осторожно, стало проявлять себя USAID. Следует отметить, что Агентство действует на основании двустороннего соглашения с правительством Узбекистана. Его программы в республике выполняются на контрактной и грантовой основе двумя десятками местных и международных организаций, включая агентства ООН, коммерческие компании и другие организации. С 1992 г. через программы USAID Узбекистану была предоставлена помощь на сумму, более 300 млн долл.²

Программы USAID предусматривают сотрудничество с министерствами, правительственными и другими организациями, коммерческими предприятиями и сообществами по направлениям: совершенствование законодательства, создание новых рабочих мест, увеличение доходов населения, совершенствование профессиональных знаний и управление ресурсами.

В 90-е годы и в начале XXI в. USAID оказывало содействие правительству Узбекистана в реструктуризации системы первичной медико-санитарной помощи в сельской местности, проведении вакцинации, улучшении системы управления водными ресурсами и повышении качества начального образования, реформировании банковской системы, валютной и налоговой политики, фискального анализа. В дальнейшем Агентство развило деятельность в области создания кредитных союзов и микрофинансовых организаций для расширения доступа к финансированию предприятиям малого и среднего бизнеса.

В последние годы бюджеты программ USAID в РУ довольно скромны по сравнению с бюджетами аналогичных программ в Казахстане, Киргизии и Таджикистане. Например, бюджет программ USAID в Узбекистане в 2011 г. составлял 11,335 млн долл., в

¹ Ташкент закрывает офис Human Rights Watch // Русская служба BBC: интернет-сайт. 2011. 15 марта. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/03/110315_hr_w_uzbekistan.shtml (Дата обращения: 03.03.2012.)

² Американский народ предоставил Узбекистану более 300 млн долл. через программы USAID // AnonsUZ: интернет-сайт. 2011. 20 января. URL: <http://www.anons.uz/article/society/3727/> (Дата обращения: 04.02.2012.)

2012 г. – 12,940 млн долл., а сумма, запрошенная на 2013 г., – 12,595 млн долл.¹

USAID поддерживает производителей овощей и фруктов, агрофирмы и ассоциации водопользователей в Наманганской, Ферганской и Самаркандской областях с целью увеличения прибыли путем внедрения новых технологий. В этих программах приняли участие более 1,7 тыс. человек.

В сфере здравоохранения Агентство финансирует программы снижения распространения инфекционных заболеваний (ВИЧ / СПИД, туберкулез) среди групп населения повышенного риска. Также действуют информационные программы предотвращения торговли людьми.

Из значимых американских структур в Узбекистане стоит также отметить NDI. Свою деятельность в Узбекистане Институт осуществляет с 2003 г. при финансовой поддержке USAID. NDI сотрудничает с международными организациями, НПО, с такими исследовательскими центрами, как Институт изучения гражданского общества, а также с политическими партиями.

«Центральная Азия: Проблемы и перспективы. Взгляд из России и Китая», М., 2013 г., с. 67–73.

Н. Харитонов,
кандидат исторических наук
(МГУ им. М.В. Ломоносова)
**РЫНОК СМЕРТНИКОВ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Когда говорят об использовании террористов-смертников в Центральной Азии, то априори имеется в виду исламистский терроризм как один из видов терроризма, идеологически выросший из религиозного экстремизма.

Согласно общему определению, исламистский терроризм, являясь распространенной формой проявления терроризма, представляет собой тактику насильственных действий по отношению к оппонентам, находящую идеологическое обоснование в трактовках мусульманского вероучения, допускающих это во имя защиты

¹ См.: Бюджет на 2011, 2012, 2013 гг. на интернет-сайте Госдепартамента США.

исламской веры от влияния или агрессии немусульманских стран и идеологий.

Тот факт, что в Центральной Азии теракты имеют исламистские корни, подтверждают данные исследований, проводимых правоохранительными органами республик Центральной Азии; участниками и организаторами терактов в большинстве случаев являются члены запрещенных террористических исламистских организаций. Именно исламистский экстремизм становится одним из ведущих факторов дестабилизации ситуации в регионе.

С одной стороны, статистика показывает, что число участия смертников при организации терактов в Центральной Азии (не включая Афганистан) пока еще крайне незначительно, а с другой – Центральная Азия уже является целью для терактов с их использованием.

Рассматривая проблему совершения резонансных акций смертниками, нельзя исключать Афганистан. На территории Афганистана проживают те же народы, что и в республиках Центральной Азии, поэтому там имеется контингент для вербовки исполнителей терактов.

В первое десятилетие XXI в. теракты с участием смертников приняли массовый и регулярный характер: Афганистан, Пакистан, Ирак, Сирия, Северо-Кавказский регион России и т.д. При дальнейшем обострении ситуации в Сирии нет гарантий, что новый опыт и технологии проведения крупных терактов с большим количеством жертв не будут перенесены в Центральную Азию с целью дестабилизации ситуации там. По мнению ряда специалистов, если сирийский режим падет, то волна дестабилизации может докатиться до границ России¹.

В отличие от Афганистана, Пакистана и Российской Федерации, силовые структуры республик Центральной Азии не имеют достаточного практического опыта борьбы с нелегальными сетевыми организациями, которые используют смертников. Для Центральной Азии смертники являются явлением экзогенным, привнесённым из Афганистана и Пакистана, где теракты с использованием «живых бомб» стали почти обычным явлением.

Так, на примере одной из самых одиозных террористических организаций Центральной Азии – Исламского движения Узбекистана (ИДУ) – видно, что смертников они начали использовать примерно с того времени, как те переместились в Афганистан и стали тесно сотрудничать с «Аль-Каидой».

Ситуация в Центральной Азии дестабилизируется с начала 2000-х годов по целому ряду причин (проведение НАТО и ISAF операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане). «Островком стабильности» в Центральной Азии достаточно долгое время оставался Казахстан. Однако и там, начиная с 2011 г., стали происходить события, увязываемые специалистами с исламистским терроризмом.

В ходе спецоперации в Алмаатинской области по ликвидации группы боевиков Казахстан был вынужден признать наличие на своей территории экстремистских организаций и фактически пополнить список центральноазиатских государств, где радикальные исламисты ведут свою деятельность.

Объекты террористов-смертников

Специалисты определяют терроризм с использованием смертников как причинение максимального ущерба гражданскому населению с целью устрашения, сопровождающееся сознательным отказом исполнителя от спасения своей жизни². Однако в последние годы ситуация существенно изменилась – расширилось число объектов посягательств террористов в целом и смертников в частности.

Считается, что до 70-х годов прошлого столетия, когда радикальные мусульманские духовные лидеры объявили самопожертвование в борьбе с врагами видом мученической смерти, смертники в политических целях практически не использовались. С 70-х – до начала 90-х годов теракты с участием смертников были относительно редкими. Для европейских немусульманских террористических организаций (ИРА, ЭТА и т.п.) это было нехарактерно. Использование смертников типично для исламских радикальных движений, где известная пассионарность, религиозный фанатизм и воспитание в духе самопожертвования играют очень существенную роль.

Хотя смертники были и в неисламистских террористических организациях, таких как Рабочая партия Курдистана, Ливанская коммунистическая партия, Сирийская националистическая партия, «Тигры освобождения Тамил-Илама» (Шри-Ланка) и др.

К ранним примерам исламистского терроризма с участием самоубийц можно отнести взрыв смертника (террористическая организация «Аль-Дава») в посольстве Ирака в Бейруте (1981), подрыв казармы американских войск и взрыв у штаб-квартиры фран-

цузских войск в Бейруте (1983), покушение на Анвара Садата в Каире, теракты в Израиле и т.д.

Но с начала 2000-х годов использование смертников вошло в обычную практику радикальных исламистских организаций, и число терактов и жертв резко возросло.

Так, в сентябре 2001 г. в результате атаки смертников погиб Ахмад Шах Масуд, виднейший лидер исламского движения моджахедов, что в корне изменило геополитику региона.

Наибольшим по количеству жертв на данный момент остается теракт с использованием смертников 11 сентября 2001 г. на территории США.

Изменились и объекты, по которым наносятся террористические удары. Специфика современного терроризма с использованием смертников заключается в том, что его мишенью обычно становится гражданское население или живая сила противника. В этом его отличие от терроризма XIX – первой половины XX в., чаще всего направленного против представителей власти и, если допускавшего жертвы среди населения, то как побочные потери, а не как цель. При этом в наше время сильнейшее воздействие на «целевую аудиторию» оказывает не столько сам теракт, сколько сопровождающее его информационное освещение, т.е. терроризм с использованием смертников приобретает почти исключительно политический характер с максимальным резонансом за счет СМИ. Цель – посеять панику среди населения и заставить власти пойти на уступки, воздействуя на противника посредством страха. Важно учитывать, что взрывы «живых бомб» составляют 3% всех терактов, совершенных в мире, однако именно на них приходится до половины пострадавших³ и наибольший общественный резонанс.

Таким образом, использование террористов-смертников остается одной из наиболее распространенных форм нанесения максимального ущерба.

В своем выступлении на конференции «Центральная Азия в постсоветской интеграции» (9–10 сентября 2010 г., Иссык-Куль, Киргизия) представитель АТЦ СНГ М. Кочубей отметила, что круг потенциальных объектов терактов с использованием взрывных устройств имеет выраженную тенденцию к расширению по двум причинам. Первая причина – профессионализация терактов. По материалам уголовных дел очевидно, что здесь работают специалисты, обладающие профессиональными навыками и знаниями взрывного дела. Вторая причина – доступность материалов для изготовления самодельных взрывных устройств (СВУ). Почти все

СВУ содержат элементы промышленного производства – детонаторы, взрывчатые вещества, микросхемы. Это говорит о ненормальной ситуации при организации хранения такого рода устройств на оборонных предприятиях, воинских частях, арсеналах правоохранительных органов и т.д.

Как было указано на конференции, расходы на изготовление взрывного устройства для оснащения им смертника, как правило, незначительны (известно, что смертники – самый дешевый способ совершения преступления; стоимость материалов для изготовления взрывных устройств, применяемых смертниками в Израиле, оценивается в среднем в 150 долл.), а рост пожертвований со стороны сочувствующих исламских фондов, организаций, отдельных лиц может выражаться суммой в несколько сот миллионов долларов⁴.

Причины, по которым нелегальные сетевые структуры в лице исламистских террористических организаций используют смертников, очевидны:

1) подготовка теракта с использованием смертника является не такой сложной задачей, как подготовка акции, связанной с проходом большой группы боевиков и разработкой маршрутов отхода; смертник не нуждается в путях отхода и ему проще проникнуть на место планируемого теракта;

2) невозможность применить симметричные меры возмездия по отношению к смертнику, так как взрыв «живой бомбы» оказывает очень сильное психическое воздействие на гражданское население и власти;

3) гибель смертников создает героический образ мучеников за веру – шахидов, который позволяет привлекать новых участников в исламистские организации;

4) исполнитель теракта не может быть допрошен после его совершения, что усложняет расследование и поиск его организаторов;

5) относительно низкая стоимость подготовки террористического акта и его исполнителя;

6) акции с участием террористов-смертников всегда попадают в фокус СМИ, вызывают большой общественный резонанс, критику в адрес правоохранительных органов и властей.

Так, осуществляя подобные теракты, главари незаконных вооруженных формирований демонстрируют возможность бандподполья дестабилизировать обстановку в стране, способствуют повышению своего авторитета и отчитываются перед своими

спонсорами за финансовые средства³. При этом сами боевики-смертники в арсенале средств террористов относятся к категории «оружия стратегического назначения». Применяя его, лидеры экстремистов стремятся продемонстрировать властям и мировой общественности потенциал организации и свою решимость в достижении целей любыми средствами. Поэтому спецслужбы не исключают, что организаторы подобных взрывов могут пойти и на акции с применением химического, биологического, радиологического и компонентов ядерного оружия, а также на теракты, приводящие к техногенным катастрофам (так называемый ОМУ-терроризм)⁵.

Наконец, необходимо отметить, что при изучении такого явления, как использование смертников для проведения террористических актов, важно правильно разделять факты так называемого «суицидального терроризма», когда чаще всего член нелегальной сетевой организации производит самоподрыв с целью нанести максимальный ущерб общественной безопасности или живой силе противника (в последнем случае речь идет о военной безопасности, и данное преступление может классифицироваться как диверсия), и факты случайного самоподрыва, к примеру, изготовителя или установщика СВУ. Также необходимо различать теракты с использованием смертника в рамках уголовных дел, фанатиков-одиночек и теракты, проводимые религиозными экстремистами.

Технологии вербовки и подготовки смертников

На первой стадии подготовки теракта производится подбор лиц, которые в наибольшей степени подходят по своим психофизическим качествам, социальному положению, уровню образования, пассионарности, готовности подчиняться требованиям операции.

Обращает на себя внимание тот факт, что отбор производится среди лиц, имеющих невысокий уровень образования, хотя это не является правилом. Важный признак, выявленный специалистами, — это отсутствие прочных социальных связей и подверженность внешнему влиянию. Этот фактор усиливается практически полной изоляцией смертника от внешних социальных контактов непосредственно перед совершением теракта.

Главный критерий отбора — это психология человека, те черты характера и психики, которые делают его управляемым и

внушаемым. При этом религиозность человека не имеет того решающего значения, которое часто приписывается смертникам. Террористические группы культивируют различные обряды перехода их членов в число смертников и поддерживают героические мифы о самопожертвовании. Идеология смертничества использует культурные традиции, исторические примеры, делающие подобную гибель не только приемлемой, но и похвальной². Наряду с указанными признаками специалист по психологии террористов Т. Нестик указывает на то, что часто психологическая травма, с помощью которой организаторы манипулируют сознанием потенциального смертника, создается искусственно для того, чтобы последний желал посредством принесения себя в жертву либо вернуть свое «я», либо обрести новую самоидентификацию. Это хорошо видно на примере чеченских смертниц, которых подвергают психическому и физическому насилию, и для них «героическая» смерть – единственно возможный способ «очистить себя».

Арабская газета «Аль-Шарк Аль-Авсат» в интервью с представителями группировки ХАМАС о том, как в Палестине отбирают людей в террористы-смертники, писала: «Существуют четыре критерия, при помощи которых мы определяем, кто нам подходит. Во-первых, религиозность, во-вторых, мы проверяем, выполняет ли шахид волю своих родителей и не повлияет ли его смерть отрицательно на положение его семьи. Не является ли он отцом семейства или единственным сыном. В этом случае он не подходит. В-третьих, он должен понимать всю важность своей миссии. И в-четвертых, его смерть должна зажечь огонь джихада в сердцах других людей и вызвать в них желание пожертвовать своей жизнью»⁶. Следует также учитывать, что семьи погибших террористов-смертников часто получают материальную помощь как от террористических организаций, так и от сочувствующих лиц.

Если раньше в качестве «живых бомб» в основном использовались мужчины, которые были хорошо подготовлены, но могли в ходе операции изменить свое решение и тем самым сорвать ее (так называемый «эксцесс исполнителя»), в дальнейшем методология использования «живых бомб» претерпела определенные изменения – подбор стал носить универсальный характер, начали использовать женщин⁷ и детей, как категории, наиболее подверженные влиянию и вызывающие меньше подозрений в условиях режима ЧП. Поэтому среди смертников с каждым годом возрастает процент женщин и детей.

Если раньше типичным террористом-смертником был мужчина, то к середине 90-х годов примерно 40% из них составляли женщины⁵.

Террористические организации стремятся вовлечь в террористическую деятельность подростков.

Например, в начале 2006 г. ХАМАС создал сайт для детей (<http://www.al-fateh.net>), на котором прославляются подростки-шахиды и содержатся призывы к детям «встать на путь шахида»⁸. Использование детей-смертников – это новый и очень серьезный тренд, последовавший за использованием детей в убийствах по найму, который проявился впервые в Пакистане и в Афганистане.

Так, Беназир Бхутто была убита 14-летним мальчиком, в Хамида Карзая стрелял 12-летний ребенок.

В 2011 г. в Ираке силы безопасности ликвидировали базу организации «Тьюр аль-Джанна» («Райские птицы»), существовавшую с 2006 г., в которой детей готовили на роль боевиков-смертников. В 2008 г. иракские военные показали журналистам шесть плачущих арестованных подростков, некоторым из которых не было и 14 лет. Они рассказали, что были завербованы «саудовским» боевиком и должны были взорвать себя.

В 2009 г. расследование, проведенное газетой Washington Times, показало, что один из лидеров талибов в Пакистане покупал на роль террористов-смертников детей в возрасте от семи лет по цене, не превышающей 14 тыс. долл.⁹

Процесс отбора кандидатов в смертники проходит в исламистских образовательных центрах, спонсируемых исламистскими радикалами или находящимися под их влиянием, в мечетях в процессе религиозного обучения и проповедей, в лагерях беженцев и т.д.

Необходимо отметить, что есть различия в тактике использования смертников.

Некоторые используют втемную (когда смертник несет ВУ в определенное место, не зная, что это, а взрыв производится дистанционно с пульта) – чаще всего такая тактика производится с лицами, которые могут проявить колебания. Но если по какой-то причине смертник не решается взорвать себя сам, рядом находится сопровождающий, который осуществляет подрыв.

Следующий этап подготовки – психологическая обработка, или зомбирование.

Подготовку смертников проводят лица, имеющие специальные знания. В случае подготовки смертников из числа исламских

радикалов это либо муллы, либо лица с религиозным образованием, которые могут доступно аргументировать необходимость принести себя в жертву.

Как правило, среди смертников много людей, у которых родственники или супруги погибли в контртеррористических операциях (КТО), пострадавшие от действий официальных властей и т.п., т.е. большая роль отводится именно поиску мотива. Далее в течение периода от нескольких недель до нескольких месяцев идет работа в специальных лагерях, порой в обычных бытовых условиях, частично в молельных домах, в лагерях беженцев. Психологическая обработка обычно сопровождается принуждением к употреблению наркосодержащих и психотропных веществ. Смертников проводят через своего рода обет, клятву, после которой обратный путь невозможен.

К моменту прибытия на место совершения теракта уровень психологической готовности смертника достаточно высок, что позволяет ему избежать подозрений со стороны сотрудников служб безопасности. «Поэтому предотвращение террористических актов, в которых принимают участие смертники, является наиболее сложным участком работы силовых структур»². Вместе с тем отмечается, что имели место случаи, когда для отдельных акций кандидаты в смертники отбирались буквально за одну неделю до проведения террористических акций⁴.

На стадии обучения и подготовки террориста-смертника производится обучение простейшим навыкам обращения с СВУ. Конечно, смертники могут использовать и более сложные взрывные устройства, но те чаще приводятся в действие дистанционно. Программа обучения является индивидуальной, сочетается с близкими исполнителю мотивами.

Период подготовки смертника может быть разным по времени. Сроки зависят от длительности подготовки и сложности самой террористической операции: принятия решения по способу реализации теракта (на транспорте, объекты скопления гражданских лиц, стратегические объекты инфраструктуры и т.д.), разработка маршрутов перевозки, доставка ВУ к месту, доставка исполнителей, обеспечение им мест проживания, проход и преодоление режимных мероприятий и т.д.

Важна и конкретная запланированная цель теракта, к примеру, взрыв в месте повышенного скопления гражданских лиц на транспорте или захват заложников, который обычно производится

для предотвращения штурма и возможности выдвижения политических или другого рода требований.

Показательными в этом смысле были события 2002 г. на Дубровке с захватом 916 заложников. С. Гончаров, депутат Московской городской думы, полковник в отставке, бывший заместитель командира Группы «А» КГБ – ФСБ отмечает: «Для того чтобы говорить об уроках “Норд-Оста”, нужно вспомнить те истории с захватом заложников, которые были перед этим. Теракт в Будённовске в 1995 г., где боевики в больнице удерживали более 1600 жителей города, по сути, стал предпосылкой трагедии на Дубровке. После того как спецназ, потеряв трех бойцов, получил из Москвы команду о прекращении операции и предоставлении бандитам возможности уйти, боевики поверили в свою безнаказанность. Они уезжали победителями, размахивая флагами.

В Театральном центре на Дубровке боевики захватили около 900 человек, но на этот раз они были смертниками, готовыми безжалостно расправиться с заложниками»¹⁰.

Важно отметить, что в условиях существования транснациональных сетевых террористических структур, которые могут «передать» подготовленных смертников для реализации теракта на конкретной территории, специалистами констатируется наличие в любой момент времени резерва подготовленных террористов-смертников.

Теракты с использованием смертников в Центральной Азии

Перечислить все совершенные теракты с использованием смертников в Центральной Азии сложно из-за того, что далеко не все из них попали в официальную статистику и информацию по ним сложно найти в открытых источниках, но они происходили в Казахстане^{11,12}, Узбекистане^{13,14} и Таджикистане^{13,14}.

Данные о терактах с использованием смертников в Киргизии обнаружены не были, однако встречается информация о деятельности ранее неизвестной группировки «Джайшул Махди» («Армия правоговерного правителя») и ее причастности к взрывам в синагоге в сентябре и спортзале в ноябре в Бишкеке, а также к неудавшейся попытке взрыва возле здания милиции в столице в декабре 2011 г.

Имеются данные о том, что граждане Киргизии могут быть использованы в качестве смертников на территории других республик Центральной Азии.

Информация о терактах с использованием смертников на территории Туркменистана в открытых источниках также не была обнаружена.

Наиболее известные запрещенные террористические организации, действующие на территории Центральной Азии: «Исламское движение Узбекистана», «Джамаат моджахедов Центральной Азии», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Исламская партия освобождения»), «Таблиги джамаат» («Группа посланников»), «Жайшуль Махди», «Исламское движение Восточного Туркестана», «Организация освобождения Восточного Туркестана», уйгурская «Шарк Азатлык Ташкилати», «Акримийя», «Хизб ан-Нусра» («Партия победы», ответвление «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), «Мусулмон биродарлар» («Братья-мусульмане»), «Адолат» («Справедливость»), «Ислам Лашкарлари» («Воины ислама»), «Ислом уйғониш партияси» («Партия исламского возрождения»), «Товба» («Покаяние»), «Джамаат Ансарулла»¹¹; многие из них являются частью международной сети «Аль-Каиды».

С середины 2000-х годов государства Центральной Азии начали активное сотрудничество в области противодействия терроризму на уровне СМВД, ОДКБ, ШОС, АТЦ СНГ и т.д.

Однако, как отмечается в докладе Центра антитеррористических программ, «в процессе взаимодействия различных государств Центральной Азии по вопросам противодействия терроризму и экстремизму имели место некоторые разногласия и трения между ними»¹⁵. В частности, это проявилось в отношениях между Казахстаном и Узбекистаном.

Так, на проходившем в Ташкенте (июль 2004 г.) судебном процессе над лицами, причастными к весенним терактам, некоторыми подсудимыми было сделано признание о том, что они проходили диверсионную подготовку в специальных лагерях, действующих на юге Казахстана. По их словам, данные лагеря использовались для переброски террористов через Азербайджан и Иран в Пакистан. Обучение здесь вели арабские инструкторы. Эти сведения были активно озвучены узбекскими СМИ.

Учитывая сложные отношения между Казахстаном и Узбекистаном, авторы доклада не исключили, что обвиняемые сделали такое признание под давлением сотрудников спецслужб, ведущих следствие по их делу, для дискредитации Казахстана на международном уровне. Так или иначе, но КНБ РК отверг выдвинутые обвинения, заявив, что никаких лагерей боевиков в Казахстане нет. Но в ходе следствия по фактам взрывов в Ташкенте (июль 2004 г.)

и после раскрытия в ноябре на территории Казахстана террористической группы «Жамаат моджахедов Центральной Азии» была доказана непосредственная причастность к отмеченным взрывам граждан Казахстана¹³.

Смертники как товар

Смертников для использования на территории Центральной Азии готовят в четырех лагерях Пакистана (под Исламабадом, в Кветте, Лахоре и Вазиристане), при этом используется специальная так называемая иракская технология.

В число будущих смертников попадают в том числе выходцы из Казахстана, Узбекистана и Киргизии. Обычно за молодыми мужчинами из Центральной Азии во время обучения в исламском университете в Лахоре тщательно наблюдают, выявляя самых усердных в изучении ислама, подверженных внешнему влиянию, внушаемых, проявляющих особый интерес к отдельным элементам учения, связанным с жертвенностью и т.д.

После окончания университета отобранных кандидатов в одном из четырех лагерей принудительно подвергают психологической обработке, в результате которой происходит полное подавление воли.

Подготовку производят в основном специалисты из группы «Хаккани» (группировка «Хаккани» – независимая террористическая организация в Афганистане, в союзе с некоторыми крыльями движения «Талибан» ведущая партизанскую борьбу против правительства и сил НАТО). Сеть «Хаккани» и становится владельцем «живого товара». При этом группировка может использовать подготовленных смертников в своих целях, передать или продать другим организациям и группировкам, действующим на сопредельных или даже весьма удаленных территориях, в том числе для использования на территории Центральной Азии. Стоимость прошедшего подготовку в Пакистане смертника, по разным оценкам, может достигать до 100 тыс. долл.

Приобретенные или переданные смертники используются прежде всего для проведения терактов с целью оказания давления на местные власти (т.е. цели политические и идеологические по характеру). Однако, как указывают специалисты, целью смертников может быть и ликвидация неугодных политических, общественных и религиозных лидеров.

Так, в декабре 2011 г. в провинции Тахар один из «выпускников» университета в Лахоре устранил депутата афганского парламента узбекского происхождения Абдуллу Муталиба Биги, а с ним еще 21 человека.

Для экспертов очевидно, что в использовании смертников в Центральной Азии прослеживается явный афгано-пакистанский след. Не последнюю роль здесь, видимо, сыграло сотрудничество между сетью «Хаккани» и «Исламским движением Узбекистана», благодаря которому была налажена вербовка кандидатов в террористы-смертники среди этнических узбеков, таджиков и киргизов в южных районах Центральной Азии.

Более того, просочившаяся в СМИ информация о том, что властям Киргизии угрожали рядом терактов в Бишкеке с использованием смертников, которую власти объявили «газетной уткой», тем не менее подтверждается достаточно хорошо информированными источниками.

Речь идет о том, что в период президентской выборной кампании в 2011 г. сын экс-президента Киргизии, влиятельный бизнесмен М. Бакиев, угрожая через посредников серией взрывов смертников в Бишкеке, оказывал давление на нынешнего президента Алмазбека Атамбаева. Действительно, семеро смертников, среди которых были этнические киргизы и казахи, были приобретены Бакиевым в собственность через посредников в Таджикистане. Террористы были переброшены из Афганистана на территорию Киргизии, а когда требования лица, их купившего, были выполнены, они были возвращены обратно на территорию Афганистана.

Таким образом, специалисты констатируют наличие к югу от границ России сложившегося рынка смертников, который обладает весьма своеобразными «рыночными правилами» торговли; в частности, до исполнения своего прямого назначения смертники остаются собственностью того, кто заплатил за них деньги. По оперативным данным афганских спецслужб, приобретение смертников покупателями из Центральной Азии еще не приняло массового характера, это больше характерно для самого Афганистана и Пакистана. Однако, по мнению специалистов, этот рынок будет расширяться в сторону Центральной Азии ввиду нарастающей нестабильности и наличия ресурсов, а также исходя из того, что это выгодно ряду геополитических игроков в данном регионе.

Смертники как угроза для Центральной Азии

Страны Центральной Азии являются объектом внимания и действий со стороны международных и региональных террористических организаций исламистского толка. При этом ими преследуются три цели.

1. Проведение терактов для устрашения властей и побуждения их к принятию конкретных политических решений, а также для устрашения гражданского населения.

Таким образом, достигается дестабилизация ситуации в отдельных странах и регионе в целом, а также на границах с Россией (именно это обстоятельство позволяет использовать местные террористические организации крупными геополитическими игроками, реализующими в регионе Центральной Азии свои интересы).

Так, базой казахстанского исламистского экстремизма являются южные области Казахстана (Чимкентская и Джамбульская). Именно отсюда «миссионеры» движутся на север к практически прозрачной казахстанско-российской границе. Условия функционирования Таможенного союза позволяют исламистам практически беспрепятственно проникать в глубинные территории России – Урал и Сибирь¹⁶. С возможным вхождением Киргизии и Таджикистана в Таможенный союз ситуация может усугубиться многократно.

Что касается внутренних факторов, то наряду со сложной социально-экономической ситуацией огромное значение имеет проблема наркотрафика и наркопотребления, так как именно денежные средства, полученные от продажи афганского героина, идут на финансирование терактов. Кроме того, наркотизация в регионе идет рука об руку с вербовкой новых членов в ряды исламистских организаций, особенно четко это прослеживается в Ферганской долине. Также большое значение имеет проблема коррупции в правоохранительных органах. В странах Центральной Азии одним из ключевых социальных лифтов для молодежи является служба в армии, которая позволяет отслужившим устроиться на работу в госорганы (в частности, в Казахстане отмечены факты дачи взятки за то, чтобы оказаться в числе военнослужащих). При этом эксперты отмечают проникновение членов исламистских группировок в числе срочников в армию, где они ведут пропагандистскую работу.

Таким образом, армия и военные структуры в целом являются одной из мишеней для исламистских радикалов с точки зрения наличия обширной вербовочной базы. Если не будут предприняты соответствующие меры, радикальный ислам может поразить сердцевину государственного аппарата, распространившись в среде госслужащих, и последствия могут быть катастрофическими.

2. Использование международными и региональными исламистскими организациями территории государств Центральной Азии для ведения пропагандистской и подрывной работы на территории третьих государств, в том числе России.

Согласно множеству сообщений в СМИ, на территории Таджикистана и Киргизии имеются перевалочные базы боевиков и схроны оружия, которое может быть переброшено практически в любую точку региона и использовано на территории третьих государств. Имеются возможности переброски, содержания и легализации подготовленных смертников.

3. Использование территории Центрально-Азиатского региона в качестве вербовочной базы, в том числе для вербовки смертников.

Таким образом, в Центральной Азии с учетом все более растапливающейся салафитской формы исламизма и усиления влияния исламистской пропаганды, дестабилизации обстановки, особенно в отдельных районах Ферганы, требуется серьезное внимание, пока ситуация не зашла далеко, как это имеет место в Ираке, на Северном Кавказе. Необходимо также учитывать связь с событиями в Сирии. Как только ситуация в Сирии начнет стабилизироваться, то в страны Центральной Азии будет переброшен уже ненужный там, «отработавший» контингент, частично завербованный здесь¹.

К примеру, заявления группировки моджахедов «Ансар аль-Дин», подозреваемых в связях с «Аль-Каидой», пока не проводившей акций в Казахстане, но уже выпустившей ряд видеозаключений с критикой его властей, в которых боевики утверждают, что как только они одержат победу в Афганистане, «сферой их интересов» станет Центральная Азия, в частности Казахстан. Уйгурские боевики из группировки «Исламская партия Туркестана», воюющие сейчас в Сирии против Башара Асада, возвращаются в Китай, и не исключено, что оттуда они не проникнут и на территорию Центральной Азии.

В середине июня 2013 г. в афганской провинции Кундуз были задержаны пять членов ИДУ, причастных к подготовке атаки смертников. Согласно информации, циркулирующей в СМИ, как

минимум двоих из них планировалось использовать в качестве смертников. На допросе они рассказали, что прошли подготовку по осуществлению атаки на территории лагеря боевиков, находящегося в пакистанском районе Северный Вазиристан.

23 июня в сирийском городе Алеппо были задержаны граждане Туркменистана, в числе которых находился командир подрывников одного из отрядов «Аль-Каиды», прошедший подготовку «под Ашхабадом в отряде Шейха Мурада, затем он был переброшен в Стамбул», а оттуда в Сирию.

Таким образом, угроза проникновения боевых элементов, в том числе смертников нелегальных исламистских группировок в Центральную Азию, стала весьма осязаемой. Это в равной мере относится и к России.

Совершенно очевидно, что «без системы государственных мер, направленных на пресечение этой экспансии, силами и средствами только одних спецслужб вряд ли возможно решение задачи по противодействию террористическим формам утверждения идей исламского фундаментализма, в том числе с применением террористов смертников»⁴. Необходимы меры, направленные на улучшение социально-экономического положения населения, демократизацию местных режимов и т.д. Ведь в местных культурах не заложены те элементы, которые могут быть использованы радикальными исламистами в своих целях. Их поддержка базируется исключительно на социальной неустроенности населения и недовольстве властью. И конечно, необходимы серьезные усилия по налаживанию более тесного взаимодействия между странами региона, направленного на борьбу с исламистским терроризмом. Как отмечает В.П. Журавель, «необходимо совершенствовать механизмы реализации возрастающей роли государственно-частного партнерства предупреждения терроризма, в вопросах пресечения распространения его идеологии и пропаганды препятствовать радикализации на этой основе настроений в различных слоях общества, не допускать массового рекрутирования в террористические организации»¹⁷.

Очевидно, что борьба с терроризмом и со смертниками, как одним из инструментов – это не столько выявление потенциальных «живых бомб», сколько выявление инфраструктуры, которая их вербует, готовит, поддерживает, доставляет на место совершения теракта, контролирует. Вместе с тем специалисты отмечают, что противодействие терроризму более успешно в тех случаях,

когда удастся найти и использовать имеющиеся внутренние противоречия среди них¹⁸.

В этой связи необходимо проводить:

- постоянные профилактические мероприятия, выявлять ячейки сетей, проводить их нейтрализацию, пресечение распространения нелегальной ваххабитской литературы;
- режимные мероприятия в регионах, где создается повышенный уровень социальной и конфессиональной напряженности;
- соответствующую подготовку сотрудников специальных служб и органов правопорядка, включая развитие агентурной сети;
- мониторинг и анализ информации;
- работу гражданских властей по образованию и воспитанию населения и разъяснению опасности религиозного экстремизма;
- выявление потенциального контингента такого рода, который может представлять угрозу государственной и общественной безопасности;
- подготовку специалистов по проведению КТО;
- объективную оценку эффективности контртеррористической деятельности на основе проведенных мероприятий.

В качестве вывода необходимо подчеркнуть, что фактор использования смертников с целью давления на власти центрально-азиатских государств становится все более значимым с каждым годом. Его роль будет увеличиваться по мере втягивания государств Центральной Азии в новый формат отношений с глобальными геополитическими игроками в период вывода сил ISAF и НАТО из Афганистана, так как региональные и транснациональные радикальные исламистские организации склонны рассматривать местные власти как сателлитов Запада.

Аналогичным образом ситуация может развиваться и на тех территориях Российской Федерации, которые вплотную примыкают к Казахстану, там, где традиционно силен ислам, – Северный Кавказ, Поволжье, регионы Западной Сибири и т.д., а также в российских мегаполисах, где сконцентрирована инфраструктура власти и проживает наибольшее количество трудовых мигрантов – выходцев из Центральной Азии и Кавказа, недовольных своим экономическим положением и социально-правовым статусом.

Примечания

- ¹ Александров А. Сирия – последний рубеж? // URL: <http://csrc.su/articles/22>
- ² Соснин В., Нестик Т. Феномен терроризма с использованием смертников: социально-психологическая интерпретация // URL: <http://psyfactor.org/lib/terror20.htm>
- ³ Журавель В.П. Террористы-смертники: Проблемы противодействия // Право и безопасность. 2010. № 3 (36).
- ⁴ Оторбаев У. Террористы-смертники – кто они? // URL: <http://www.easttime.ru/analitic/1/3/992.html>
- ⁵ Терроризм – это болезнь // НВО. 2004. 14 мая.
- ⁶ Террористки-смертницы – кто они? // URL: <http://echo.msk.ru/programs/beseda/22786>
- ⁷ Малышев В. Вумен-терроризм: Женщины-смертницы как политическое явление (анализ) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1132990020>
- ⁸ Зубков К. Не плачь, мама – я стал шахидом // URL: <http://gzt.ru/world/2006/03/08/11827.html>
- ⁹ Цит. по: Сухаренко А. Живые бомбы // URL: http://sartracce.ru/print.php?print_ffile=Pub/suharenko%2807-04-10%29.html
- ¹⁰ Трагедия без срока давности // Парламентская газета. 2012. 26 октября – 1 ноября.
- ¹¹ Подкопаева М. Новые угрозы в Центральной Азии // Суть времени. – 2012. – № 3. – 7 ноября.
- ¹² Уваров А. Терроризм в Казахстане: Насколько реальна угроза // URL: <http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=24221>
- ¹³ Saidazimova G. Uzbekistan: Effect of Tashkent Explosions Still Felt Two Years Later // Radio Free Europe / Radio Liberty. 2006. 27 March // URL: <http://www.rferl.org/content/article/1067140.html>
- ¹⁴ Kimmage D. Analysis: Kazakh Breakthrough on Uzbek Terror Case // Radio Free Europe/ Radio Liberty. 2004. 15 Nov. // URL: <http://www.rferl.org/content/article/1055882.html>
- ¹⁵ Специфика проявлений терроризма и экстремизма в Центральной Азии: итоги 2004 года // URL: <http://studies.agentura.ru/centres/cap/report2004>
- ¹⁶ Уваров А. Терроризм в Казахстане: Насколько реальна угроза // URL: <http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=24221>
- ¹⁷ Журавель В.П. Современные проблемы противодействия международному терроризму // Обозреватель-Observer. – 2010. – № 5. – С. 12.
- ¹⁸ Журавель В.П. Олимпийские игры – объект для террористов // Обозреватель-Observer. – 2011. – № 4. – С. 64.

«Обозреватель-Observer», М., 2014 г., № 1, с. 39–51.

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Э. Касаев,

юрист-международник, специалист
по инвестициям в энергетику стран
Ближнего Востока и Северной Африки

АРАБСКИЕ НЕФТЬ И ГАЗ: ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

Сегодня энергетическая политика арабских стран является одной из популярнейших тем в международных экспертных кругах. Россия не является исключением, напротив, наше государство пристально наблюдает за ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Ведь этот регион крайне важен для Москвы не только из внешнеполитических, но и внешнеэкономических соображений. Тем не менее, даже постоянная «слежка» за арабскими перипетиями часто не дает ожидаемого положительного результата. Причина в следующем — различные государства Арабского Востока имеют свою специфику.

Багдадские хитрости

Рассмотрим, например, Ирак. В этой стране закон не имеет той силы, которой обладают личные договоренности. Примером служит то, что в стране много лет обсуждается законопроект, который направлен на регулирование углеводородной отрасли, но до сих пор не может быть принят и обрести форму закона.

Осенью минувшего года в Россию приезжал премьер-министр Ирака Нури аль-Малики, который является шиитом, но в ходе визита представлял интересы государства, так как прибыл по приглашению президента России Владимира Путина в качестве официального лица.

В переговорах с крупными российскими чиновниками и предпринимателями иракец заявил о прозрачности всех нефтяных

операций, проводимых Багдадом. Однако в настоящее время в стране происходит «нефтяной передел». Запасы черного золота, залегающие на иракской территории, распределены крайне неоднородно. Несмотря на положение Конституции о том, что нефть и газ являются собственностью иракского народа, де-факто дела обстоят вовсе не так прозрачно, как записано в Основном законе.

Провинции, на которые поделен Ирак, считают так: если месторождение расположено на их территории, то львиную долю от продажи углеводородов должны получать население или какой-то специальный фонд, который потом будет распределять полученные от сбыта финансовые средства между гражданами. Курды заявляют, что они хотят отделиться, и основное крупное месторождение Киркук, расположенное на севере страны, принадлежит им. Соответственно и доходы от нефтеэкспорта тоже курдские. Сунниты вообще бьют в колокола, так как на их территории меньше всего минеральных ресурсов. Фактически, они остаются не у дел. У шиитов на юге достаточно углеводородов, но они тоже хотят получить прибыль не только со своей, но и с курдской территории.

По моим прогнозам, еще на протяжении нескольких лет в Ираке не удастся достичь ни мира, ни принятия углеводородного закона.

Есть мнение, что российские компании боятся заходить на рынки арабских государств, так как опасаются, что могут последовать экономические санкции конкурентов на других территориях. Подобное заявление не отвечает действительности.

Отечественный бизнес ведет переговоры, пытается вернуть потерянные рынки (Ливия) и закрепиться на новых (Катар). Ирак — это отдельный пример. Я был одним из немногих специалистов, который до конца надеялся на то, что «Лукойл Оверсиз» удастся вернуть проект «Западная Курна-2», который компания потеряла в 2002 г. В средствах массовой информации высказывались исключительно пессимистичные прогнозы. В частности, заявления о том, что возвращение россиян невозможно. Однако позже «Лукойл Оверсиз» все же получил проект «Западная Курна-2», чем оправдал авторский прогноз.

Говоря об иракской нефтяной политике, стоит делать основной акцент не на позиции США, а на взаимоотношениях между Багдадом и Эрбилем. Так, Иракский Курдистан имеет собственное Министерство нефти и региональный закон, который позволяет инвесторам с меньшими рисками работать на курдской террито-

рии. Региональное правительство Курдистана уже несколько лет заключает договоры с иностранными компаниями, минуя федеральные власти, что не устраивает центр. Министерство нефти Ирака заявило, что компании, все без исключения, которые работают с Курдистаном в нарушение иракской Конституции, будут подвержены различным санкциям со стороны Багдада. Крупная американская компания ExxonMobil после заключения договора с курдской стороной была отстранена от участия в четвертом раунде общенациональных торгов.

Примечательно, что американские концерны не так широко сейчас представлены в Ираке, как азиатские. И я это объясняю тем, что в Азии быстро растущий рынок. Учитывая огромный человеческий ресурс и развивающиеся экономики этих государств, им надо браться за любой проект. Тем не менее не исключено, что впоследствии американцы придут на все готовое, после того как геологоразведку проведут компании из других стран. Сейчас Ирак действует во многом самостоятельно. Багдад проводит аукционы, заключает контракты, в казну идут средства, и Белый дом вроде бы не вмешивается. Может быть, США дают возможность тем, кого ущемлял Саддам Хусейн, почувствовать себя независимыми, но когда потребуется, Вашингтон способен оперативно закрутить гайки, напомним иракцам о своем авторитете.

Американцы активно помогают Багдаду минимизировать военно-политические риски. Ведь определенные американские силы на территории Ирака остались. Они пытаются хоть как-то сдерживать внутреннюю борьбу между кланами, а также этническими и конфессиональными группами. Сегодня уже никому не на руку подрывы крупных предприятий или инфраструктуры для экспорта энергоносителей. США сейчас нацелены на стабилизацию Ирака, и если их убрать оттуда, тократно усилятся кровопролитие и теракты.

Примечательно, что без технологий иностранных компаний ни одна арабская страна не сможет самостоятельно осуществлять все фазы, которые предусмотрены в нефтяной промышленности. Поскольку должны быть и уникальный опыт, и наработки, и специалисты, и учебные заведения. Порядка 200 иракцев постоянно обучаются в профильном университете России, который готовит как раз инженеров-технологов, которые впоследствии будут вести полезную деятельность в углеводородной отрасли собственной страны.

Стоит напомнить, что иракская нефтяная промышленность разрабатывалась в основном силами советских специалистов. Сейчас Багдад всерьез нацелен поднимать газовый сектор, и вполне возможно, что российские компании также будут участвовать в этом. Западные фирмы, отечественные нефтяники и газовики необходимы арабам для того, чтобы модернизировать собственную экономику и зарабатывать деньги. Здесь возникает поле для коррупции, ведь у каждого свои интересы. У иностранной компании – выиграть тендер и, может быть, сделать это теневым путем, а не участвовать в мероприятии, где идет открытое голосование: кто предложит меньше за добытую нефть, тому и отдадут участок. Заманчивее встретиться кулуарно, договориться, подписать бумаги и в закрытом режиме начать вести деятельность. Это, во-первых.

Во-вторых, чего хотят местные власти. Прежде всего, меньше выплатить подрядчику за добытое сырье и больше оставить себе, потому что это основной доход страны и очень хорошее поле, чтобы «собрать урожай в свою корзину».

В западных источниках можно встретить постоянные сообщения, с периодичностью в квартал, что тот или иной чиновник в Ираке был замешан в коррупционном скандале. То ему предложили взятку, то он обещал иностранным компаниям «на особых условиях», без тендера, попасть на местный рынок, и ему за это посулили виллу за рубежом. Примеры можно множить.

Следует очень аккуратно подходить к каждому конкретному случаю, так как трио – Ирак, нефть и газ – уже стало категориями, которые часто используются для информационного давления и политической игры. Очень часто заявления носят провокационный характер, сделаны по заказу какой-либо из организаций или даже официальных структур. Тем не менее с годами ситуация все-таки немного стабилизируется. За последние несколько лет прошли четыре раунда торгов по лицензированию иракских недр. Первый из них откровенно провалился, поскольку компании хоть и прошли предквалификацию, но фактически не приняли участия в аукционе – Багдад обозначал очень низкую плату за добытую нефть. Плюсы работы в этом арабском государстве в том, что нефть очень высокого качества и залегаает не так глубоко.

Вести деятельность в Ираке – это доказывать мировому сообществу, что ты серьезный игрок и можешь реализовать крупные проекты, находящиеся за рубежом. Это своего рода лакмусовая бумажка, которая показывает уровень подрядчика. В то же время низкая плата за каждый добытый баррель нефти оттолкнула зару-

бежные концерны. Специалисты этих компаний подсчитали, что, даже учитывая все названные плюсы, военно-политические, экономические, правовые риски все же высоки. Проанализировав допущенные просчеты, иракские власти провели еще несколько раундов торгов, и по их результатам российские компании добились права осваивать ряд участков.

Причем, если во время второго и третьего тендеров «Лукойл Оверсиз» и «Газпром нефти» достались два крупных месторождения с уже доказанными запасами, то по итогам четвертого раунда, который состоялся минувшей весной, «Лукойл Оверсиз» получила еще один блок, который хоть и не имеет доказанных запасов, но имеет потенциальные залежи для разведки. Если будут найдены ресурсы и состоится коммерческое открытие месторождения, компания фактически может рассчитывать на большую площадь для того, чтобы начать производство.

«Башнефть», которая непосредственно в самом тендере не смогла добиться победы в составе консорциума, впоследствии на условии двусторонних переговоров с Министерством нефти Ирака заключила договор на геологоразведку и последующую добычу нефти на одном из блоков.

Многие эксперты говорят об американском засилье в Ираке, подчеркивая тем самым, что россиянам нечего делать на этом рынке. Однако, как показывает практика, российские компании вполне успешно пробивают себе дорогу.

Сегодня Россия ведет очень серьезные проекты в Ираке, и их дальнейшая судьба во многом зависит от умения Москвы продолжать политический диалог с Багдадом. Конечно, никто не застрахован от форс-мажора, но российский бизнес имеет хороший задел и в перспективе способен получить дополнительные возможности проявить себя. Все проекты были получены российской стороной по итогам официальных тендеров, а не теневым способом. На прошлогоднем аукционе было разыграно 12 участков. В итоге победителей обрели лишь три блока, причем один из них, как было отмечено выше, достался «Лукойл Оверсиз». Присовокупив к этому участок, полученный чуть позже «Башнефтью», можно сказать, что половина в руках России.

Ливийские уроки

Российские нефтяники разрабатывали углеводородную сферу этого североафриканского государства. Власть сменилась, и

сегодня отечественным компаниям фактически доступ туда закрыт. Отрасль занята другими государствами. И тут ярко проявляются «двойные стандарты» большой политики, поскольку известно, что сторонниками свержения Муаммара Каддафи выступили западные страны, хотя ранее они активно сотрудничали с ним, но конъюнктурные и материалистические интересы взяли верх.

Концерны из Италии, Франции, Германии вновь ведут работу на ливийском рынке, Россия же осталась не у дел, и в Триполи открыто называют причину: во время «арабской весны» Москва четко не обозначила своей позиции, одновременно ведя переговоры с прежней и нынешней властями.

В обозримой перспективе российский нефтяной бизнес не восстановит свои прежние позиции на этом рынке, но в среднесрочной – возможно. Ведь ливийскую инфраструктуру нужно модернизировать, и отечественные компании, имея богатый опыт и необходимые навыки, все-таки способны это сделать. Чтобы показать, что Ливия не настолько коррумпирована, как при прежнем режиме, власти проводят проверку крупных компаний на коррупционную составляющую контрактов, которые были заключены несколько лет назад.

Насколько эта проверка действительно серьезная – сложно сказать. В одной из французских известных газет было опубликовано секретное послание повстанцев эмиру Катара. В этом письме было сказано, что западные компании получают за поддержку оппозиционных сил более 30% ливийской нефти. Само собой, европейские официальные лица это отрицают, но здесь может быть доля правды, потому что еще до свержения режима французы и итальянцы занимали главенствующее положение на ливийском рынке, а компании из этих стран, можно сказать, «цементировали» всю промышленность Джамахирии.

Правде в глаза

Вышеперечисленное может отпугнуть потенциального инвестора и переориентировать его на другой, неарабский рынок. Однако не стоит паниковать и делать поспешные выводы. Прежде всего необходимо взвесить все риски, вынеся за скобки политические интриги и информационные провокации, без которых трудно себе представить нефтегазовые дела арабских стран. Если выяснится, что риски не настолько высоки, а прибыль может быть

действительно существенная, то стоит пробовать. Взять рубеж Ливии, Ирака или попасть на рынок Катара – это важно для отдельной компании и авторитета страны в целом.

Нужно выходить на международные рынки и не бояться коррупции, потому что она была всегда и остается в будущем. Учитывая реалии арабской политической и социально-экономической жизни, можно сказать, что она там не является минусом, а, скорее, плюсом. Клановость местного общества уже позволяет говорить о том, что люди готовы к различным проявлениям коррупции. Надо четко понимать, что если в Конституции прописано, что нефть и газ – это собственность народа, то на практике это не работает, и сами арабы это знают.

Дележка финансовых средств идет «наверху». Судя по заявлениям и жалобам парламентариев Ирака или Ливии, обвиняются министры, топ-менеджмент компаний. На низшем уровне все иначе: сотрудник получает хорошую зарплату независимо от коррупционных дел вышестоящих лиц. Он понимает, что все равно не станет главой, так как эту нишу уже заняли определенные люди и так просто не отдадут.

В феврале состоялось официальное открытие офиса представительства компании «Газпром» в Катаре. Российский концерн планирует начать сотрудничество с эмиратом, лидирующим по экспорту сжиженного природного газа и занимающим третье место в мире по доказанным запасам «голубого топлива» после России и Ирана.

В сферу деятельности представительства также входит поиск новых направлений и форм работы «Газпрома» на энергетических рынках стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и Йемена. Кроме того, представительство осуществляет информационно-аналитическое сопровождение проектов и принимает участие в координации деятельности дочерних компаний «Газпрома» в регионе, включая укрепление взаимодействия в рамках деятельности Форума стран – экспортеров газа (ФСЭГ).

Попытки выйти на катарский рынок предпринимаются и другими отечественными игроками, но тщетно. Почему? Сегодня российско-катарские политические отношения весьма напряженные, а экономика не может развиваться в отрыве от политики. Особенно если это нефть и газ. Ежегодный товарооборот Катара с Россией не насчитывает и двух десятков миллионов долларов. Для сравнения, показатель эмирата с США насчитывает несколько

миллиардов, а с азиатскими странами даже превышает 10-миллиардный рубеж. Уровень дипломатических отношений понижен, инвестиционное сотрудничество на нуле, товарооборот слишком низкий. Можно сказать, что отношения заморожены. Помимо этого, являясь членом ССАГПЗ, Катар настраивает других членов этой организации антагонистически по отношению к Москве. Сирийский вопрос мешает российскому бизнесу найти общий язык с монархиями Персидского залива. Это же относится и к ценовой политике в отношении экспортной нефти.

Политика диктует

Усугубляет ситуацию крайне низкая осведомленность некоторых арабских стран о нефтегазовом потенциале России. Например, в Катаре мало знают о нашем государстве, поскольку в местных СМИ публикуется очень немного достоверной информации. Россия в сознании катарцев – страна-загадка и страна опасности, где постоянно происходят теракты и убийства.

В Ираке, конечно, знают многое о России. Однако сегодня ситуация на Ближнем и Среднем Востоке осложнилась из-за вереницы различных событий, охвативших регион. Поэтому достоверных сведений до арабов доходит очень мало. Кстати, как и о них нам. Многие думают, что арабские страны и все их представители рассматривают россиян в качестве врагов, потому что Москва не поддерживает тех или иных лидеров. Однако здесь стоит разграничивать государство и народ. Очень часто граждане государств дружески настроены друг к другу, а на политической арене эти страны выступают соперниками и конкурентами.

Если же говорить о нефтегазовых связях, то, например, российские компании не совсем отвечают требованиям Катара, поскольку не имеют большого опыта работы в Персидском заливе, и технологии отечественных фирм не подходят под проекты на территории эмирата. Проекты «Газпром нефти» и «Башнефти» в Ираке стали первыми пробами этих компаний за рубежом. Поэтому идти, предположим, в Катар, не имея зарубежного опыта, проблематично и, скорее всего, бесперспективно. В Ираке же россияне работают очень качественно, поскольку знают местный рынок и геологические особенности месторождений. Фактически российские специалисты нужны иракцам, чтобы сохранить конфиденциальность полученной в результате длительной геологоразведки информации. Если же Москва поделится своими наработками с

недобросовестным заказчиком, то это будет серьезной проблемой для Ирака.

В Ливии и Алжире то же самое: российские нефтяники работали там и доказывали не раз, что могут это делать на высоком уровне и за невысокую плату.

Часто можно услышать такого рода вопрос: почему арабы активно пускают к своим недрам западников, которые берут больше, а россияне остаются не у дел? Ответ прост – в первую очередь дело в политическом диалоге, во вторую – в технологических особенностях конкретной компании, в третью – уже в том, как она смогла себя проявить. Например, в Катаре так: если зарубежная компания дает технологию, которая поможет эмирату развивать свою экономику, то она вправе работать там и заслуженно получать свои деньги. Если иностранный игрок хочет что-то «отмыть», получить откаты себе в карман, для него двери закрыты.

* * *

Выскажу несколько важных соображений, которые было бы полезно воспринять российским игрокам, стремящимся покорить арабский рынок. Уходить от излишней закрытости и больше сводить все к прозрачным вещам. Публиковать на сайтах компаний соответствующую свежую информацию. Небольшое движение к прозрачности идет, но невысокими темпами.

Представлять интересы не только конкретной бизнес-структуры, но и своего государства. Это отнюдь нелегко. Если замешаны большие деньги, сложно представлять, что ты не только сотрудник компании, но и гражданин страны, и если тебя уличат в нарушениях, ты невольно ее опозоришь.

Например, у катарцев четко прослеживается такое понимание, они себя ассоциируют с эмиратом. Местные предприниматели гордятся тем, что они граждане этого государства. Поэтому катарские бизнесмены не стремятся решать вопрос так, чтобы выгода была исключительно личная. Они учитывают, что тот или иной проект способен дать стране из того, чего у нее еще нет. Таким образом, поднимается авторитет государства в глазах мировой общественности. Возможно, это своеобразный комплекс Наполеона, поскольку небольшой по территории и населению эмират хочет активно заявить о себе во всех областях, включая предпринимательскую сферу.

В России другая проблема: крупная страна, которая уже многое доказала, а крупные предприниматели вплотную занимают стратегией собственных компаний, не ставя во главу угла при этом государственные интересы. Несмотря на то что в нефтегазовом секторе арабских стран существуют многочисленные риски, в одних странах меньше, в других больше, которые препятствуют деятельности российских компаний, нужно все равно завоевывать там свои позиции.

«Вестник аналитики», М., 2014 г., № 1, с. 71–79.

Д. Нечитайло,

кандидат политических наук (ИБ РАН)

ИНОСТРАННЫЕ МОДЖАХЕДЫ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ

Иностранные боевики в Сирии представлены ливанцами, иракцами, иорданцами, палестинцами, кувейтцами, тунисцами, ливийцами, алжирцами, египтянами, саудовцами, йеменцами, суданцами, афганцами, бангладешцами, пакистанцами, а также гражданами ряда европейских государств. По сообщениям СМИ, большинство из них прибыли в Сирию через Ливан и Турцию.

Вопросы участия иностранных моджахедов в так называемых «горячих точках» всегда занимали важное место в полемике джихадистских идеологов. Между ними, пожалуй, начиная с войны в Афганистане против советских войск, всегда существовали разногласия: какую из местных оппозиционных группировок поддерживать. Так, когда в 2003 г. были введены американские войска в Ирак, в Чеченской Республике продолжались боевые действия. При этом арабские боевики принимали активное участие на стороне радикальных исламистов. После непродолжительной полемики среди салафитских идеологов Ираку было отдано приоритетное значение в качестве мирового очага борьбы против неверных. Во многом именно благодаря этому из республик Северного Кавказа начался отток иностранцев на Ближний Восток.

В 1979 г. Абдалла Аззам (духовный лидер многих «арабских афганцев», в том числе и Усамы бен Ладена) настоятельно призвал большинство мусульман поддержать афганских моджахедов, а не палестинские группировки, вследствие того, что «исламский флаг, развевающийся над Афганистаном, более “понятен” и важен, не-

жели над “пропитанными националистической идеологией палестинскими группировками”».

Не стала исключением и Сирия. При этом «Аль-Каида» и ведущие идеологи современного движения джихада активно подстрекают моджахедов вступить в борьбу в САР.

Наиболее значимым заявлением от радикальных исламистов в поддержку джихада в Сирии стало обращение лидера «Аль-Каиды» Аймана аз-Завахири в начале 2012 г. В нем он потребовал, чтобы «каждый мусульманин и каждый свободный и честный человек в Турции, Ираке, Иордании и Ливане встал на защиту своих братьев в Сирии и оказал им помощь, которая ему по силам».

На события в Сирии также откликнулись авторитетные идеологи всемирного радикального исламизма: иорданский профессор Акрам Хиджази, кувейтский шейх Хамид аль-Али, авторитетный сирийский теолог салафитской направленности проживающий в Европе Абу Басир ат-Тартуси, палестинский Абу Катада, мавританский шейх Абу аш-Шинкити и известный иорданский салафит Мухаммад Абу ат-Тахави.

Причем аш-Шинкити и ат-Тахави всячески призвали поддерживать в первую очередь моджахедов из «Джабха ан-Нусра» в силу того, что они ведут борьбу исключительно под знаменем шариата. Ат-Тахави решительно осудил салафитских мыслителей, особенно проживающего в Лондоне ат-Тартуси, который критикует тех добровольцев, которые приезжают в Сирию, чтобы воевать на стороне «Аль-Каиды», а также выступает категорически против вооруженного мятежа в республике.

Другим важным аспектом обсуждений среди исламистских идеологов стала проблема легитимности с точки зрения шариата взаимодействия моджахедов с подразделениями «несалафитской» Свободной сирийской армии (ССА).

Радикальные исламистские богословы единогласно не поддерживают методы ССА в силу ее ориентированности на взаимодействие с международным сообществом, а также националистическую идеологию. Вместе с тем они не призывают к противостоянию с ССА, исходя из горьких уроков, полученных сторонниками «чистого ислама» в Ираке, где «Аль-Каида» своими жесткими мерами в отношении националистических суннитских группировок настроила местных жителей против себя. Именно иракские суннитские вооруженные формирования из «Советов спасения» (сахва) нанесли салафитам гораздо больший урон, чем международные силы и местная полиция. По мнению известного

салафитского идеолога из Кувейта Хамеда аль-Али, «джихад подтверждает, что все разногласия и расхождения в концепциях, стратегии и приоритетах... все то, что может ослабить джихад, должно быть отложено до момента свержения режима».

Большинством сторонников «чистого ислама» «Джабха ан-Нусра» рассматривается как салафитская структура. Многие видные идеологи современного радикального салафизма поддерживали создание этой организации. Ат-Тахави, находящийся в г. Ирбид, призывает иорданцев присоединиться к джихаду в Сирии. Другой, менее известный в международных исламистских кругах, ливанский идеолог Абу аз-Захра аз-Зубейди (Осама аш-Шихаби) также призывает моджахедов присоединиться именно к «Джабха ан-Нусра», решительно критикуя тех, кто пытается создать другие группировки салафитской направленности. По его мнению, такие попытки только лишь создают неясность среди добровольцев относительно того, в состав каких бригад следует вступать, а также тех сторонников, кто намеревается оказывать сторонникам «чистого ислама» всяческую поддержку. Известный мавританский салафитский теолог Абу аль-Мундир аш-Шанкити, выступающий со своими заявлениями и работами на авторитетном сайте «Манбар ат-Тавхид ва-ль-Джихад», также поддержал «Джабха ан-Нусра».

Однако не все известные салафитские теологи выступают в поддержку «Джабха ан-Нусра». В частности, проживающий в Лондоне Абу Басир ат-Тартуси, который бежал из Сирии во время восстания исламистов 1979–1982 гг. против режима Хафеза Асада в г. Хаме, очень благосклонно воспринял вооруженные выступления против нынешнего режима в САР и даже сформировал группировку «Аль-Муарада аль-Исламийя ли-ль-Низам ас-Сури» (Исламская оппозиция режиму в Сирии). В мае 2012 г. его организация разместила видеоклип, где Абу Басир был запечатлен со своими вооруженными сторонниками в приграничных районах Ливана. Этот идеолог скептически смотрит на «Джабха ан-Нусра», высказывая сомнения в связи с тем, что ее руководитель не выступает с обращениями и прячет свою внешность.

Лидер «Джабха ан-Нусра» известный под псевдонимом «аль-Фатих Абу Мухаммад аль-Джулани» появляется только посредством искаженных голосовых записей. Он полагает, что в ССА принимают участие «героические моджахеды» – «современные хариджиты». Это положение привело к столкновению с аш-Шинкити, который заявляет, что недопустимо «объявлять о поддержке тех, кто принимает демократическую программу, и в

то же самое время критиковать следующих шариату». В отличие от ат-Тартуси он полагает, что моджахеды должны поддерживать ССА в боях. Однако он выражает серьезное разочарование в связи с тем, что такая боеспособная и влиятельная организация, как ССА, «не борется под знаменем шариата, а выступает за демократические западные ценности». Мусульмане должны вместо этого «руководствоваться в своем выборе в пользу присоединения к моджахедам из “Джабха ан-Нусра”, существование которой избавило от необходимости создавать другие салафитские структуры в Сирии». Вместе с тем он призывает не вступать в вооруженное противостояние со светской ССА, выражая надежду на то, что отдаленность ССА от «истинного ислама» – это лишь тактическая уловка. Он наставляет моджахедов взаимодействовать с ССА, чтобы получать иностранную помощь, оказываемую светским оппозиционным силам.

В настоящее время осталось мало авторитетных салафитских идеологов. Одни уничтожены, другие находятся в тюрьмах. Поэтому взгляд на события в Сирии со стороны ат-Тартуси и аш-Шинкити представляет наибольший интерес. Вероятно, отрицательное отношение к экстремистской концепции борьбы с нынешним сирийским режимом, предлагаемым «Джабха ан-Нусра», объясняется традиционным негативным отношением ат-Тартуси к операциям смертников, в результате которых гибнет значительное число мирных жителей. К примеру, касаясь ситуации в Йемене, ат-Тартуси выступил с серьезной критикой методов радикальных исламистов из «Ансар аш-Шариа». Более того, находясь длительный период времени в Европе, ат-Тартуси хотя и знаком с сирийскими реалиями, вместе с тем в своих работах большое внимание он отводит «очаговой исламизации» стран Запада, сторонясь действий экстремистов. В этом плане его можно даже назвать умеренным. Во-вторых, будучи в отличие от аш-Шинкити сирийцем, он считает недопустимым столкновение между различными фракциями оппозиционеров по причине некоторых идеологических расхождений, что в перспективе нанесет вред его стране. В силу этого он стремится сделать ставку, в первую очередь на сирийских повстанцев, которые лучше знакомы с реалиями своей страны и ориентированы, прежде всего, на свержение правящего режима и не заинтересованы в погружении САР в постасадовский период в бессмысленное кровопролитие. Он намерен реализовать на родине исламистский проект умеренного характера по примеру Туниса или Египта. При этом набирающие силу радикальные исла-

мисты могут стать серьезным препятствием на пути реализации этого сценария.

Сегодня в Сирии международные террористы влияют на обстановку в стране уже не меньше, чем оппозиционеры. ССА не хватает дисциплины, а между ее лидерами постоянно возникают разногласия при распределении финансов. По оценкам боевиков, салафитские вооруженные формирования на несколько порядков лучше оснащены и подготовлены. Салафиты финансируются гораздо лучше ССА благодаря связям среди радикальных исламистов во всем мире. Они же наладили переправку боевиков из Йемена, Саудовской Аравии, Ирака и Иордании. У салафитов четко расставлены приоритеты: прежде всего – строительство исламского государства.

Бывшие участники войны против режима Каддафи в Ливии, которых поддерживает Катар, составляют один из наиболее многочисленных контингентов. Эти иностранные боевики обычно не смешиваются с сирийскими оппозиционерами ССА.

Иностранные боевики убеждены, что расхождения с ССА носят идеологический характер. Сторонники «чистого ислама» считают членов ССА безбожниками, выступающими против проекта создания халифата. При этом салафиты осознают, что с ССА договориться невозможно. Вследствие этого боевики из группировок, связанных с «Аль-Каидой», сохраняют терпение. По их убеждению, с наступлением хаоса и власть и ССА будет ослабевать, и тогда люди встанут на сторону джихадистов.

Своими атаками джихадисты демонстрируют международному сообществу, что они – самые заклятые враги режима Асада. Подрывая начиненные взрывчаткой автомобили и совершая другие резонансные теракты, они увеличивают приток новобранцев из-за рубежа и гарантируют поступление новых финансовых средств.

Нередко салафиты стремятся не афишировать свое участие в диверсионных операциях, прикрываясь ССА. Причем это устраивает светские силы, которые также не хотят дискредитировать себя в глазах международного сообщества.

Иордания является важной промежуточной страной для иностранцев, переправляющихся в Сирию, не только в силу ее близости, но и в силу присутствия здесь ведущих сторонников международного джихада, таких как Абу Мухаммад ат-Тахави, призывающих к поддержке добровольцев, стремящихся попасть в Сирию. При этом власти Королевства пресекают попытки неле-

гально пересечь границу соседнего государства. По меньшей мере, десять иорданских джихадистов были арестованы спецслужбами страны за попытку попасть в САР.

Ливийские ветераны боевых действий с войсками М. Каддафи также принимают участие в боевых действиях в Сирии. В частности, повстанцы из бывшей Джамахирии отмечают, что их соратники по оружию гибнут в боях с армейскими подразделениями Асада.

Тем не менее количество ливийцев, действующих в Сирии, незначительно. Более того, они в основном воюют на стороне ССА, а не в отрядах джихадистов. Сообщается, что ливийцы проникают в САР через территорию Турции. Несмотря на присутствие некоторых ливийцев в близком окружении лидера «Аль-Каиды» Аймана аз-Завахири, количество моджахедов ливийского происхождения в Сирии пока минимально. Вероятно, они в своем большинстве заняты переделом власти в самой Ливии.

Сети по переправке боевиков проходят через Ирак, Турцию, Иорданию и Ливан. Многие иностранцы переправляются вначале в Каир, а затем уже наземным транспортом добираются до Сирии. Другие из Египта добираются до Иордании, а уже после этого на автомобилях до Сирии.

Одним из центров финансирования сирийского джихада является ливанский город Триполи. Сеть функционирует благодаря благотворительным ассоциациям стран Персидского залива, в частности Charity Eid. Приграничные с Сирией районы Ливана превратились в «прибежище террористов».

В районе Арсал, расположенном между городами Баальбек и Хермель, местное население численностью 40 тыс. человек в большинстве занято в сфере контрабанды оружия, различных товаров, наркотиков. По сути, это часть теневой экономики, как и в других районах долины Бекаа. Арсал пользуется репутацией ключевого пункта в сети контрабанды оружия, наркотиков и джихадистов, который включает деревню Мадждал Анжар, район Аккар Северного Ливана и окрестности Триполи. Деревня Мадждал Анжар, расположенная рядом с сирийско-ливанской границей, уже печально известна тем, что была перевалочным пунктом добровольцев, стремящихся участвовать в боевых действиях на территории Ирака против американских войск. Оружие, ввозимое контрабандой в этот населенный пункт, используется радикальными исламистами в «пограничных» областях Ливана, таких как Баб эт-Табане и Джабаль Мухсен. Мадждал Анжар является основным

«поставщиком» боевиков для суннитских отрядов сирийской оппозиции. По сути, область Баальбек-Хермель служит цитаделью поддержки сирийского режима.

Среди арабских государств Саудовская Аравия заняла наиболее непримиримую позицию по отношению к режиму Б. Асада, в первую очередь в силу ее нацеленности на ослабление геополитических позиций Ирана.

Слияние Саудовской Аравии и джихадистских интересов в Сирии может способствовать побуждению Королевством моджахедов на усиление их действий в Сирии для реализации своих планов. Тем самым Саудовская Аравия может не только использовать радикальных исламистов в своих планах, но и в будущем несколько ослабить позиции экстремистов у себя внутри страны.

Боевые действия в Сирии сузили риторический разрыв между джихадистами и арабскими режимами, которые хотят видеть режим Б. Асада свергнутым, и в первую очередь на это рассчитывают в Саудовской Аравии. Джихадисты отвергают легитимность правительств арабских стран и западных государств, однако они, тем не менее, часто повторяют заявления лидеров «вероотступнических режимов», если они следуют в унисон салафитским воззрениям. 25 февраля с.г. министр иностранных дел Саудовской Аравии принц Сауд аль-Фейсал назвал правящий в Дамаске режим «оккупационной силой». Тезисы, приводимые принцем, широко освещались в арабских средствах массовой информации. Две недели спустя муфтий Саудовской Аравии Абд аль-Азиз Аль Шейх сказал, что «обязанность каждого мусульманина, в зависимости от его возможностей, оказать содействие сирийскому народу. Любой должен вести джихад против алавитов с помощью денег, оружия, воевать на стороне моджахедов в Сирии... а тем, кто не может, по крайней мере, следует поддержать сирийцев словом».

Вопрос о том, является ли Сирия «оккупированной», весьма важен для джихадистов. Ключевой причиной, почему салафитские идеологи выступают против вмешательства моджахедов, является сомнение в том, что САР находится под иностранной оккупацией. «Окупированная Сирия» служит веским основанием для идеологического обоснования объявления джихада. Сторонники джихада считают, что Сирия находится под властью шиитов (алавитов).

Международные радикальные исламистские структуры проявляют значительный интерес к событиям в Сирии и имеют определенные возможности для участия в этих событиях.

В отличие от светских сил, «Аль-Каида» и связанные с ней группировки имеют совершенно четкие цели и программные установки. Салафиты нацелены на то, чтобы спровоцировать хаос и упрочить позиции в этой одной из ключевых стран арабского мира. Более того, для радикалов от ислама это государство интересно еще тем, что в других странах «арабской весны» радикальные салафиты, по сути, отдали инициативу светским и умеренно настроенным исламским силам.

В настоящее время конфликт в Сирии продолжает набирать обороты. Демонстрантов поддерживают радикальные исламисты, имеющие опыт политической и вооруженной борьбы, а также работы с массами. У движения политического ислама четкая программа действий, оно обладает необходимыми ресурсами для укрепления своих позиций, в то время как государственные институты в Сирии слабеют. По сути, только в Ливии экстремистам удалось в некоторой степени использовать складывающуюся политическую конъюнктуру, пополняя свои военные арсеналы со складов прежнего режима М. Каддафи, «пропуская» через конфликт своих боевиков. В Тунисе и Египте успеха достигли умеренные силы («Братья-мусульмане», «Ан-Нур», «Ан-Нахда» для сторонников «чистого ислама» являются отступниками, поскольку они участвуют в демократической процедуре выборов), но не радикалы. В Сирии «Аль-Каида» стремится не упустить инициативу и взять реванш за упущенные возможности в Северной Африке.

Нечитайло Д.А. «Идеология и практика современного радикального исламизма», М., 2013 г., с. 282–288.

Р. Шарипова,

востоковед

ИРАНСКАЯ СЕМЬЯ:

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сегодня мы нередко являемся свидетелями того, как игнорируются фундаментальные общечеловеческие ценности, исторически унаследованные народами. К таковым относятся и семья, семейные традиции и обычаи. В последние десятилетия во всем мире, и особенно в промышленно развитых странах, наблюдается все увеличивающееся количество бракоразводных процессов, внебрачных детей, распространяются гомосексуализм, однополые

браки, СПИД и другие опасные заболевания. Автор книги «Безопасность и этика в иранской семье» госпожа Лейла Садат Зафранджи привела любопытные статистические данные, в соответствии с которыми в 2003 г. в Австралии было 14% неполных семей и 31% внебрачных детей. В 2005 г. в Англии было 1,9 млн неполных семей и в них 3,1 млн детей, т.е. почти каждый четвертый ребенок рос в такой семье. В США в том же году было 34,6 млн неполных семей с детьми в возрасте младше 18 лет, 72% таких семей были результатом развода или смерти одного из родителей, а в остальных 28% семей были дети от родителей, живших в гражданском браке¹. Согласно статистике ООН, в 2007 г. насчитывалось около 110 млн человек (в возрасте от 15 до 65 лет), употреблявших запрещенные препараты, 25 млн из них были наркоманами с приличным стажем и около 32,2 млн ВИЧ-инфицированными².

Одним из вызовов сегодняшнего дня, свидетельствующих о распаде семьи, является также то, что даже в ряде международных документов стараются не использовать понятия «жена» и «муж», а используют такие понятия, как «сожительница» и «сожитель»³.

Кризис семьи является следствием продолжающегося кризиса традиционной культуры, функционирующей на основе исторического наследия, образа жизни, сохранившегося неизменным на протяжении длительного времени. Что касается непосредственно иранской семьи, то она создается и существует, руководствуясь своей традиционной национальной и исламской культурой, повторяя, таким образом, жизненный цикл прошлых поколений, представителей разных исторических эпох Иранского государства. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть основные принципы жизнедеятельности иранской семьи в историческом аспекте. Как известно, семейная жизнь во многом зависит от реально существующих в тот или иной исторический период экономических и социальных факторов. Поэтому без их учета невозможно изучение особенностей семьи.

В Древнем Иране, в эпоху Ахеменидов (559–330 гг. до н.э.), Аршакидов (250–224 гг. до н.э.) и Сасанидов (227–651 гг. н.э.), как и во всех традиционных обществах с племенной структурой, большинство семей считались производственными ячейками. Их главным занятием были такие виды экономической деятельности, как скотоводство, земледелие и ремесла⁴. В частности, занятость сельскохозяйственным трудом была определяющей в формировании семьи, ее состава, внутрисемейных отношений и т.д. Английский исследователь Уилл Дюрант так писал о таких семьях: «Как и

женитьба, наличие детей было одним из атрибутов достоинства и чести. Сыновья представляли для отцов экономическую ценность, а во время войн были необходимы шахиншаху. Главенствующее положение в семье занимал отец, а женщины и девочки не имели равных прав с мужчинами и мальчиками. Рождению мальчиков радовались, так как они были помощниками родителей в тяжелом труде, а девочки считались бесполезными. Несмотря на то что женщины составляли значительную часть населения Ирана, они не принимали участия в общественно-экономической жизни страны»⁵.

В господствующей в то время религии – зороастризме – женатый считался достойнее неженатого, а глава семейства – достойнее того, кто не имел семьи. Рождение ребенка рассматривалось как выполнение важного долга по отношению к семье, городу и справедливому царю. Матери же принадлежала важная роль в воспитании ребенка. Причем, до пяти лет он обычно воспитывался только матерью и не общался с отцом, чтобы в случае его смерти отец не переживал.

В семье, особенно в высших слоях общества, разница между правами и положением женщины и мужчины была огромна. Несколько иной была ситуация в семьях низших социальных слоев. Например, в сельской местности на полях и в строительных работах мужчины, женщины и даже дети трудились вместе. Классовые различия проявлялись в религиозной сфере. Ричард Фрай пишет, что в правление Сасанидов храмы огня, которые были местом паломничества простых иранцев, были подчинены классовой системе. Одни из них предназначались для жрецов, знати и военачальников, другие – для деревенских жителей и простолюдинов⁶. Классовое неравенство сохранялось в иранском обществе и после завоевания Ирана арабами и появления ислама (VII в.). Жизнь общества была подчинена законам и принципам ислама, которые оказывали большое влияние на положение, статус и задачи семьи⁷.

В исламе семья считается основой общества, поэтому ее созданию и благополучию придается важное значение. Известно такое высказывание Пророка: «Большинство людей, которые попадут в огонь в день Страшного суда, – те, кто отказался от брака и создания семьи». Забота о жене и детях считается поклонением Аллаху и в некоторых хадисах ставится в один ряд с джихадом (усердием) на пути к Аллаху: «Тот, кто трудится ради своей семьи, чтобы обеспечить дозволенным Аллахом расходы на

содержание жены и детей (нафака), является муджахидом на пути к Нему⁸.

В аятах Корана и хадисах говорится о том, что в результате брака на человека нисходит божья благодать, и он избавляется от дьявольских искушений. Пророк сказал: «Все, кто вступил в брак, приобрели половину веры и счастья». А в суре «Свет» сказано: «И выдавайте замуж внебрачных женщин, что среди вас, а также жените праведных рабов и ваших рабынь. Если они бедны, Аллах обогатит их Своею щедростью, ибо Аллах – Всеобъемлющий, Знающий» (24:32).

Вопреки широко распространенному утверждению о том, что ислам принес многоженство, оно было распространено задолго до появления ислама среди древних арабов, иранцев и евреев. Напротив, ислам ограничил количество жен, разрешив мужчине иметь только четыре законных постоянных жены одновременно, и оговорил условия этого. Пророк Мухаммад говорил: «Тот, кто будет иметь две жены и не будет проявлять справедливость к ним в имущественных правах и общении, в день Страшного суда будет закован в кандалы и цепи и брошен в ад»⁹. Однако следует иметь в виду, что некоторые объясняли суру «Женщины» так, что Священный Коран отдает предпочтение моногамии, а не полигамии. «Если вы боитесь того, что не сможете быть справедливыми ко всем ним (своим женам), вступайте в брак лишь с одной» (4:3). Или же: «Вы никогда не сможете соблюдать справедливость по отношению к своим женам одинаково. Даже в том случае, когда захотите этого» (4:129) и т. п. Исследования показывают, что, как правило, мусульмане предпочитают иметь одну жену, а многоженство распространено среди богатых и могущественных людей.

Ислам предоставляет женщине право свободно распоряжаться своим имуществом и собственностью и запрещает отцу, мужу, сыну или брату решать ее имущественные дела. Она может самостоятельно заключать все юридические сделки, например, договоры (укуд) и односторонние акты (икаат), и завещать свое имущество кому захочет, не нарушая при этом законы шариата.

Однако социальное положение женщины в Иране в рассматриваемый период было неодинаково и во многом зависело от местных обычаев и традиций. Согласно исламскому праву, не разрешается брак по принуждению. Кроме того, требуется, чтобы вступающие в брак соответствовали друг другу по возрасту, социальному статусу и материальному положению. В мусульманской семье все расходы по ее материальному обеспечению и воспита-

нию детей несет муж. Однако, как уже отмечалось, имущество мужа и жены четко разделено, и муж не имеет права распоряжаться собственностью жены.

В Иране после принятия ислама не запрещались различные виды брака, распространенные в доисламские времена. Тем не менее предписанные Кораном ограничения не соблюдались, особенно в высших слоях. Например, в пятом веке хиджры (1029) Маджд ад-Даула Буйа после его пленения Махмудом Газневи (971–1030) на вопрос о том, почему он женился на 50 свободных женщинах, ответил, что таков был обычай его предков¹⁰. Мукаддаси пишет, что кухистанские племена, проживавшие к югу от Каспийского моря, особенно в Дейлеме, в конце X в. должны были вступать в брак с соплеменниками. Несоблюдение этого предписания нередко каралось смертью. Такие эндогамные браки напоминают распространенные в сасанидскую эпоху браки с родственниками¹¹. Кроме того, в регионах, где большая часть населения продолжала исповедовать зороастризм, был распространен брак, осуществлявшийся путем похищения невесты. Однако он принимал разные формы в зависимости от культуры регионов¹².

Стоит отметить, что в первые века ислама иранцам не разрешалось вступать в брак с чужаками. Это было связано с патристическими настроениями, а также с враждебностью к арабам. В свою очередь, арабы также стремились избегать смешанных браков. Об этом свидетельствуют несколько предписаний, изданных в 783 г. вторым халифом Умаром, запрещающих арабам (завоевателям Междуречья) заключать браки с иранцами, даже с христианами и иудеями. Тем не менее такого рода браки имели место. Иранские власти относились к этому явлению неодобрительно. Подтверждают это события в Табаристане, где в 783 г. в ходе восстания местные женщины расстались со своими мужьями-арабами и даже выдали их на заклятие своим соотечественникам¹³.

Позднее смешанные браки стали заключать с политической целью. Такие браки служили средством предупреждения войн. В подобных браках придавалось большое значение равенству супругов по положению¹⁴. Как правило, после войны побежденный правитель отдавал свою дочь в жены победителю. Иногда в роли вдохновительницы политических союзов выступала женщина. Тем не менее браки, заключенные по политическим соображениям, часто распадались.

В тех регионах Ирана, где большую часть населения составляли шииты, широкое распространение имел временный брак. Его

популярность отдельные исследователи объясняют тем, что он похож на некоторые виды брака в сасанидскую эпоху¹⁵. Временный брак (сиге) отличается следующими особенностями: время отношений определяется заранее по согласию супругов (временные рамки могут быть от одного часа до ста лет); мужчина выплачивает женщине заранее оговоренную сумму денег; брак осуществляется исключительно по согласию сторон; ни одна из сторон не наследует другой; в связи с ограниченностью по времени такого брака развод в нем не предусмотрен. Сиге был введен с целью предотвращения проституции и разврата, дети от этого брака признаются обществом как законные, а также наследуют имущество родителей¹⁶.

О нравственной атмосфере в различных слоях иранского общества рассказывается в некоторых литературных произведениях. Например, в «Кабус-наме»¹⁷ в разделе, посвященном выбору невесты, говорится о превосходстве девушки над женщиной-вдовой. Кроме того, рекомендуется, чтобы жена была из зажиточной семьи, но по статусу была бы ниже мужа, чтобы он имел возможность удовлетворять ее запросы. Обращается внимание на то, что следует хорошо охранять жену и фактически изолировать ее от общества¹⁸. Вместе с тем такие представления о женщине нельзя переносить на все элитные слои, учитывая при этом также различия культур многочисленных народов Ирана.

В сасанидском Иране были женщины, стоявшие у руля государства. Однако на всей территории Западной Азии, за исключением внутренних районов Ирана, были распространены жесткие взгляды на положение женщины. Так, в последние годы X в. в отдаленных районах Ирана женщинам разрешалось выходить из дома только ночью в черной одежде. А из «Сафар-наме»¹⁹ Насира Хусрава известно, что в 1052 г. любую женщину, разговаривавшую с мужчиной, не являвшимся ее родственником, ждала смертная казнь²⁰. Эти взгляды оказали сильное влияние на менталитет арабов-завоевателей, и они переняли ряд персидских обычаев, в том числе хиджаб и содержание женщин в гаремах.

Однако такие нравы не имели широкого распространения. В сельскохозяйственных районах, например в Гиляне, женщины пользовались большей свободой и трудились на полях вместе с мужчинами. В районе Табаристана в Париме, где население продолжало исповедовать зороастризм, раз в две недели проходила ярмарка, где девушки и юноши имели возможность познакомиться друг с другом. Хиджаб здесь не был принят. Согласно некоторым источникам, арабы в то время также не были сторонниками обяза-

тельного ношения хиджаба. Например, по словам Табари, жена правителя Хорасана прилюдно поздравляла своего двоюродного брата с победой над тюрками²¹, причем хиджаба на ней не было.

На основании большинства источников, несмотря на их лаконичность, можно сделать вывод, что женщины в иранском обществе пользовались уважением. Они принимали активное участие в социальной, экономической и даже политической жизни Ирана. Так, например, мать Маджд ад-Даулы Бувайхи, временно правившая Реем до него, после бунта другого своего сына Шамс ад-Даулы, помогла последнему прийти к власти²². Женщины из низших слоев общества были не менее свободны и без всяких опасений обращались к правителю с жалобами на чиновников²³.

Судя по историческим трудам, предоставление свободы женщинам во многом было связано с проникновением представителей тюркских народов во властные структуры иранского общества после прихода ислама. Пользуясь возможностью, женщины проявляли активность в благотворительных мероприятиях, а также участвовали в решении политических проблем, что вызвало недовольство Низама аль-Мулька²⁴. Однако участие женщин в политике не прекратилось. Так, одна из вдов Малик-шаха Сельджуки в 1093 г. обратилась к Исмаилу, брату своего мужа, с предложением о браке, с тем чтобы способствовать политическим переменам в пользу своего сына Махмуда²⁵. Жена Мухаммада Сельджуки (1105–1118) была его вазиром, а мать сельджукского султана Арслана до самой смерти в 1175 г. участвовала в управлении государством, обеспечении армии и даже в военных походах²⁶. Подобные деяния не были безопасными и могли закончиться гибелью. Например, жена Баркийярука погибла в жестоком бою в 1095 г. Тем не менее, согласно историческим документам, политическая активность женщин ни одну из них не привела к политической власти, особенно при Сельджукидах (1039–1194)²⁷.

Завоеватели-монголы (1258–1353) оказывали большое влияние на повседневную жизнь подданных, поэтому в иранском обществе произошли значительные изменения. Отличия были настолько большими, что правитель Герата Фахр ад-Дин Карт вынужден был в 1300 г. издать новый закон о необходимости хиджаба для женщин, так как многие иранки стали отказываться от него, беря пример с монголох²⁸. Но со временем ислам стал набирать силу, и хиджаб стал частью наряда и монгольских женщин, во всяком случае, в семьях вельмож. По указу Чингис-хана (1162–1227) женщина должна была ухаживать за мужем, следить, чтобы

его оружие и военные припасы были в порядке, чтобы он имел полноценный отдых и т.д. В случае необходимости она могла участвовать вместе с мужем в военном походе. Таким образом, даже жены правителя не были в этом отношении исключением. Эта традиция продолжалась и в роду Ильханов, одной из монгольских династий. В период после падения Сефевидов (1502–1736) и до Каджаров (1795–1925) к власти в Иране пришли две другие значительные династии – Афшары (1736–1795) и Зенды (1753–1794). Положение женщин, структура семьи и родства в эти периоды (начиная с упадка Сефевидов и заканчивая воцарением Каджаров) не претерпели серьезных изменений и оставались в рамках племенных традиций.

Катерино Зено, приехавший в Иран в правление Узун-Хасана (1453–1478), пишет о женщинах: «Обычай и традиция требуют, чтобы женщин никто не видел, а если их увидят, то это значит, что кто-то среди нас совершил блуд. В связи с этим, в то время, когда иранки прогуливаются в городе и крепости, либо верхом на лошади в шахской свите и со своими мужьями едут на войну, они надевают на себя вуаль, сплетенную из конского волоса. И эта вуаль настолько густая, что сквозь нее они могут легко видеть остальных, однако их лиц никто не видит»²⁹. В правление Сефевидов, когда государство продолжало оставаться религиозным и фанатизм широко распространился, положение женщин заметно ухудшилось. Со времени правления шаха Тахмаспа (1524–1555) ношение вуали и чадры стало обязательным и поддерживалось остальными правителями. Женщины в основном занимались приготовлением пищи, домом и воспитанием детей³⁰.

В Исфагане иногда во время иллюминации по приказу шаха Аббаса (1587–1629) освобождали центральную часть города и базары от мужского населения с тем, чтобы сам шах и его жены могли свободно гулять и делать покупки. По этому случаю, знатные женщины могли ходить без чадры и никаба³¹.

Жан Шарден, французский путешественник (1643–1713), во время своего путешествия в Азию, побывал в Иране. Вот что он писал о социальном статусе женщин: «Женщины шахского гарема никогда не выходят из него, и в Иране самыми важными женщинами являются те, кто редко выходит из дома и принимает других у себя. Иногда сестра идет навестить свою сестру или кузины навещают друг друга. Кроме этого визиты осуществляются в исключительных и чрезвычайных случаях, таких как свадьба, похороны или важные государственные и религиозные праздники»³². Фран-

кузский купец Жан-Батист Тавернье, неоднократно бывавший в Иране, писал: «Иранских женщин не видит никто, кроме их мужей. Женщин из среднего и низшего слоев общества можно увидеть на улицах только, когда они идут в баню. Они надевают на себя чадру, закрывающую их с ног до головы, и видят дорогу лишь с помощью двух отверстий, расположенных на уровне глаз. Также если кто-то войдет в дом, то женщины больше не принимают пищу со своим мужем. Женщины не являются хозяйками внутри дома, их положение больше похоже на положение слуг...»³³.

В афшарский период, при Надир-шахе (1736–1747), положение женщин несколько улучшилось, так как были отменены некоторые ограничения. А в царствование Карим-хана Зенда (1750–1779), которому не были свойственны жестокость и фанатизм, народ почувствовал большую свободу. Согласно историческим источникам, социально-экономическое положение женщин в племенах было значительно лучше, чем положение горожанок. Женщины племен из-за большого объема работ, выполняемых ими, пользовались почетом и уважением мужчин. В племенах была распространена моногамия, было меньше разводов, а заключение временного брака сиге считалось позором.

Таким образом, структура семьи, брака и родства не изменялась и осталась в прежнем виде, несмотря на смену династий.

Проблема семьи и брака в каджарский период (1795–1925) рассматривалась исследователями на трех уровнях: среди простого народа, у знати и при дворе. Мнения исследователей о положении женщин в этот период неоднозначны. Одни из них считают, что женщины того периода вели замкнутый образ жизни и не принимали никакого участия в общественной жизни страны. Однако авторы исследований последних лет высказывают противоположную точку зрения. По их мнению, для каджарских женщин были привычными такие занятия, как прогулки на природе, покупка необходимых для семьи товаров на рынке, а также посещение религиозных собраний. Об активности женщин свидетельствует также их участие в событиях, связанных с запретом табака, а также в Конституционной революции 1905–1911 гг. И это касалось представительниц всех слоев общества...³⁴

Согласно каджарским документам и текстам, в рамках традиций этого периода девочек выдавали замуж в возрасте от семи до тринадцати лет. Это объяснялось такими причинами, как «ранняя возможность обрести экономическую независимость, относительно быстрое физическое развитие девочек в этом возрасте и

небольшая средняя продолжительность жизни»³⁵. Учитывалась также «распространенность социально-культурных представлений о пользе ранних браков, согласно которым к счастливым девушкам относили тех, кто, достигая зрелости в доме мужа, был обезопасен от плотских соблазнов»³⁶.

Такие браки, распространенные не только среди просто-народья, но и среди знатных родов, имели своей целью обеспечить определенные интересы семей, в частности, сохранить их благородное происхождение. В таких семьях мальчик и девочка нередко были помолвлены с колыбели, а по достижении зрелости заключали между собой брак. В каджарскую эпоху самым распространенным был постоянный брак. Согласно шариатским законам, мужчина мог иметь четыре жены, а богатый, в зависимости от материального достатка, мог иметь при этом еще неограниченное количество временных жен. Временные жены были выгодны путешествующим мужчинам или пребывающим в далеких краях или в военном походе, куда они не брали постоянную жену (или жен). В святых городах из-за многочисленности паломников был большой спрос на сиге, поэтому брак заключался с помощью сводников, которые подыскивали даже иностранок³⁷.

Многие мужчины заключали сиге, если их нареченные не достигли зрелости или возраста вступления в брак. В знатных семьях мальчикам 16–17 лет находили временных жен, а когда они достигали финансовой независимости, женили на девушках из зажиточных и уважаемых семей или на кузинах (дочерях дяди по отцу), а временных жен либо изгоняли, либо поселяли в отдельном доме³⁸. В северных районах Ирана крестьяне прибегали к временному браку в период сельскохозяйственных работ, а после уборки урожая (с окончанием срока сиге, указанного в договоре) разводились с временными женами³⁹. Отцы бедных семей (например, в городе Керман) соглашались, чтобы их дочери становились временными женами. С одной стороны, семьи временно освобождались от обеспечения повседневных нужд дочери, а с другой – по окончании срока сиге семьи получали небольшую сумму (мах-рийа), заработанную дочерью⁴⁰. Следует отметить, что в каджарском обществе «урф» (обычай) одобрял временные браки. Нередко «временные жены» вступали в постоянный брак с другими мужчинами⁴¹.

Существовала еще одна форма брака, когда мужчинам продавали женщин и девушек в качестве служанок. Как правило, это были плененные в ходе войн или украденные во время набега,

иногда купленные. Так, в 1795–1796 гг. в результате завоеваний Ага-Мухаммада – хана Каджара в плен попали и были выставлены на продажу 15 тыс. кавказских девушек⁴². Надо отметить, что в южных портах Ирана была распространена, хотя и в ограниченной форме, работорговля. Несмотря на наказание за работорговлю, пленных незаконным путем ввозили в Иран. По мнению ряда исследователей, это были африканцы, а Абд Аллах Бахрами считал, что это были жители юга страны и Белуджистана. По его словам, женщин и девушек превращали в пленниц из-за бедности населения страны, частого разбоя и военных конфликтов.

В каджарском Иране имели место случаи продажи женщин и девушек. Во время Конституционного движения 1906 г. Асаф ад-Даула заставлял население Хорасана выплачивать огромную сумму. Кучанцы, чтобы собрать необходимую сумму, были вынуждены продавать своих девушек. Некоторые курдские племена из-за бедности также продавали своих девушек. Однако рабство в те времена не имело ничего общего с нынешними представлениями о рабстве, поскольку женщины выполняли домашнюю работу, считались почти членами семьи, а если выходили замуж за одного из мужчин семьи, то становились свободными. Мужчина в зависимости от достатка мог купить любое количество служанок, которые были обязаны наряду с домашней работой удовлетворять сексуальные желания хозяина. Ребенок, родившийся от этой связи, получал равные с законными детьми права.

Служанки в гареме знатных семей подчинялись одной из главных жен хозяина и были обязаны наряду с домашней работой развлекать хозяйку: исполнять песни и танцы. Если хозяин относился с большой симпатией к служанке, то его жены из ревности могли подвергнуть ее суровому телесному наказанию⁴³. В результате трех видов брака в Иране каджарского периода появились большие и малые гаремы, принадлежавшие принцам, наместникам провинций и богачам. Некоторые из этих гаремов по количеству женщин соперничали с шахским⁴⁴.

В городах Ирана среди знати было распространено многоженство, а остальное население придерживалось моногамии. В отличие от городов в племенах была распространена полигамия. Так, среди белуджей даже малоимущие мужчины имели 7–8 жен⁴⁵, а у санджанийцев⁴⁶ ни у одного из мужчин не было меньше трех жен⁴⁷. Бахтияры также имели несколько женщин, даже самые бедные из них имели больше одной жены⁴⁸. Многоженство в племенах объяснялось, во-первых, тем, что женщины, в отличие от муж-

чин, выполняли разнообразную работу. Во-вторых, многие племена занимались разбоем и грабежом на дорогах и поэтому нуждались в большом количестве сыновей.

Из-за нищеты среди простонародья была распространена моногамия. Ремесленники и торговцы также обычно имели одну жену. В эту эпоху зороастрийцы не брали в жены больше одной женщины.

Как уже отмечалось, роль и обязанности женщины в доме зависят от видов брака и формы семьи, в этом отношении каджарский период не был исключением. В эту эпоху женщины рожали много детей из-за незнания способов, предохраняющих от беременности, высокой детской смертности, связанной с антисанитарией, широким распространением инфекционных заболеваний, а также из-за желания иметь большое количество сыновей. Вступая в брак в раннем возрасте, женщины уже в 30 лет становились бабушками. На них лежала основная ответственность за воспитание детей. В знатных семьях отцы обычно были заняты разнообразными делами вне дома, в том числе увеселениями, старались держаться подальше от домашних проблем. Отношения между детьми и отцом были сухими и официальными⁴⁹, так как считалось, что это поможет детям в будущем быть самостоятельными в решении разных житейских проблем. Девочек в возрасте 10–12 лет выдавали замуж и, войдя в новую семью, они наряду с новыми обязанностями брали на себя и материнские⁵⁰. Мальчики в 11 лет начинали работать с отцом, а в 17 лет женились и брали на себя ответственность за новую семью.

В обычных семьях дети достаточно рано вступали в жизнь и сталкивались с действительностью. Женщины в таких семьях наряду с воспитанием детей выполняли такую работу, как приготовление пищи, уборка, шитье одежды для членов семьи и покупки вне дома. Кроме того, они занимались ковроткачеством, прядением шерсти и другими ремеслами. Знатные же женщины занимались лишь тем, что надзирали за большим количеством прислуги, нянек, кормилиц, рабов и слуг или проводили время, нанося визиты и принимая гостей⁵¹. Чрезмерное безделье таких женщин было причиной распространения нездоровой обстановки в гаремах. Находясь в замкнутом пространстве, они думали только о том, как доставить большее удовольствие хозяину гарема.

Занятость женщин в доме зависела не только от их социального статуса, но и от места проживания – в городе или сельской местности. Действительно, в каджарскую эпоху сельские женщи-

ны, как и горожанки, отвечали за воспитание детей и ведение дома. Кочевая и сельская жизнь того периода казалась намного проще городской, так как сельчане и кочевники сами производили основную часть необходимой им продукции – мясо, молочные продукты, овощи; одежду они также шили сами. Жены кочевников имели еще такие обязанности, как доставка воды для нужд семьи, установка палаток в ходе кочевки племени, внутреннее обустройство палаток, приготовление необходимых для строительства своего жилища материалов, плетение черных гелимов для крыши и тростника для стен палаток⁵². Такие женщины были весьма целомудренными, им не были свойственны нравственные пороки.

В каджарских семьях разводы были редкостью. Они происходили по инициативе мужа только в случае бездетности жены, ее безнравственного поведения, физических недостатков, например, слепоты, или, если она «приносила несчастье в дом мужа»⁵³. Жена имела право на развод, если муж не давал средств на ее содержание (нафака) или отличался физическим бессилием⁵⁴. Дети после развода оставались с отцом, а мать лишалась всех прав на них. Большинство женщин уклонялось от развода, так как не было законов, защищавших их права, и их возвращение в родительский дом (после развода) общество осуждало.

Сведения Джона Малькольма (1769–1833), британского государственного деятеля, о причинах малого числа разводов среди племен можно экстраполировать на все иранское общество каджарской эпохи: «Разводы редко случаются у кочевников, и, можно сказать, этому имеется множество причин. Одна заключается в том, что в этом племени больше нравственной чистоты, а вторая – в том, что женщины из-за их трудов милее мужчинам. Бедняки к тому же не могут уплатить калым»⁵⁵.

Конституционная революция (1905–1911) положила начало модернизации иранского общества и привела к свержению династии Каджаров. В 1925 г. к власти пришел Реза-шах Пехлеви, нововведения которого нередко носили принудительный характер и не соответствовали социальному контексту Ирана. Это несоответствие оказало влияние на иранскую семью, навязав ей некоторые несвойственные функции. Объявленные Реза-шахом (после возвращения из Турции под впечатлением реформ, проведенных Ататюрком) унификация одежды и отмена хиджаба вызвали недовольство большинства населения страны. Но постепенно влияние западной цивилизации оказало свое воздействие на отношения мужчин и женщин, отцов и матерей в стране. В результате изме-

нения социальных отношений и большего распространения общего и специального образования женщина становилась соратницей мужчины. Государство, стремясь к модернизации, стало больше вмешиваться в дела семьи. Население начало принимать некоторые изменения, происходящие в семейных отношениях, хотя было много традиционных семей, сопротивлявшихся реформам.

Главными факторами, инициировавшими изменения в семье в период правления Реза-шаха и затем его сына Мухаммада Реза Пехлеви, были: изменение характера производства, усиление активности рабочих благодаря появлению новых технологий в промышленности и в сфере услуг, а также повышение уровня потребления товаров и услуг⁵⁶. Если по переписи 1956 г. иранская семья состояла в среднем из семи человек, то по переписи 1966 г. количество членов семьи уменьшилось до 5⁵⁷. С развитием городов стало меньше эндогамных (внутриродовых браков)⁵⁸. Однако эти изменения коснулись не всех семей. Так в докладе, подготовленном сотрудниками Организации социальных исследований (созданной в 1958 г. при Тегеранском университете), отмечалось: «...обширная патриархальная семья не вдруг упаковала вещи, и вместо нее повсеместно не воцарилась малая супружеская семья. Не только среди племен и деревенских жителей, но и среди городского населения все еще наблюдаются следы и пережитки старой семьи. Иногда в одном доме царят оба принципа, и два поколения, старое и молодое, живут вместе, спорят друг с другом о старом и новом, и, например, тогда как старшее поколение считает выбор супруга прерогативой родителей, молодое поколение полагает вмешательство стариков неприемлемым»⁵⁹. По мнению многих исследователей, молодежь, находясь, благодаря прессе и радио, под влиянием западных обычаев и традиций, отдавала предпочтение материальным, а не духовным ценностям. В этих условиях подрывались основы семьи, опирающейся на семейное чувство, свободное от всего материального. Увеличилось количество разводов, один из четырех или пяти браков заканчивался разводом. Женщины, недовольные традиционной ролью домохозяек и хранительниц домашнего очага, требовали равных прав с мужчинами, из-за чего дети работающих матерей были предоставлены сами себе.

Таким образом, в результате принудительных реформ Реза-шаха и ускоренной (несогласованной с традиционной социальной структурой общества) модернизации в правление Мухаммада Реза Пехлеви многие институты в Иране не могли нормально функционировать. К таким институтам относилась и семья.

Ситуация коренным образом изменилась после исламской революции 1979 г. Она положила конец западному влиянию и провозгласила главенство исламских и собственно иранских обычаев в общественной жизни страны. О семье в Конституции Исламской Республики Иран сказано следующее: «Семья является основополагающей единицей общества и главным местом развития и роста человека. Главным принципом при образовании семьи, создающей условия для движения человека к совершенству и росту, является идеальное согласие. Создание возможностей для достижения этой цели является обязанностью исламского государства»⁶⁰. Имам Хомейни в своих выступлениях подчеркивал важную роль женщин в семье, указывал, что они «свободны в достойных делах»⁶¹, в том числе могут поступить в университет и делать все, что не противоречит исламской нравственности и не подрывает основы семьи. Он считал, что женщины имеют право участвовать в общественно-политической и социально-экономической жизни страны, создании здорового исламского общества, обладают правом избирать и быть избранными.

После революции женщины стали принимать активное участие в социально-экономической жизни страны. Увеличилась занятость женщин, особенно горожанок, в таких сферах, как образование и здравоохранение. Кроме того, они занимаются ковроткачеством, прядением, сельским хозяйством и животноводством, шитьем, производством пищевых продуктов, административной работой в учреждениях и секретарским делом⁶².

Все законы, постановления и программы страны направлены на то, чтобы облегчить создание семьи и укрепить семейные отношения. В ст. 21 Конституции отмечается, что государство обязано гарантировать права женщины, как одного из столпов семьи, с соблюдением норм ислама⁶³. В связи с этим подчеркивается необходимость обратить внимание на следующие моменты: 1) создание благоприятной почвы для развития личности женщины и возрождения ее имущественных и духовных прав; 2) создание особого суда для сохранения семьи; 3) создание страхования для вдов и пожилых женщин, оставшихся без кормильца; 4) защита матерей, особенно в период вынашивания и вскармливания, и защита детей, оставшихся без кормильца; 5) предоставление опеки над детьми достойным матерям⁶⁴.

Укреплению семейных уз способствуют также организации, выполняющие функции института семьи и дающие рекомендации по делам семьи. К таковым относится Общество воспитателей и

наставников, образованное еще до Исламской революции в конце 1960-х годов и действующее по сей день. Его основная цель заключается в установлении сотрудничества двух институтов – школы и дома, решении различных проблем семейной жизни, как необходимого условия для образования и воспитания детей. Общество разрабатывает программу для обучения молодых семей. Она осуществляется по всей стране в форме курсов и включает шесть обязательных предметов об обязанностях и долге родителей в семье. Кроме того, в центральном офисе Общества Совет по планированию приступил к составлению расширенной программы об этапах изменения семейной жизни. Курсы обучения проводятся и для учителей начальной школы.

Значительную роль в укреплении семьи играют также Справочно-консультативные семейные центры. В настоящее время в разных регионах страны действует около 25 таких центров, предполагается довести их количество до 75⁶⁵.

Средства массовой информации уделяют большое внимание семейным проблемам. Тематика радио и телепередач о семье охватывает такие вопросы, как морально-правовой статус семьи, внутрисемейные отношения, воспитание и образование детей, женское образование, гигиена питания, гигиена семьи (матери и ребенка), наследственные болезни, семья и различные виды инфекционных заболеваний, женские болезни и т.д.⁶⁶ Семейные и женские проблемы решаются также Центром по делам женщин и семьи, созданным при Администрации Президента ИРИ. По словам госпожи Зухры Табибзаде Нури, советника президента и главы указанного Центра, одной из его главных задач является повышение образовательного уровня молодых людей, особенно девушек, будущих матерей, которым предстоит играть важную роль в формировании культуры в семье как основы культуры общества в целом⁶⁷. И в этом процессе, как считает Джамиле Алам-аль-Хода, профессор Университета имени шахида Бехешти, государство должно принимать самое непосредственное участие. С точки зрения госпожи Алам-аль-Хода, исходя из того, что система образования в Иране реформируется в соответствии с исламским вероучением, возникает необходимость в урегулировании взаимоотношений государства и семьи с учетом воспитательной теории ислама, а также необходимость уточнения самого понятия «государство» в соответствии с политической теорией ислама. Она подчеркивает, что подход ислама к воспитательной миссии семьи и

государства отличается двумя особенностями: соучастием в процессе воспитания и контролем над воспитательным процессом⁶⁸.

При этом большое значение придается обучению морально-правовой системе семьи. Особенности правового регулирования семейных отношений в исламе, по мнению Махмуда Хекматния, сотрудника иранского Института исламской культуры и мысли, заключаются в том, что «морально-правовая система семьи – одна из важнейших частей правовой и моральной систем ислама. Соединяя теоретическую и ценностную основу с разработками семьи, а также уважая свободу и личностные права человека, эта система предусматривает различные правовые и моральные правила в сфере создания, существования и распада семьи»⁶⁹.

Вместе с тем, если учитывать развернувшуюся ныне компьютерную революцию, иранская молодежь заимствует некоторые элементы современной культуры, не противоречащие исламу. При этом парадоксальное взаимодействие указанных культур в иранской семье отнюдь не снижает роль отца в воспитании подрастающего поколения. Более того, это не приводит к тому, чтобы образованная женщина отказалась от скромных и не всегда заметных обязанностей жены, матери и хозяйки. И дело не в том, что она не может быть врачом, педагогом, чиновником и т.д., а в том, что она по-прежнему ценит ту роль, которая ей предназначена природой, религией, историей и здравым смыслом.

Учитывая, что распад семьи предполагает серьезные последствия для устойчивости страны, государство придает большое значение помощи многодетным и малоимущим семьям, распределяя между ними средства, полученные от «закята» (очистительного налога, взимаемого с состоятельных людей) и от добровольной милостыни «садака». Известный иранист Александр Полищук считает, что Иран является образцом того, как социальные программы, направленные на поддержку многодетных и малоимущих семей, претворяются в жизнь. Так, в зарплату госслужащих государство закладывает сумму, которая выделяется на поддержание достойного уровня жизни иранских семей. В соответствии с иранским законом, госслужащие, содержащие большие семьи, также обеспечиваются бесплатными продуктовыми наборами. Кроме того, в стране реализуется программа обеспечения жильем молодых семей, развивается инфраструктура для молодежи и т.п. Интересно и такое явление, как массовые свадьбы, которые помогают сократить расходы на пышные торжества. Новобрачные, как отмечает А. Полищук, сэкономили таким образом

на церемонии бракосочетания, имеют небольшой капитал, который могут потратить по своему усмотрению⁷⁰.

От благополучия семьи зависит благополучие всего общества. «Одним из факторов, способствующих укреплению устоев иранской семьи и общества в целом, – как считает Абузар Эбрахими Торкаман, руководитель Культурного представительства при посольстве ИРИ в Москве, – является взаимное уважение членами семьи прав друг друга, а также соблюдение членами семьи прав других членов общества»⁷¹. По его мнению, «уважение прав родителей способствует укреплению их роли в семье, а также выполнению ими своей воспитательной роли, что в итоге способствует реализации возвышенных целей всего общества»⁷².

Примечания

- ¹ Zaferanchi L.S. The security and ethics in the Iranian family. – Tehran, 2008. – P. 5–6.
- ² Zaferanchi L.S. The security and ethics in the Iranian family. – Tehran, 2008. – P. 6.
- ³ Zaferanchi L.S. The security and ethics in the Iranian family. – Tehran, 2008. – P. 7.
- ⁴ Хушанг Фархуджаста. Семья в Иране. – СПб., 2008. – С. 16.
- ⁵ Цит. по: Инсафпур Г.-Р. История экономической жизни сельского населения и социальных слоев Ирана с доисторических времен до конца Сасанидского периода. – Андиша, б.г. – С. 132.
- ⁶ Фрай Р.Н. Древнее население Персии. – Тегеран: Илми ва фарханги, 1965. – С. 379, 380.
- ⁷ Хушанг Фархуджаста. Семья в Иране. – СПб., 2008. – С. 19.
- ⁸ Цит. по: Хушанг Фархуджаста. Семья в Иране. – СПб., 2008. – С. 24.
- ⁹ Цит. по: Хушанг Фархуджаста. Семья в Иране. – СПб., 2008. С. 25.
- ¹⁰ Ибн Асир Изз ад-дин. Всеобщая история. Тегеран: Хилми, 1972. – Т. 16. – С. 86.
- ¹¹ Мукаддаси Ш.М. Лучшее из разделений для познания областей. – Лейден, 1906. – С. 368.
- ¹² Хушанг Фархуджаста. Семья в Иране. – СПб., 2008. – С. 27.
- ¹³ Ибн Исфандийар. История Табаристана. – Тегеран: Падида, 1987. – С. 183.
- ¹⁴ Ибн Асир Изз ад-дин. Всеобщая история. – Тегеран, Хилми, 1972. – Т. 14. – С. 195–196.
- ¹⁵ Шпулер Б. История Ирана в первые века ислама. – Тегеран: Илми ва фарханги, 1990. – С. 185.
- ¹⁶ Сарухани Б. Введение в социологию семьи. – Тегеран: Кайхан. – С. 82.
- ¹⁷ «Кабус-наме» – назидательная проза, написанная мифическим царем Древнего Ирана Кей-Кавусом для своего сына Гиляншахуа. Она содержит 42 главы о поведении в обществе, ведении хозяйства, служении господину, о правилах правления, воспитании наследника и т.п.

- 18 Кай-Кавус б. Вуишмгир. Кабус-нама. – Тегеран: Фуруги, 1989. – С. 93, 94.
- 19 «Сафар-наме» – книга путешествий персидско / таджикского поэта и философа Насира ибн Хусрау, написана в XI в.
- 20 Насир-и Хусрау Кубадийани. Сафар-нама. – Париж, 1970. – С. 94.
- 21 Хушанг Фархуджаста. Семья в Иране. – СПб., 2008. – С. 31.
- 22 Ибн Асир Изз ад-дин. Всеобщая история. – Тегеран: Хилми, 1972. – Т. 15. – С. 314.
- 23 Кай-Кавус б. Вушмгир. Кабус-нама. – Тегеран, Фуруги, 1989. – С. 170, 171.
- 24 Низам аль-Мульк Туси. Сийасат-нама. – Тегеран, 1976. – С. 242–251. Низам аль-Мульк (1019/1020–1092) – вазир сельджукских султанов, один из выдающихся деятелей средневекового мусульманского Востока.
- 25 Раванди Мухаммад б. Али. Успокоение сердец и чудо радости в истории Сельджукидов. – Тегеран: Амир Кабир, 1985. – С. 141.
- 26 Раванди Мухаммад б. Али... – С. 141.
- 27 Хушанг Фархуджаста... – С. 33.
- 28 Хушанг Фархуджаста... – С. 37.
- 29 Раванди Муртаза. Социальная история Ирана. Т. 3. – Тегеран: Амир Кабир, 1978. – С. 702.
- 30 Раванди Муртаза. Социальная история Ирана... – С. 702.
- 31 Раванди Муртаза... – С. 703.
- 32 Раванди Муртаза... – С. 708.
- 33 Раванди Муртаза... – С. 709.
- 34 Хушанг Фархуджаста... – С. 41.
- 35 Хушанг Фархуджаста... – С. 42.
- 36 Хушанг Фархуджаста... – С. 42.
- 37 Серена К. Персия: люди и события. – Тегеран: Заввар, 1983. – С. 182.
- 38 Альмань А.-Р. Из Хорасана в страну бахтияров. – Тегеран: Ибн Сина, 1956. – С. 68.
- 39 Альмань А.-Р. ... – С. 269.
- 40 Полок Э.Я. Иран и иранцы. – Тегеран: Хваразми, 1982. – С. 147.
- 41 Мустафа Абдаллах. Моя жизнь. – Тегеран: Заввар, 1964. – Т. 1. – С. 157.
- 42 Хидайат Махди-Кули-хан. Иран. – Тегеран: Нукра, 1983. – С. 40.
- 43 Серена К. Персия: люди и события. – Тегеран: Заввар, 1983. – С. 64.
- 44 Хушанг Фархуджаста... – С. 46.
- 45 Петинджер Г. Путевой дневник Петинджера. – Тегеран: Диххуда, 1969. – С. 65, 66.
- 46 На западе страны.
- 47 Изам Кудси Хасан. Мои воспоминания. – Б.м., 1963. – Т. 1. – С. 402.
- 48 Керзон Дж. Н. Персия и персидский вопрос. – Тегеран, 1971. – Т. 2. – С. 366.
- 49 Даулатабади Йахйа. Жизнь Йахьи. – Тегеран: Ибн Сина, 1957. – Т. 1. – С. 17.
- 50 Друвилль Г. Путешествие в Персию в 1812–1813 гг. – Тегеран: Гутинбург, 1969. – С. 76.
- 51 Полак Э.Я. Иран и иранцы. – Тегеран: Хваразми, 1982. – С. 157.
- 52 Лоти П. Исфahan. – Б.м., б.г. – С. 132.
- 53 Полак Э.Я. Иран и иранцы. – Тегеран: Хваразми, 1982. – С. 151.
- 54 Шариф Кашани Мухаммад-Махди. События в истории. – Тегеран: Тарих-и Ира, 1983. – С. 762.

- 55 Малькольм Дж. История Ирана. – Тегеран, Саъди, б.г. – С. 216.
 56 Асафи Асифа. Семья и воспитание в Иране. – Тегеран, 1973. – С. 145.
 57 Хушанг Фархуджаста... – С. 67.
 58 Хушанг Фархуджаста... – С. 67.
 59 Бихнам Д. Родство в иранских семьях. – Тегеран, Хваразми, 1973. – С. 14.
 60 Конституция Исламской Республики Иран. – Тегеран, 1991, статьи 13, 14.
 61 Хушанг Фархуджаста... – С. 105.
 62 Хушанг Фархуджаста... – С. 109.
 63 Хушанг Фархуджаста... – С. 105.
 64 Хушанг Фархуджаста... – С. 105.
 65 Сафи А. Сбалансированная семья. – Тегеран, 1995. – С. 21.
 66 Хушанг Фархуджаста... – С. 129.
 67 Zafarani L.S. The security and ethics in the Iranian family. – Tehran, 2008. – P. 1.
 68 www.Muslima.ru
 69 www.alfurkan.ru
 70 www.alfurkan.ru
 71 Торкман А.Э. Иран – Россия – Ислам: Время понимать друг друга. – Москва; Нижний Новгород, 2009. – С. 42.
 72 Торкман А.Э. ... – С. 42.

«Страны Востока в контексте мировых процессов», М., 2013 г., с. 203–217.

Н. Краснова,

кандидат экономических наук

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ДИНАМИКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В МОНАРХИЯХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

На Всемирной конференции по народонаселению (Бухарест, 1974) отмечалась тесная взаимосвязь между показателями роста населения и экономического развития. В последней трети XX – начале XXI в. произошли значительные изменения в условиях и образе жизни коренного населения стран Персидского залива, получила развитие система здравоохранения, улучшились жилищные условия подданных, многие переселились в города, но социальная система была сохранена. Все это не могло не отразиться на динамике демографических показателей.

Арабский Восток с его жарким климатом и постоянными проблемами с пресной водой сформировал и адаптировал к суровым жизненным условиям социальную систему и культурные стереотипы коренного населения. «Это было население, не допус-

кающее возражений, презиращее сомнения, наша верховная власть – это венец из шипов. Оно не понимало наших метафизических трудностей и интроспективных исследований. Знало оно только доверие и ложь, веру и неверие, без той нашей колеблющейся свиты более возвышенного бесплотного духа»¹. Стирания национальных и культурных границ в странах Персидского залива в результате глобализации и модернизации не происходит. Арабы допускают формирование западной лингвистической среды среди коренного населения, но сохраняют свои образцы поведения, а расширение границ общения происходит в рамках исламского правового поля. Монархии Персидского залива доказывают, что в ходе модернизации конфликт интересов между коренным населением и охватившим мир процессом глобализации существенно уменьшается, сглаживается, если в обществе есть веками накопленные и бережно оберегаемые знания и установки, выработанные инстинктом самосохранения и обоснованные шариатом.

В странах Персидского залива традиционное арабское общество, имеющее свою социальную систему, взаимодействует с совокупностью социально-экономических (производство ВВП на душу населения, доля детей, посещающих начальную школу, доля городских жителей) и демографических факторов (рост численности населения, соотношение полов) и позволяет выявить особенности влияния указанных факторов на динамику уровня рождаемости в том регионе мира, где большинство населения исповедует ислам, в соответствии с которым влиять на процесс рождаемости в сторону снижения нежелательно.

Автором статьи предложена классификация названных факторов, влияющих на изменение модели воспроизводства населения в специфических условиях арабского общества.

В качестве одной из переменных в классификацию включено соотношение полов (вторичное и третичное)². Этот фактор имеет специфическое значение для стран Персидского залива, где существует устойчивая и значительная диспропорция соотношения полов

¹ Lawrence T.E. Seven Pillars Wisdom. – L., 1962. – P. 36.

² Соотношение полов – демографический показатель, который рассчитывается эмпирически. Существует первичное соотношение полов – численность мальчиков к численности девочек в утробе матери (в среднем 125–135 мальчиков на 100 девочек), вторичное соотношение полов – это численность мальчиков к численности девочек в момент рождения (в среднем 102–108 мальчиков на 100 девочек), третичное соотношение полов – численность мужчин к численности женщин в течение всей жизни.

в пользу мужчин. Она связана с миграционным притоком мужского населения трудоспособного возраста и традиционным типом брачности, характерным для мусульманских стран, в которых высокий уровень рождаемости в близкородственных браках сопряжен с высоким уровнем материнской смертности. Представленная особенность возрастно-половой структуры создает благоприятную для коренных женщин ситуацию на брачном рынке. При высоких показателях разводов в первых браках в странах Персидского залива брачный рынок рассматриваемых монархий обладает притягательной силой для мигрантов-мужчин из арабских и неарабских стран, несмотря на существующие ограничения в отношении постоянной иммиграции и невозможности получения статуса гражданина-подданного с политическими и экономическими правами.

Анализ статистической информации по исследуемым странам позволяет выделить четыре основные фазы процесса снижения суммарного коэффициента рождаемости (СКР).

1-я фаза началась с 1970-х годов. В Катаре, Бахрейне, Кувейте она закончилась к 1975 г., в Омане и Саудовской Аравии просуществовала до 1990 г. В этот период СКР находился на стабильно высоком уровне и превышал семь детей на одну женщину, доля городского населения составляла от 62%; доля детей в начальной школе — до 60%; производство ВВП на душу населения — до 7 тыс. долл. США. При этом рост населения к концу фазы увеличился в два раза по сравнению с ее началом. Представляется, что такое увеличение населения стало некой пороговой величиной, после которой СКР начал снижаться. Соотношение полов в данный период — 125:100 в пользу мужчин.

2-я фаза в Катаре, Бахрейне и Кувейте началась с 1975 г.; в Омане и Саудовской Аравии — с 1995 г. В это время произошло снижение СКР в среднем на 0,5–0,7. Ускорился процесс урбанизации, так что доля городского населения повысилась до 75–80%. Доля детей, посещающих школу, превышала в среднем 75%. Производство ВВП на душу населения составляло в среднем более 7 тыс. долл. США (в Бахрейне — ниже). Ежегодный прирост населения составлял свыше 5% в течение пяти лет (т.е. численность населения утроилась). Соотношение полов (фиксируются исторические максимумы) — 121:100 в течение длительного временного периода.

3-я фаза в Бахрейне, Катаре и Кувейте началась с середины 1980-х годов и продолжалась до 2005 г. Оман и Саудовская Ара-

вия вступили в третью фазу позже – с 2005 г. В этот период наблюдалась устойчивая тенденция к снижению СКР – на 1,8–2,7 рождений на одну женщину к концу фазы по сравнению с началом наблюдения. При этом численность населения возросла в 3,6 раза. Отмечался высокий охват детей начальным образованием (от 96% в период от пяти лет, либо не менее 62% детей в течение длительного периода времени – 15–20 лет). Доля городского населения составляла от 78%. Сохранялся значительный перевес мужского населения над женским (соотношение полов – 117:100). Производство ВВП на душу населения возросло в 2,5 раза по сравнению с началом наблюдения. Его показатель выше 7 тыс. долл. США является величиной, после преодоления которой или при длительной фиксации на которой (10–12 лет) формируется устойчивая тенденция снижения уровня рождаемости при взаимодействии с динамикой вышеперассмотренных факторов.

4-я фаза. Бахрейн, Кувейт, Катар, которые обгоняют другие страны региона в прохождении стадий демографического перехода, вступили в четвертую фазу в середине 2000-х годов. Оман и Саудовская Аравия еще не вступили в эту фазу, снижение уровня рождаемости в них происходит относительно медленно. Для рассматриваемой фазы характерно резкое снижение показателя СКР до трех рождений на одну женщину и ниже. При этом доля детей, охваченных школьным обучением, составляет от 97%; происходит увеличение численности населения в 3,5 раза и более по сравнению с началом рассматриваемого периода; доля городских жителей в населении – от 90% и снижается на 1–2%; производство ВВП на душу населения характеризуется устойчивым ростом в течение относительно продолжительного периода (10 лет) и составляет от 9 тыс. долл. США, диспропорция в соотношении полов находится в интервале от 135:100 до 170:100 в пользу мужчин (состояние стагнации или тенденция к снижению).

Существенный рост указанных факторов или длительное их поддержание на определенном уровне (15–20 лет) при не снижающемся производстве ВВП на душу населения становится фактором ускорения изменения СКР. Повышение качественных характеристик населения оказывает определенное влияние на снижение общего уровня рождаемости даже в странах с сильными консервативными традициями.

Традиционные механизмы и инструменты арабского общества, включая социальную систему стран Персидского залива, выверенные веками, в основе которых лежат правовые нормы шариата,

адаптировались к рыночным механизмам, но сохранили себя. Они способствовали формированию благосостояния населения с помощью исламских традиций: патерналистского отношения к подданным, использования и распределения доходов от продажи природных ресурсов между всеми представителями коренного населения. Сохранение традиционных основ общества на фоне растущего благосостояния стран обуславливает значительные доходы средней арабской семьи и в соответствии с исламскими правовыми нормами позволяет коренному населению поддерживать относительно высокий уровень жизни и быть разборчивым в выборе места работы (подданных монархий среди занятых физическим трудом крайне мало). В отношении недропользования исламское право утверждает суверенные права государства на регулирование деятельности, связанной с добычей и переработкой полезных ископаемых, но требует использования этих ресурсов в интересах всех членов общества.

Таким образом, доходы от нефти рассматриваются как общенациональное достояние. Инструменты указанных традиций объединили большие арабские семьи общим экономическим бюджетом: государства выплачивают «природную ренту» подданным, те полученный доход вкладывают в семейный бизнес и управляют им при государственной поддержке. Такая доктрина в распределении ресурсов в сочетании с сохранением родоплеменной структуры общества и традиционной для монархий социальной модели «отец нации – дети» обеспечивает приоритет коренного населения стран Персидского залива в области трудоустройства, оплаты труда, получения образования, предоставления социальных гарантий. Среди прочего, это способствует снижению смертности от несчастных случаев и уменьшает стрессовые нагрузки.

С момента своего создания в 1981 г. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в качестве первоочередных задач определил развитие здравоохранения, чтобы преодолеть распространенные заболевания: малярию, проказу, трахому, дифтерию и т.д. Межгосударственное сотрудничество в сборе демографической информации является одним из приоритетных направлений деятельности ССАГПЗ. Оно осуществляется, в частности, путем проведения общерегиональных выборочных обследований здоровья детей GCHS (Gulf Child Health Survey) в странах Персидского залива, включая Ирак. Такие обследования подразумевают анализ существующей демографической ситуации, главным образом в динамике детской и младенческой смертности,

так как по указанным показателям нефтяные монархии Аравии несколько десятилетий назад занимали последние места в мире. До начала 1970-х годов система медицинского обслуживания населения в рассматриваемых странах практически отсутствовала.

Благодаря ССАГПЗ в течение последних четырех десятилетий были предприняты активные совместные действия стран Персидского залива для борьбы с эпидемиологическими заболеваниями и создания системы здравоохранения. На фоне развития химической и фармацевтической промышленности стимулируется национальное производство лекарственных препаратов, осуществляется региональная кооперация в фармацевтической области, действует единая система закупки медикаментов в третьих странах, что позволяет получить широкий ассортимент качественных лекарств и умеренные цены на них. Также проводятся широкие кампании по вакцинации населения, особое внимание направляется на развитие здравоохранения и наличие занятости в нем коренного населения.

Конкретным примером сотрудничества стран Персидского залива стал проект по борьбе с малярией в регионе. В рамках единой организации – Совета министров здравоохранения арабских государств Персидского залива, учрежденной в 1976 г., была создана комиссия из компетентных специалистов-медиков, а в каждом государстве – национальные комитеты, включающие представителей государственных и местных властей. В 1980 г. был создан Фонд по борьбе с малярией. Комиссия разработала единую систему закупки медикаментов за границей, которая позволила добиться обеспечения высокого качества лекарств и справедливых цен.

Правительства стран Залива не жалели средств на создание современной системы здравоохранения, увеличивая ассигнования на эти цели и объявив медицинские услуги бесплатными для подданных. Коренное население является приоритетом для правителей стран Персидского залива. Права неграждан ограждает законодательство в миграционной сфере. Мигранты в случае необходимости получают медицинскую помощь в определенных пределах, прописанных в трудовом договоре с работодателем. Однако она не является для них бесплатной.

Проведение массовой вакцинации коренного населения, внедрение эффективных и качественных медикаментов, создание современной системы здравоохранения способствовали установлению контроля над внешними факторами смертности. В 1990-е годы приоритет был отдан охране здоровья матери и ребенка.

В Саудовской Аравии, Кувейте и ОАЭ на государственном уровне была поставлена задача по снижению младенческой и детской смертности. Особые меры были предприняты для снижения детской заболеваемости. Массовая вакцинация против полиомиелита среди детей в возрасте от 9 мес. до 18 лет проводилась в ОАЭ в 1998–1999 гг. В результате были вакцинированы более 750 тыс. человек¹. С 1999 г. заработала программа, направленная на повышение иммунитета детей, страдающих гемофилией (широкое распространение этого заболевания связано с высоким процентом близкородственных браков в аравийских странах). К концу 1990-х годов в ОАЭ удалось ликвидировать заболеваемость дифтерией среди детей². Начиная с середины 1990-х годов в ОАЭ создается система охраны здоровья школьников – специализированные детские медицинские центры, в которые только в течение 1998/99 уч. г. обратились почти 195 тыс. учащихся из 388 школ, в 2005 г. функционировало не менее 115 подобных центров³.

Несомненным достижением рассматриваемых стран является предоставление государственных гарантий по бесплатному лечению для коренного населения. Даже в проблемные для нефтяных монархий 1980-е годы, когда цена на нефть на мировом рынке была низкой, в Кувейте и ОАЭ лечение оставалось бесплатным (но была введена плата за пребывание в больнице). В результате первая фаза эпидемиологического перехода во всех странах Персидского залива была преодолена: в Кувейте, в Бахрейне и ОАЭ – в первой половине 1980-х годов, десятилетием позднее – в Катаре, Омане и Саудовской Аравии. Однако статистические данные по странам Персидского залива ограничены, нет подробной информации о смертности по определенным причинам, поэтому трудно судить о соотношении «экзогенных» и «эндогенных» причин смерти. В странах Персидского залива вторая и третья фазы эпидемиологического перехода проходят почти одновременно; они протекают в условиях регионального взаимодействия, устойчивого роста производства ВВП на душу населения и увеличения государственных расходов на здравоохранение при непосредственном участии Совета министров здравоохранения ССАГПЗ. В начале

¹ The UAE Ministry of Information and Culture: The UAE Yearbook 1999. – L., 1999. – P. 214.

² Ibid. – P. 212.

³ The UAE Ministry of Information and Culture: The UAE Yearbook 2005. – L., 2005. – P. 242.

2000-х годов на первый план вышли вопросы борьбы с эндогенными факторами смертности, и основной упор делался на социально-культурные факторы повышения уровня жизни и улучшения экологической среды.

Сохраненные механизмы традиционного исламского общества в сочетании с качественными и современными методами в здравоохранении оказались эффективными в борьбе за увеличение ожидаемой продолжительности жизни, за здоровье и жизнь детей и матерей. В настоящее время показатель младенческой смертности в Кувейте и ОАЭ лишь незначительно выше, чем в развитых странах Европы. Но поскольку в странах Персидского залива приветствуются близкородственные браки, генетические отклонения у новорожденных оказываются существенно выше, что оказывает отрицательное влияние на уровень младенческой смертности.

Динамика младенческой смертности оказывает сильное влияние на рост средней продолжительности предстоящей жизни. Снижение младенческой смертности зависит от целого ряда социально-экономических факторов: улучшение здравоохранения, повышение социально-гигиенических условий и культуры населения. В засушливых регионах на уровень младенческой смертности оказывает воздействие такой специфический фактор, как снабжение населения качественной питьевой водой. В первом десятилетии XXI в. качественной питьевой водой было обеспечено население большинства рассматриваемых в статье государств, кроме Омана и Саудовской Аравии, где сохранилась существенная доля коренного населения, ведущего кочевой образ жизни.

На основании имеющихся статистических данных автором была проанализирована динамика производства ВВП на душу населения, динамика показателей уровня образования среди девочек и взрослых женщин, доля городского населения и влияние этих социально-экономических факторов на уровень младенческой смертности.

Было установлено, что поддержание в течение длительного периода времени (от 20 лет) производства ВВП на душу населения (свыше 7000 долл. США), доли населения, проживающего в городах (выше 75%), доли девочек, посещающих школу (выше 65%), и последовательное снижение доли неграмотных взрослых женщин (ниже 35%) способствуют формированию устойчивой тенденции снижения коэффициента младенческой смертности. Во всех странах Персидского залива произошло значительное сокращение младенческой смертности на фоне роста производства ВВП на

душу населения и роста доли городских жителей, снижения доли неграмотных взрослых женщин и увеличения доли девочек, посещающих начальную школу, в условиях сохранения традиционных основ и механизмов исламского общества. Социально-экономический фактор, такой как производство ВВП на душу населения, достигая в среднем 25%–35% от уровня производства ВВП на душу населения развитых стран мира при положительной своей динамике, влияет на процесс воспроизводства населения в традиционном обществе в среднем через 15 лет. Государство патерналистски относится к подданным и нацелено на развитие населения, приветствуя качественные разработки, услуги и конечные продукты в системе образования и здравоохранения. Сохраняющиеся нормы традиционного исламского общества, противодействующие распространению пагубного воздействия западного стиля городской жизни, в сочетании с качественными методами в здравоохранении и значительным улучшением условий жизни, оказались эффективными в борьбе за жизнь. Во всех рассматриваемых монархиях создана современная система здравоохранения, причем в значительной степени ее развитие – это результат скоординированных действий стран в рамках ССАГПЗ.

Литература

1. Galal O., Qureshi A. Regional Inequality in Under-Five Mortality in the Arab World, 1960–1994: The Arab Regional Population Conference, Cairo, 1996. – Cairo, 1996. Vol. 2.
2. Lawrence T.E. Seven Pillars of Wisdom. – L., 1962.
3. Rashad H., Khadr Z. The Demography of the Arab Region: New Challenges and Opportunities // Human Capital: Population Economics in the Middle East / Ed. by I. Sirageldin. – Cairo, 2002.
4. The UAE Ministry of Information and Culture: The UAE Yearbook 1999. – L., 1999.
5. The UAE Ministry of Information and Culture: The UAE Yearbook 2005. – L., 2005.
6. United Nations: Demographic Yearbook 1991. – N.Y., 1992.
7. United Nations: Demographic Yearbook 1995. – N.Y., 1996.
8. United Nations: Demographic Yearbook 2001. – N.Y., 2002.
9. United Nations: Demographic Yearbook 2003. – N.Y., 2004.
10. United Nations: Demographic Yearbook 2008. – N.Y., 2009.
11. United Nations: World Population Ageing 2007. – N.Y., 2008.

«Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика», М., 2013 г., № 3, с. 114–120.

А. Ананьев,
аспирант (Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского)
**ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР НА БАЛКАНАХ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ**

Ислам широко распространился на территории Балкан, которые всегда отличались сложной этноконфессиональной картиной. Высокая рождаемость у мусульман, кризис традиционных европейских сообществ и фрагментация христианского мира определяют современные международные отношения в регионе [16]. Сегодня одной из наиболее актуальных в Европе остается проблема совместимости европейских ценностей и политического ислама. Существуют две точки зрения. Первая: в фокусных зонах, ключевой из которых являются Балканы, происходит столкновение цивилизаций. Вторая делает акцент на распространении идей толерантности и мультикультурализма, способствующих сближению цивилизаций. С этим категорически не согласен Сэмюэль Хантингтон, который утверждает, что конфликт между исламом и христианством неизбежен [2, с. 35–39]. Несомненно, рост религиозного фундаментализма среди европейских мусульман после военных конфликтов в регионе создал подходящие условия для политизации ислама в Европе. Сейчас будущее Европы уже во многом зависит от тенденций в развитии ислама на Балканах, так как ислам здесь превратился в существенный фактор общественно-политической жизни [13].

Сам термин «политический ислам» по-разному трактуется исследователями, которые используют его при описании различных явлений в религиозной и общественно-политической сферах. Известный политический аналитик Грэхем Фуллер ставит знак равенства между «политическим исламом» и «исламомизмом», при этом под исламистами подразумевая тех, кто считает, что ислам должен регулировать общественно-политические процессы и определять курс политики, которую должен проводить исламский мир [1, с. 227]. «Исламский фундаментализм», в свою очередь, используется при определении позиции только тех мусульман, которые дословно воспринимают Коран и негативно относятся к представителям других конфессий. Политический ислам является религиозным обрамлением той или иной идеологической позиции, при этом он сохраняет нейтральную позицию по отношению к

внешнему миру. Тем не менее он играет важную роль только в том случае, когда его используют те или иные политические силы для достижения своих целей. Политический ислам тесно связан со многими современными политическими, социальными и экономическими проблемами, которые наблюдаются на Балканах. Главная причина активизации политического ислама в данном регионе заключается в моральном и духовном упадке мусульманских сообществ. Исследование новых векторов в развитии политического ислама на Балканах позволяет говорить о значительных переменах, которые происходят внутри исламской цивилизации, одним из центров которой являются Балканы.

Усиление влияния политического ислама определяется словом «нахда», под которым понимается исламское возрождение, сочетающее в себе целый комплекс внешнеполитических, этноконфессиональных и цивилизационных факторов: политических, психологических и экономических [10]. На данный момент существует три направления исламизации Балканского полуострова. С одной стороны, Турция, считающаяся духовной родиной балканских мусульман, усиливает свое влияние на Балканах с помощью так называемой политики неоосманизма. С другой стороны, происходит постепенное усиление военизированных группировок, появляется множество теологов из стран Ближнего Востока, которые ведут пропаганду среди мусульманского населения Балканского полуострова. Третий вектор влияния на процессы исламизации – финансирование радикальных движений ислама, в основном Саудовской Аравией и другими мусульманскими государствами, а также международными фондами. Данное направление стимулирует потоки миссионеров, которые выступают за ислам гораздо более радикального типа, чем тот, который распространен на Балканах сегодня.

Несомненно, новые теологические движения на Балканах различаются идеологическими основами. С одной стороны, в регионе пытаются распространить свое влияние ваххабиты, рассматривающие всех немусульман в качестве врагов. С другой стороны, на Балканах развивается новое направление деобандизма, исламского научного центра в Индии, который не имел раньше связей с Балканами, но в последнее время приобретает все больший авторитет среди мусульман. Сегодня мы можем говорить о многообразии исламистских движений. При этом нужно подчеркнуть, что политический ислам не представляет собой единой идеологии. Тем

не менее можно выделить в нем два основных направления: исламский радикализм и исламский либерализм.

Исламский радикализм ставит во главу угла при достижении своих задач применение насильственных действий, иногда террористической практики и представляет относительно небольшой сегмент исламского сообщества. Исламские фундаменталисты буквально и однобоко толкуют Коран, при этом их главной целью является создание трансграничного панисламского государства, объединяющего все мусульманские народы, независимо от их национальности, которые будут жить там по законам шариата. В наше время на Балканах имеются значительные этноконфессиональные и экономические проблемы, способствующие появлению радикальных религиозных организаций, которые рекрутируют мусульманскую молодежь в свои ряды. Мировое сообщество уже давно обратило свое внимание на существование в странах Европы хорошо развитых террористических сетей и разного рода радикальных групп, использующих ислам в своих целях. Различные общественные организации и фонды часто докладывают об их деятельности на территории Европы. Балканские мусульмане, по большей части являющиеся продолжателями исламских традиций Османской империи, всегда с осторожностью относились к разного рода «новомодным» течениям фундаменталистского и экстремистского толка. Тем не менее в последнее время эти течения предприняли решительную попытку закрепиться на Балканах, причем сегодня радикальные группы делают ставку не на террористические акции, а на пропаганду своих идей среди широкой аудитории посредством СМИ, которые играют не последнюю роль в привлечении новых сил, способных дестабилизировать ситуацию в регионе. Телеканал «Pease TV» («Мир»), созданный фундаменталистом Закиром Наиком, является мощным средством пропаганды в Косове, где проживает 90% мусульман. В эфир выходят пропагандистские телепрограммы, которые служат эффективным средством в новой кампании по усилению позиций радикальных движений ислама в регионе. Данные телепередачи носят ваххабитский характер, они призывают к агрессии против суфиев, мусульман-шиитов, суннитов нефундаменталистского толка, евреев, христиан, индуистов и других «неверных». Популяризация проповедей радикальных движений привела к увеличению числа проповедников, направленных в Македонию, Боснию и Герцеговину, Черногорию и Сербию из Саудовской Аравии и других стран Персидского залива, которые осуществляли финансирование телеканала. Телека-

нал «Мир» функционирует в Косове под руководством «Центра исламских исследований», тайной организации, имеющей источники финансирования. Закир Наик, выступающий в качестве проповедника идеологии салафитов, публично давал высокую оценку терроризму и действиям Усамы бен Ладена, за что был подвергнут критике мусульманского сообщества.

Эксперты считают организацию вещания «Rease TV» частью целенаправленной кампании, проводимой исламистами из Южной Азии [18]. Целью кампании является создание плацдарма для расширения влияния среди европейских мусульман. В рамках реализации этого плана многие радикальные исламистские проповедники, главным образом из Саудовской Аравии и стран Персидского залива, уже переехали в Македонию, Боснию и Герцеговину, Черногорию и Сербию. Сегодня на Балканах проводится политика, направленная на замещение местных имамов и религиозных учителей, что должно привести к конфликтам внутри исламского сообщества мусульманских регионов на Балканах. Подтверждением этого являются увольнения профессоров из вузов региона, многочисленные протесты и взаимные обвинения. Активность радикальных организаций зачастую проходит под лозунгом «очищения» мусульман и в значительной степени направлена против суфиев. Некоторое время назад радикальные движения и организации на Балканах действовали в основном скрытно, но сегодня их активность в регионе значительно усилилась. Исламисты считают, что в регионе, где мусульмане составляют большинство и, соответственно, есть готовая аудитория, их идеи обязательно найдут поддержку хотя бы среди части последователей ислама.

Для Балкан эта ситуация является принципиально новым вызовом. Анализируя ее, приходится констатировать, что противостоять агрессивной пропаганде паразитирующих на религии экстремистов, по крайней мере на первых порах, придется именно мусульманам. До сих пор исламское сообщество региона демонстрировало достаточно сильное стремление защитить религиозные традиции своих предков от нововведений, которые распространяют по миру салафиты и их сторонники, прикрываясь необходимостью возврата к истокам. Но весь вопрос в том, смогут ли коренные мусульмане Европы быть последовательными в своих действиях или же впадут в заблуждение, когда активность исламистов в регионе достигнет своего пика.

По мнению Ирфана аль-Алави, сотрудника Института международной политики Гейтстоуна, «умеренный исламизм» на Бал-

канах стал приобретать черты экстремизма и радикализма, подтверждением чего является усиление потока ваххабитов в данный регион, что придает новое направление исламскому возрождению на Балканах [21].

С другой стороны, работа с населением ведется не только в Косове, но и в Боснии и Герцеговине, которые ощущают на себе новую волну исламизации. По мнению профессора социологии университета в Баня Луке (Республика Сербская в составе Боснии и Герцеговины) Ивана Шияковича, в Боснии, так же как и в Косове, после военных действий появились новые течения из исламского мира (Саудовской Аравии и Ирана). После конфликтов на данной территории часть мусульман перешла от умеренного к радикальному исламу. Целью радикальных движений на Балканах является создание монорелигиозного мусульманского государства.

О напряженной ситуации, сложившейся в последнее время на Балканах, говорит и бывший посол Югославии в Турции и Азербайджане Дарко Танаскович. По его мнению, причина данной ситуации заключается в политических и социальных проблемах последних 20 лет, во время которых произошло усиление радикального ислама, ярким подтверждением чего является заполнение образовавшейся идеологической пустоты в регионе политическими программами.

С другой стороны, можно говорить о наличии на Балканах версии либерального ислама, который признает ценности демократии, права человека, совместимость многих конфессий с исламом [13]. Главная идея либерального ислама основывается на мультикультурализме, с помощью которого можно так интерпретировать религию, чтобы выработать понимание ислама, которое будет совместимо с большинством современных европейских ценностей. Для достижения данной цели предлагается использовать «иджтихад», под которым понимается применение базовых принципов к новым ситуациям, которые не встречались ранее.

Политический ислам часто ассоциируется с такими мусульманскими идеологами, как Хасан аль-Банна и Сейид Кутб, которые считали, что необходимо бороться за возврат к первоначальному, подлинному исламу и создать исламское государство, что стало основой программных документов многих исламистских группировок. На Балканах можно отметить деятельность бывшего лидера боснийских мусульман Алии Изетбеговича, спроектировавшего «Исламскую декларацию», после публикации которой начался вооруженный конфликт на территории Боснии и Герцего-

вины [3, с. 5–20]. У идей создания общего государства для мусульман и объединения территорий в «Дар аль-ислам» (мусульманский мир, территория ислама) есть сторонники и на Балканах.

Исламская революция в Иране в 1979 г., совершенная при реализации концепций имама Хомейни, стала мощным толчком для развития политического ислама во всех странах, где проживают мусульмане. В соответствии с концепцией Хомейни мир делится на «Дар аль-ислам» (мусульманский мир, территория ислама), «Дар аль-Харб» (мир войны и безбожия) и промежуточный между ними «Дар ас-сулх» (дом мирного договора, где власть принадлежит немусульманам, но мусульмане пользуются защитой и религиозной свободой). Балканы в этом ключе рассматриваются радикальными организациями как «Дар аль-Харб», на территории которого все мусульмане должны вести борьбу с «неверными».

Говоря о Балканах, мы можем выделить некоторые зоны, в которых политический ислам проявляет себя по-разному. Что касается Боснии и Герцеговины, то в данном государстве мусульманское сообщество также проявляет политическую активность. Недавно в Сараеве была образована новая политическая партия под руководством консультанта министра образования Адмира Поздеровича. Основа ее идеологии – приверженность к Корану и Сунне. Это событие вызвало значительный резонанс в боснийском сообществе, так как лидер новой партии также является автором книги под названием «Столкновение цивилизаций в XXI в. и победа ислама в соответствии с предсказаниями Пророка Мухаммада». Политизация ислама в Боснии и шариатские принципы устройства новой партии вызвали значительное недовольство среди сербского и хорватского населения страны.

Значительный резонанс получило создание новой исламской партии в Косове под названием «Башкоху», или исламское движение «Присоединение», под руководством Фауда Рамики и Арсима Красники. С одной стороны, Себ Бытычи, исполнительный директор Балканского политического института, говорит о том, что «партия не может быть запрещена только из-за своей идеологии». С другой стороны, омбудсмен Косова Сами Куртеши заявляет, что «если это движение будет зарегистрировано в качестве политической партии, это будет противоречить Конституции и ряду законов» [20]. «Weekly Standard», в свою очередь, заявляет, что члены исламских группировок, финансируемых Саудовской Аравией и «Братьями-мусульманами», занимают самые высшие уровни политического истеблишмента в Косове, что вызывает недовольство

местных мусульман. Далеко не все мусульмане в Косове приветствуют пропаганду религиозного фундаментализма в крае. Многие считают ислам своей национальной религией, но при этом соблюдают не все религиозные традиции.

«Балканский ислам», практикуемый албанцами, обретает новые черты и в связи с последними событиями в Косове [11, с. 34–39]. Деятельность религиозных сообществ в Косове, Македонии и Албании может привести к усилению активности различных сепаратистских движений на Балканах. Албанский ислам значительно отличается от ислама, практикуемого в странах Ближнего Востока, тем не менее политизация ислама на Балканах в 90-е годы заслуживает особого внимания, так как именно в это время был образован целый ряд партий, лоббировавших интересы мусульман. Самыми влиятельными из них стали «Демократическая лига Косова» косовских албанцев, «Движение за права и свободу» болгарских турок, «Партия демократического действия» боснийских мусульман и «Партия демократического благоденствия» македонских албанцев.

Что касается Турции, то сегодня пантюркизм, пройдя значительные изменения от историко-философской концепции до политических программ, стал одним из влиятельных идеологических и политических инструментов для воздействия на тюркоязычные и мусульманские народы Балкан. Тем не менее ислам в Турции во многом является символом национальной самоидентификации и исторических традиций, поэтому ее внешнеполитический курс имеет несколько направлений: вступление в ЕС и восстановление позиций Османской империи, что является причиной разногласий в турецком сообществе.

По заявлениям многих исследователей, Турция проводит политику неоосманизма на Балканах, делая пантюркизм и панисламизм инструментами идеологического влияния на тюркоязычное и мусульманское население, проживающее в Балканских странах [9]. Духовный вакуум после распада бывшей Югославии заполнялся различными религиозными течениями, что способствовало экспансии Турции в данный регион, а также включению Балкан в сферу своих внешнеполитических интересов. Через Балканы Турции открывается путь в Европу, при этом эффективное манипулирование религиозными меньшинствами, проживающими на данной территории, является важным направлением ее политики в регионе. Мусульманские меньшинства, преимущественно турецкого происхождения, а в меньшей степени и славяне-мусульмане,

являются объектами открытой пропаганды национализма и идей радикального ислама со стороны исламских государств и реваншистских настроений Турции в данном регионе [5, с. 145–171]. Политика Анкары направлена на замену религиозных элементов культуры славян, когда-то принявших ислам, на этнические, что напрямую связано с отождествлением меньшинств с турецким этносом. Сегодня смена религиозной идентификации на этническую осуществляется посредством множества фондов, которые расположены на данной территории. Исходя из исторической ретроспективы, можно проследить попытки возвращения к Османской империи балканских мусульман и получения контроля над ними, но на новой основе и в современных формах, посредством экономического и религиозного влияния.

Министр иностранных дел Турции, Ахмет Давутоглу, определил внешнеполитические ориентиры Турции на Балканах в своем исследовании под названием «Стратегическая глубина: международное положение Турции» [7]. Одной из важных внешнеполитических задач региональной политики Турции на Балканах является поддержание баланса сил, который позволит сохранить ей свои позиции в регионе. Проект неоосманизма предполагает включение в орбиту турецкого влияния многих стран, и даже нетюркоязычных, исламских или духовно близких народов, которые уже давно попадают в фарватер внешней политики Турции. Турция стремится трансформировать свои стратегические интересы, проводя форсированную внешнюю политику на балканском направлении, выступая посредником между исламским сообществом и представителями других цивилизаций, одновременно используя их для политической и экономической экспансии [15].

После распада Югославии балканским мусульманам был нужен новый геополитический лидер, которым и стала Турция, постоянно проявляющая свои региональные амбиции, сочетающие элементы национального, религиозного или политического характера, что вывело Турцию на совершенно новый уровень взаимоотношений с Балканскими государствами. В 1998 г. встреча так называемого «Стамбульского клуба» определила дальнейшее развитие внешней политики Турции [14], основой которой стал такой термин, как «османские этносы».

У самих балканских мусульман отсутствует единая точка зрения на инициативы исламского мира на Балканах [17]. Многие мусульмане не рассматривают Турцию в качестве самого важного партнера во внешней политике, так как расширение ЕС на Балка-

нах является наиболее приоритетной задачей. По мнению балканских мусульман, Турция выполнила свою роль в конфликтах с участием мусульман на данной территории, но теперь многие из них хотят ориентироваться на европейскую цивилизацию. В свою очередь, принадлежность балканских мусульман к исламской цивилизации активно использовалась их политическими элитами с целью получения помощи от мусульманских государств, в том числе и от Турции. Местные политические элиты мусульман, в свою очередь, пытаются установить более тесные контакты с арабскими странами Ближнего Востока и получить их поддержку. Большие надежды также возлагаются на государства, которые являются членами «Организации исламского сотрудничества».

Что касается роли ближневосточных государств, Саудовская Аравия, основным направлением политики которой является поддержка мусульман всего мира, не могла остаться в стороне при решении вопроса, связанного с косовскими албанцами [17, с. 1–4]. Кроме Саудовской Аравии другие государства Ближнего Востока проводили схожую политическую линию на Балканах. Исламизацией региона занимались также такие страны, как Египет и Объединенные Арабские Эмираты, которые не только оказывали гуманитарную помощь, но и способствовали распространению радикальных идеологий. Иран оказал значительное содействие боснийским мусульманам, поставляя оружие, оказывая гуманитарную помощь беженцам и восстанавливая мечети. В Боснии и Герцеговине вели работу иранские инструкторы и советники, входившие в корпус «Стражей исламской революции» [19, с. 26].

Эскалация кризиса в Косове принудила исламские государства Ближнего Востока к проведению форсированной внешней политики в регионе. Страны Персидского залива, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты, стали направлять значительные финансовые потоки на Балканы. Впоследствии многие мусульманские регионы оказались под значительным влиянием Ирана и других стран исламского мира [8].

Для участия в военных действиях в 1993 г. в Боснии и Герцеговине был создан отряд моджахедов «Эль-Муджахедин». Изначально боевики были объединены в несколько отрядов – «Эль-джихад», «Зелена легия», «Герила», «Эль-Моджахедин», «Мудериз» [6]. С другой стороны, местная молодежь, идеологизированная представителями радикальных течений, не могла не поддержать ислам и не начать джихад, поверив в религиозную суть войны в Боснии. После военных действий в Боснии и Герцеговине

возникла организация «Исламске омладине» («Организация исламской молодежи»), участники которой впоследствии были направлены в Косово, Чечню, Афганистан и Ирак [4].

На территории Балканского полуострова, особенно в регионах проживания мусульман, действует значительное количество благотворительных фондов и организаций. Такие фонды, как «Аль-Харамейн», «Комитет помощи Косову и Чечне», «Косовский комитет помощи», фонд «Аль-Вах аль-Ислами», под прикрытием религиозно-просветительской деятельности по изучению Корана способствовали распространению идей религиозной нетерпимости. Прикрываясь идеями умеренного ислама и религиозной толерантности, агитаторы фондов стремятся изменить мировоззрение местной исламской общины. В свою очередь, верующие, посещавшие новые мечети, рассматривались как потенциальные кадры для вербовки в террористические организации. При этом отмечается весьма интенсивная подготовка нового поколения, которое может вести войну за веру. Саудовская Аравия и Иран, а также исламское движение «Хезболла» работали над созданием на Балканах религиозно-политической силы, которая способна изменить контуры этноконфессиональных и территориальных границ на полуострове.

Исходя из всего вышеуказанного, можно сделать вывод о том, что сегодня ислам на Балканах стал серьезным политическим фактором, оказывающим влияние на современные международные отношения в регионе. Неоднородность исламской цивилизации, разногласия внутри нее не помешали созданию мусульманских государств на Балканах, напротив, балканские мусульмане получили поддержку всего исламского сообщества. На Балканах политический ислам превратился в ключевой инструмент реализации устремлений мусульманского сообщества, при этом он перестал быть религией в ее классическом понимании, и сегодня используется в качестве политической идеологии с целью получения контроля над определенными регионами.

Возрождению ислама на Балканах во многом способствовали внешние факторы, так как нововведения в религиозной жизни балканских мусульман импортировались в регион из стран исламского мира, прежде всего из Саудовской Аравии, Иордании, Ирана и Турции. Саудовская Аравия, со своей стороны, была заинтересована в расширении ареала распространения ислама и вовлечения в орбиту своих геополитических интересов всех исламских сообществ, включая и те, которые расположены на Балканах. Именно

поэтому внешние факторы в исламизации региона играют ведущую роль. Турция проводит форсированную внешнюю политику на Балканах, при этом используя так называемые «османские этносы» для усиления своего влияния в регионе. Исламский фактор находит свое отражение в стратегических интересах Турции на Балканском полуострове и по мере необходимости используется при решении ключевых вопросов, связанных с этноконфессиональными конфликтами на рассматриваемой территории.

В жизни населения полуострова permanently участвуют религиозные организации и фонды, которые распространяют свою идеологию в Балканских государствах, привлекая значительное количество мусульман в свои ряды. Развитие тех или иных тенденций в исламском мире может повлиять на будущее стран Балканского полуострова, которое непосредственно зависит от участия исламской цивилизации в международных отношениях в данном регионе.

Литература

1. Graham E. Fuller. The future of political islam (New York: Palgrave Macmillan, 2003). – XIX, 227 p.
2. Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order/Samuel P. Huntington. New York, Simon & Schuster, 1996. – С 35–39.
3. Izetbegovic□. A. Islamska deklaracija (Mala muslimanska biblioteka) – Bosna, 1990.
4. Асламова Д. Почему Европа становится исламской? // <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=7&id=8550> (Дата обращения: 07.10.13.)
5. Бранде М. Проблемы формирования национальной идентичности балканских мусульман: История и современность. Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – 2002. – № 4. – С. 145–171.
6. Валецкий О. Исламский экстремизм. Сделано в Боснии // <http://www.bbratstvo.com/magazine/archive/2008/04/182> (Дата обращения: 20.10.13.)
7. Гаджиев А. К вопросу о роли НАТО в формировании региональной политики Турции на Балканах. Институт Ближнего Востока // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/20-07-10.htm> (Дата обращения: 05.09.13.)
8. Дергачев В. Мониторинговый доклад «Института геополитики профессора Дергачева». Геополитическая трансформация юго-восточной Европы // <http://www.dergachev.ru/publicist/balkan.html> (Дата обращения: 20.10.13.)
9. Димлевич Н. Турецкая политика неоосманизма на Балканах. Институт религии и политики // <http://i-r-p.ru/page/stream-document/index-26015.html> (Дата обращения: 16.10.13.)
10. Долгов Б. Политический ислам в современном мусульманском мире. Фонд исторической перспективы // <http://www.perspektivy.info/misl/idea/poli->

ticheskii_islam_v_sovremennom_musurmanskom_mire_2007-10-04.htm (Дата обращения: 14.10.13.)

11. Евтич М. Ислам необходимо знать // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 12. – С. 34–39.
12. Косач Г. Саудовское признание Косово: возможные последствия осуществленного королевством шага // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/04-05-09.htm> (Дата обращения: 04.09.13.)
13. Крылов А. Европеизация ислама или исламизация Европы? Агентство религиозной информации «Благовест-инфо» // <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=24&id=12275> (Дата обращения: 17.09.13.)
14. Милошевич З. Неооттоманство – новая внешняя политика Турции // <http://www.srpska.ru/article.php?nid=13307> (Дата обращения: 05.10.13.).
15. Мурадян И. Доктрина «неоосманизма» и актуальная политика Турции // <http://geopolitica.ru/Articles/269/> (Дата обращения: 20.10.13.)
16. Нарочницкая Н. Исламский мир: Геополитическое и цивилизационное соперничество // <http://www.pravoslavie.ru/analit/islammir.htm> (Дата обращения: 16.10.13.)
17. Наумкин В. Ислам как коллективный игрок? // Международные процессы. – № 10). Январь-апрель – 2006. – С. 1–4.
18. Плешунов Ф. Исламисты наращивают свое присутствие на Балканах. Институт Ближнего Востока <http://www.iimes.ru/?p=15671> (Дата обращения: 20.10.13.)
19. Ушаков В. Иран и конфликты на Балканах. Ближний Восток и современность. Вып. 8. ИИИиБВ. – М., 1999.
20. Церковно-научный центр Седмица.RU. Мусульмане Косово создали первую на Балканах радикальную исламскую партию // <http://mission-center.com/ru/serbia/12870-gon-serbiy-sozd-rad-islam-partii> (Дата обращения: 07.10.13.)
21. Чувакин О. Балканский исламизм: в ногу со временем // <http://topwar.ru/20194-balkanskiy-islamizm-v-nogu-so-vremenem.html> (Дата обращения: 05.10.13.)

«Исламоведение», Махачкала, 2013 г., № 4, с. 9–17.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Х. Аятоллахи,

философ

Университет Алламеха Табат абайи (Иран)

ВОЗМОЖНОСТЬ, СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ СРАВНЕНИЯ МЕЖДУ ИСЛАМСКОЙ И ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИЯМИ

Современная исламская философия, которая не движется в сторону философского тупика Аверроэса, достигла немалых улучшений, развиваясь в рамках иранской шиитской культуры. В этой статье я рассмотрю возможность, смысл и значение сравнительных исследований, касающихся западной и исламской философий. Хотя мы можем наблюдать известную активизацию деятельности в этой области, налицо и некоторые препятствия, которые должны быть преодолены. Эти трудности возникают из-за герменевтического значения проблемы и культурных различий, а также различий в подходах к одним и тем же проблемам. Подобные обстоятельства вызывают сомнения в возможностях сравнительной философии. Но если бы это было так, то было бы бессмысленно добиваться какого-либо взаимопонимания. Далее я рассмотрю пять значений сравнительного сопоставления западной и исламской философий, некоторые из которых не могут быть плодотворны, зато другие приближают модернизацию взаимопонимания и способствуют более тесному сотрудничеству с целью совершенствования философских теорий.

1. Что такое современная исламская философия?

В современных мусульманских странах наблюдается весьма разнообразное отношение к философии. Поэтому прежде чем переходить к конкретной ситуации в современной исламской фило-

софии, мы хотели бы перечислить несколько направлений, в рамках которых можно обнаружить особенности идентичности современной философской деятельности. Далее мы попытаемся охарактеризовать исламскую философию, практикуемую в Иране. Однако в первую очередь мы должны упомянуть, что различные подходы к философии в исламском мире по существу связаны с различными интерпретациями собственно отношений между исламом и философией¹. Среди этих интерпретаций мы находим следующие²:

1. Отказ от философии и любого рационального подхода к религиозным учениям при акцентировании обычного значения Корана и хадисов (салафитский подход).

2. Газалийский подход, т.е. то, что мы могли бы назвать философским отказом от философии. Он распространен в Малайзии и Индонезии, однако имеет важное сходство с движением тафкик (разделение) в Иране.

3. Мистический подход – популярен в Турции и таких странах Северной Африки, как Марокко и Тунис.

4. Возрождение исламского философского наследия IX–XIII вв. Мыслители, заинтересованные в подобном возрождении, скорее комментаторы, чем собственно философы. Эта позиция особенно сильна в школах и отделениях исламской философии в арабских странах, которые отвергают подход салафитов.

5. Прозападный современный подход к философии в исламских странах и в других частях мира. Среди представителей этого подхода мы находим таких мыслителей, как Мухаммад Аркун, Хасан Ханафи, Наср Хамид Абу Зайид, Али Мазроуи, Абдолкарим Соруш. Для них характерен скорее светский подход, основанный на различных западных философских концепциях.

6. Более идеологический подход представлен мыслителями, которые пытаются найти решение практических проблем, влияющих на мусульманский мир; этот подход базируется на предположении, что лучший способ действия – это содействие возвращению к традиционной доктрине ислама.

¹ Хасан Ханафи в своей книге «Ислам в современном мире. Религия, идеология и развитие» классифицировал эти интерпретации (с. 457–561). Я полагаю, что он представил некоторые, но проигнорировал другие, которые я рассмотрю далее.

² См.: Ayatollahy Hamidreza. Philosophy in Contemporary Iran // Revista Portuguesa de Filosofia. Vol. 62, № 2–4, April–December 2006.

7. Подход традиционалистских мыслителей, таких как Рене Генон, Фритьоф Шуон и Наср.

8. Подход трансцендентной философии – философия Муллы Садр в Иране, а также в Пакистане и Индии.

2. Происхождение современной исламской философии

В прошлом интерес западного мира к изучению исламской философии был в основном сосредоточен на вопросе активного влияния исламских мыслителей на историческое становление христианской схоластики в Средние века. Например, ясно, что для изучения в правильной исторической перспективе философского вклада таких мыслителей, как Фома Аквинский и Дунс Скот, мы должны познакомиться с творчеством по крайней мере Авиценны (980–1037) и Аверроэса (1126–1198). Следовательно, любая адекватная история средневековой западной философии должна включать важную главу по истории исламской философии¹.

Дистанция, отделяющая западных интеллектуалов и исламских философов, возможно, связана с довольно общим мнением на Западе, что исламская философия закончилась со смертью Аверроэса и/или прекратила свое существование, когда аль-Газали (1058–1111) нанес главный удар по философскому мышлению в своей влиятельной книге «Тахафут аль-фальсафа». Однако на самом деле подошел к концу всего-навсего первый этап в развитии всей истории исламской философии. Это правда, что со смертью Аверроэса исламская философия перестала быть живым явлением на Западе, но это не значит, что прекратилась ее жизнь на Востоке. Так же верно и то, что после Газали и Аверроэса исламская философия не развивалась во всех мусульманских странах, особенно среди мусульман-суннитов, так что в арабских странах уже не было большой заинтересованности в развитии философии. Тот факт, что мусульмане-сунниты составляли большинство населения по численности, а арабские страны имели более тесные связи с Западом, объясняет, почему на Западе создалось общее представление, что в мусульманских странах больше нет философии. Кроме того, это предположение неизбежно превратилось в препятствие для

¹ Mehdi Mohaghegh, Tsihiko Izutsu. The Metaphysics of Sabzavari. – Tehran: University of Teheran Press. – P. 3.

углубления каких бы то ни было отношений между исламской и западной философиями.

Следует также добавить, что даже «истории» исламской философии, написанные не в качестве глав в истории западной философии, а независимо, сами по себе, в значительной степени были созданы под влиянием идеи о том, что золотой век исламской философии – это эпоха трех столетий от Фараби до Аверроэса и что после Аверроэса в течение нескольких столетий после монгольского нашествия мусульманский мир не породил никаких значимых философов, за исключением нескольких отдельных видных деятелей (например, Ибн Халдуна). Кроме того, мусульманская философия не создала ничего большего, чем комментарии и комментарии к комментариям, долгие и утомительно безжизненные механические повторения, лишённые искры настоящего творчества и оригинальности.

То, что это не истинная картина исторических фактов, было убедительно и ясно показано в замечательной работе, проделанной такими учеными, как Анри Корбэн и Сейид Хоссейн Наср, касающейся интеллектуальной деятельности династии Сефевидов. Во всяком случае, лишь совсем недавно востоковеды начали понимать, что философская мысль в исламском контексте не безвозвратно закоснела и пришла в упадок после монгольского нашествия, как это было принято считать.

Мы считаем, что на самом деле тот вид философии, который заслуживает рассмотрения как типично и характерно исламский, был разработан в большей степени после смерти Аверроэса, чем до него. Речь идет о той исламской философии, которая возникла и созрела в период после монгольского нашествия и достигла кульминации своей творческой энергии в период Сефевидов в Иране. Это особый тип исламской философии, которая развивалась в Иране среди шиитов и стала известна как хикмат, или «мудрость». Проследивая происхождение хикмат, мы можем сказать, что оно относится к самому началу вышеупомянутого второго этапа истории исламской философии.

Структурно хикмат представляет своеобразное сочетание рационального мышления и гностической интуиции, или, можно сказать, рационалистической философии и мистического опыта. Это особый тип онтологической философии, основанной на экзистенциальной интуиции реальности, результат философствования, наложенного на гностические идеи и видения, достигнутый за счет интеллектуального созерцания. С исторической точки зрения это

стремление к одухотворению философии берет начало в метафизическом видении Ибн Араби и Сухраварди. Делая подобное наблюдение, мы не должны, однако, упускать из виду тот факт, что хикмат также наделен твердой и строго логической структурой и в этом смысле выходит за рамки творчества Ибн Араби и Сухраварди, возвращаясь, таким образом, к Авиценне и первому этапу развития исламской философии.

Таким образом, подходить к хикмату, обладающему этими двумя отличительными аспектами, следует с двух разных сторон, если мы хотим адекватно проанализировать процесс его формирования: во-первых, как к чисто интеллектуальной деятельности и, во-вторых, как к чему-то основанному на трансинтеллектуальном, гностическом опыте – дхавк («дегустация») конечной реальности, как это любят называть мистики.

Мулла Садра (1572–1640) был наиболее известным и важным философом второго этапа исламской философии. Автор многих новаторских идей в области философии (особенно онтологии), он стал одной из самых ярких звезд на небосклоне исламской философии. В самом деле, его новые идеи стали поворотным пунктом в исламской философии, так что философы, пришедшие после него, в значительной степени зависели от его взглядов. Появление такой фигуры, как Садр ад-Дин Ширази в период Сефевидов является четким свидетельством наличия в то время сильной интеллектуальной традиции, чьи «подземные» течения он смог так блестяще вывести на поверхность. Мулла Садра – выдающийся метафизик и мудрец, которого нельзя рассматривать изолированно, отдельно от традиции, которая его породила.

Итак, отметим возрождение исламской интеллектуальной жизни в восточных землях ислама, особенно в Персии. В XII и XIII вв. это стало возможным благодаря созданию новых интеллектуальных школ Сухраварди и Ибн Араби и после воскрешения учения Ибн Сины в середине XIII в. Ходжой Наср аль-Дином Туси. Именно эти школы, а также суннитские и шиитские школы калама, по мере их развития с XIII по XVI в., создали ту благоприятную среду, в которой появился Мулла Садра¹. Четыре классические школы послемонгольского периода, а именно: перипатетизм (машшаййа), философия озарения (ишрак), гностицизм (ирфан) и богословие (калам), со всеми своими внутренними различиями,

¹ Seyyed Hossein Nasr. Sadraddin Shirazi and His Transcendental Theosophy. – Tehran: Institute for Cultural and Humanistic Studies, 1997. – P. 16.

бурно развивались в течение четырех столетий, предшествовавших появлению Муллы Садра. Кроме того, они взаимодействовали друг с другом, тем самым готовя почву для важнейшего синтеза идей, который произвел Мулла Садра. Поэтому, чтобы понять, на каком фоне возник Мулла Садра, необходимо вникнуть в развитие каждой из этих школ, а также во взаимодействие, которое происходило между ними в течение этого очень богатого и в то же время более всего обделенного вниманием периода в исламской интеллектуальной жизни, начиная с XIII по XVI в.¹

3. Характеристика философии Садра

Философию Муллы Садра можно охарактеризовать на основе следующих аспектов:

- 1) внутренняя совместимость религии и философии;
- 2) необходимость серьезного рационального изучения религиозных учений вплоть до момента объединения взглядов разума и мнений, принадлежащих к собственно религии;
- 3) необходимость комбинации четырех традиционных школ, представленных в исламском мире, а именно: мистиков, перипатетиков, философов озарения и богословов калама;
- 4) важность изучения западного подхода к философии, а также других источников человеческой мысли;
- 5) необходимость перехода к сравнительному изучению различных философских взглядов, для того чтобы объяснить сильные и слабые стороны трансцендентальной философии;
- 6) развивающийся характер исламской философии в целом;
- 7) философское первенство онтологии над эпистемологией и разума над опытом²;
- 8) влияние теоретической философии на другие аспекты человеческой мысли и деятельности, а именно: политику, экономику, образование, эстетику, этику и др.;
- 9) внимание к Корану, хадисам и молитвам в качестве важного источника знаний для философии, которая пытается утверждать свои взгляды на основе только разума, а не на откровении³;

¹ См.: Khamenei, Seyyed Muhammad. Development of Wisdom in Iran and in the World. – Tehran: SIPRI Publication, 2000. – P. 191–203.

² См., например: Muhammad Kamal, Mulla Sadra's Transcendent Philosophy. – Burlington: Asgate Publishing Company, 2006. – P. 42–64.

³ Khamenei Seyyed Muhammad. Mulla Sadra's Transcendent Philosophy. – Tehran: SIPRI Publication, 2004. – P. 39–43.

10) важность диалога между философами, придерживавшимися различных взглядов, для выработки лучших идей о том, как содействовать будущему рода человеческого.

4. Трудности сравнительной философии

Различные философские школы изучили большое количество тем, философы обсудили их и дали разные ответы на одни и те же вопросы, поэтому у нас возникают некоторые трудности при обосновании сходства между философскими школами. Поэтому-то проблемы сравнительной философии трудны и связаны с далеко идущими последствиями. Вот некоторые из этих трудностей.

Исторический фон и географическое положение местности, в которой родилась конкретная философская проблема, решения которой могут изрядно затруднить взаимопонимание между двумя разными философскими школами, принадлежащими двум разным парадигмам. На первый взгляд мы сталкиваемся с одной темой, переведенной на языки двух культур, и нам кажется, что они одинаковые; однако глубокий смысл этой темы связан с теми культурными фонами, которые отличаются друг от друга¹. Гермeneв-тическая ситуация, в которой находятся слова или тексты, оказывается препятствием для понимания их в контексте другой культуры. Поэтому тут возникают некоторые подозрения относительно того, можем ли мы понять сходство между двумя словами в двух культурах. Следовательно, большинство критиков отдельных философских взглядов, действующих с позиций другой философской парадигмы, не могут считаться основательными.

Эпистемологический подход современной философии и ее субъективное мнение, основанное на некоем гуманизме, приводят нас в сферу, которая отличается от другого интеллектуального и онтологического отношения. Трудно критиковать другую философскую традицию с современной западной точки зрения. Нелегко осмыслить западную позицию, находясь на незападной философской точке зрения и не имея необходимых знаний западной культуры. На мой взгляд, христианское происхождение западной философии (как теистической, так и атеистической) является одной из важнейших парадигм современной философии. Так, перевод важнейшей идеи Ницше «Бог мертв» на язык незападной филосо-

¹ См.: Ayatollahy Hamidreza. Hermeneutical Considerations in Translation of Philosophical and Religious Texts. Translation Studies. Vol. 4, N 15, Autumn 2006.

фии способен только сбить с толка. Никто не сможет правильно понять фразу «Бог мертв», не понимая христианское учение о Боге, как оно воплощается в христианстве. Без понимания важности истории в христианском учении сложно оценить различные философские подходы западных философов к истории.

Также трудно понять современные исламские философии, применяя эмпирический или прагматический философские подходы, являющиеся доминирующими в западной философии. Рациональное отношение исламской философии отличается от рационального метода в западной философии.

Виноваты в этой неразберихе востоковеды западных стран. Они считают, что восточную культуру следует изучать внимательно, обращая внимание на детали, но оценивать ее следует с западной точки зрения. Но некоторые полезные попытки, например данная конференция, являются реалистичным осознанием существования подобного разрыва и необходимости принятия решений для наведения мостов между всеми культурами. В глобальном мире философия больше нуждается во взаимопонимании, чем в философских теориях.

5. Возможности сравнительной философии

Отсюда отнюдь не следует, что сравнительная философия не может существовать. Если бы это было так, то не было бы смысла в диалоге и переговорах. Все философские попытки понимания других мыслей во всем мире и во все времена (или в исторических исследованиях философских школ) предполагают, допускают, что их можно постичь, причем основную их часть. Поэтому, хотя понять других возможно, имеется немало соображений, которые необходимо учитывать при переводе одной мысли из одной культуры в другую¹. Эти соображения являются наиболее важным фактором при обдумывании трудностей, стоящих на пути сравнительной философии, трудного, но возможного исследования, которое должно охватить долгий процесс приближения иной мысли.

¹ Подробнее об этой проблеме см.: Ayatollahy, Hamidreza. Existence in Existentialism and Sadraean Principality of Existence, a Comparison // Pajooheshname Ulome Ensani (Research Journal of Human Sciences). University of Shahid Beheshti. – Tehran. – Vol. 51. – N 3, Autumn 2006.

6. Метод сравнения

Я считаю, что для лучшего сравнительного исследования в области философии сравнение должно пройти четыре этапа четырех герменевтических правил, описанных Эмилио Бетти (1890–1968). Из-за ограниченного объема данной статьи я указываю только эти четыре правила:

- 1) принцип герменевтической автономии субъектов;
- 2) принцип тотальности, или правила согласования смысла;
- 3) правило актуальности понимания;
- 4) совместимость смысла в понимании, или правило герменевтического соответствия смысла.

Надеюсь, что смогу развить этот метод в другом исследовании.

7. Преимущества, заложенные в сравнительной философии

Существует несколько факторов, которые делают необходимым сравнительное исследование западной и исламской философий в настоящее время.

Во-первых, необходимость полного взаимопонимания вызвана проникновением глобализации во все аспекты нашей жизни. Глобальная осведомленность, конфликтующая с местным мышлением, и осознание необходимости взаимодействия культур требуют некоего взаимопонимания. Все различные культурные представления указывают на глубокое разнообразие, вызванное различиями в основах, на которых базируются эти мысли. Философия, призванная анализировать фундаменты всех культурных представлений, должна играть важнейшую роль при любом взаимодействии между культурами. Вот что создает необходимость в сравнительной философии.

Во-вторых, наши знания о себе могут основываться не на внутреннем понимании, а на нашем отличии от других. Именно в другом мы осознаем границы самости. Существует шутка, которая может прояснить эту истину. Ребенок показывает отцу чистый лист белой бумаги и говорит: «Папа, смотри, что я нарисовал. Правда, здорово?» В ответ отец говорит: «Но на твоём листе ничего нет!» Ребенок: «Ну, как же ты не видишь, что это белый медведь гонится за белым кроликом по снегу на Северном полюсе?!» Это шутка, но как можно было бы ее исправить, чтобы подтвердить рассказ ребенка? Раз границы медведя и кролика не очерче-

ны, никто не сможет отыскать ни того ни другого. Только контраст между кроликом и медведем может выявить их, так что больше контраста – больше понимания! Каждой мысли нужны другие мысли, чтобы прояснить себя. Мы можем понять себя все лучше и лучше, понимая других. В сравнительной философии мы можем достичь понимания и самости, и инаковости.

8. Необходимость сравнительной философии и ее положение в настоящее время

Философию Муллы Садра должнo рассматривать как одно из наиболее важных достижений / вкладов современной исламской философии, особенно в Иране. Эту философию продолжили и довели до зрелости такие ученые, как Сабзавари, Табатабаи и Мотакхари. На самом деле, благодаря прежде всего ее совместимости с исламской традицией, эта философская школа заняла весьма почетное место в рамках шиитской исламской мысли и стала частью официальной программы обучения и преподавания в духовных семинариях. Кроме того, мы хотели бы сказать, что шиизм был хорошим контекстом для всех видов рационального мышления. Поэтому можно сказать, что понимание и противостояние всякому роду рациональной и философской мысли есть одна из основных обязанностей исламских ученых в таких шиитских странах, как Иран. Исламская философия была прочной основой иранской культуры. Она представляет собой мощный фактор в развитии иранской культуры¹. Например, именно благодаря иранской исламской философии народ Ирана был спасен от марксизма и атеистического позитивизма.

Я хотел бы также добавить, что философские исследования в Иране не ориентированы только на исламскую философию. На протяжении более 50 лет иранская культура постоянно знакомится с различными западными теориями, которые изучаются наряду с исламской философией. Довольно значительное количество работ представителей западной философской традиции уже переведено на персидский язык. Но верно также и то, что исламская философия представляет наибольший интерес в Иране. С другой стороны, сравнительное изучение философии стало основной темой для академических диссертаций, лекций, книг и конференций. Боль-

¹ Ayatollahy Hamidreza. Interaction of Islamic and Western Philosophies // Ishraq (Illumination). Islamic Philosophy Yearbook. – Moscow. – № 1. – 2010.

шинство иранских ученых считают, что исламская философия способна серьезно повлиять на решение многих проблем современности.

9. Заключение

Таким образом, мы предполагаем, что философия имеет решающее значение для любого дальнейшего позитивного диалога между иранской культурой и культурами других народов и наций. Скажем больше, мы убеждены, что философия должна играть очень важную роль в дальнейшем развитии мирных международных отношений. Как мы хорошо знаем, имеется немало исторических обстоятельств, серьезно препятствующих достижению мирных отношений между странами. Кроме того, поток ложной информации и недоброкачественного политического анализа, а также всевозможные трудности, связанные с различиями в соответствующих системах ценностей, предоставляют в изобилии причины для конфликтов и недоразумений. Согласно вышесказанному, мы выступаем за признание исключительной роли разума и рационального мышления в содействии тому, чтобы разногласия и недоразумения не могли оставаться серьезными препятствиями для мира и взаимопонимания между различными культурами и цивилизациями.

10. Некоторые темы для сравнительной философии

Существует немало тем для сравнения между западной и современной исламской философией. По многим из них мы уже провели немало сравнительных исследований¹. Эти темы можно разбить на три типа. Первым из них является сравнение совокупности философских взглядов одного философа с другим. Во-вторых, можно также сравнить рассмотрение одной и той же философской проблемы в целом в исламской и западной филосо-

¹ Многие статьи по сравнительной философии можно найти в 3 и 4 томах серии книг, составленных из докладов, представленных на Всемирном конгрессе по Мулле Садра (май 1999, Тегеран), озаглавленной: Мулла Садра и сравнительные исследования. – Тегеран: SIPRIIn.

фии¹. В-третьих, мы можем сравнить разработку одной философской проблемы или позиции в мыслях двух или более философов.

Я предлагаю несколько примеров тем по каждому из этих трех типов, имеющих хороший потенциал для сравнительных исследований. Некоторые из этих вопросов уже имели возможность стать названиями отдельных исследований.

1. Сравнение взглядов одного философа в целом со взглядами другого. Например, Авиценна и Декарт, Кант и Авиценна, Мулла Садра и Гегель, Мулла Садра и Кант, Мулла Садра и Хайдеггер, Табатабаи и Вайтхед, Мотаххари и Юм.

2. Сравнение разработки одного конкретного философского вопроса в исламской и западной философии в целом. Например, метафизика, бытие, субстанции, сущности, движение², причинность³, пространство и время, необходимость и случайность, теории познания⁴, философии религии, этика и философия морали, эстетика, политическая философия, философия языка, космология.

3. Сравнение разработок одной философской проблемы или позиции в мыслях двух или более философов.

Ниже приведены несколько примерных тем для подобных сравнительных исследований.

1. Существование в экзистенциализме Хайдеггера и «княжестве существования» Садра. Сравнение⁵.

2. Сравнение теории аналитичности у Канта и у Муллы Садра.

3. Сравнение учений Ибн Сины и Фомы Аквинского о сущности / существовании.

4. Сущности у Садра и Гуссерля.

¹ См., например: Mulla Sadra's School & Western Philosophies. Khamenei, Seyyed Muhammad (ed.). – Tehran: SIPRIn Publication, 2005.

² См.: Dehbashi, Mahdi. Transubstantial Motion and Natural World. – London: ICAS PRESS, 2010.

³ См., например: Mulla Sadra & Comparative Philosophy on Causation. Safavi, Seyyed G. (ed.). London: Salman-Azaden Publication, 2003.

⁴ См., например: Misbah Yazdi, Muhammad Taqi. Philosophical Instructions: An Introduction to Contemporary Islamic Philosophy. P. II. Binghamton: Binghamton University Press, 1999.

⁵ Ayatollahy, Hamidreza. Existence in Existentialism and Sadraean Principality of Existence. A Comparison // Pajooeshnaame Ulome Ensani (Research Journal of Human Sciences). University of Shahid Beheshti. Tehran. Vol. 51, N 3, autumn 2006.

5. Истина времени у Муллы Садра и Анри Бергсона¹.
6. Анализ космологических аргументов по сравнению с аргументом необходимости / случайность в исламской философии².
7. Сравнение философского анализа этики аятоллы Мотахари с феноменологическим методом Гуссерля.
8. Понятие и статус добродетели у Фараби и Аквинского.
9. Теория этики в природном законе у Аквинского и у мутазилитов.
10. Сравнительное исследование концепции «вторых интеллектуальных субстанций» у Муллы Садра и в категории Канта.
11. Субъективность субъекта: ответ Садра на вопрос Хайдеггера³.
12. Психическая причинность: решение Садра.
13. Возможные миры: исламская философия и современная западная философия вместе.

*«Философия и наука в культуре Востока и Запада / Институт философии РАН»,
М., 2013 г., с. 344–355.*

Ю. Бочаров,
аналитик (Израиль)
БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ
(Пособие для бизнесмена)

«По усам текло, да в рот не попало». Так весьма нередко заканчивается большинство попыток предпринимателей из Европы сделать бизнес на Ближнем Востоке. Большинство потом вспоминают, как красиво их принимали, как сладко с ними говорили... А в итоге – в лучшем случае – «тишина», а в худшем – просто «развод» на деньги.

¹ Fathi, Ali & Ayatollahy, Hamidreza. Time in Mulla Sadra and Bergson // Mafat-i Falasari (Philosophical Inquiry). Vol. 7, N 2, winter 2010. Статья написана в содружестве с доктором Али Фатхи.

² Ayatollahy, Hamidreza. An Analysis of Cosmological Argument Compared with Necessity-Contingency Argument in Islamic Philosophy // Qabasat. Vol. 11, N 3, Tehran, 2006.

³ См. книгу: Khatami, Mahmoud. From a Sadraean Point of View: Toward an Ontetic Elimination of the Subjectivistic Self. London: Salman-Azaden Publication, 2004.

Порою, слушая разговоры этих неудавшихся бизнесменов об их попытках и, главное, манерах вести бизнес в этом регионе, поражаюсь их настойчивости, с которой они постоянно наступают на одни и те же грабли под названием «ментальность Ближнего Востока». Да, именно ментальность Востока становится тем камнем преткновения, который не позволяет многим европейцам вести здесь нормальный бизнес. Не вдаваясь в философские аспекты значения «ментальность» и синонимичного ему слова «менталитет», можно вкратце суммировать, что это – то, чем различаются индивиды, получившие воспитание в различных культурных средах. Это устойчивые интеллектуальные и эмоциональные особенности, присущие тому или иному индивиду, а также характер видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности или народу.

На Ближнем Востоке еще со времен Вавилонской башни царит столпотворение народов и непрерывно идет борьба за место под солнцем. Возможно, именно эта борьба с постоянным переходом от горячего мира к «холодной войне» и обратно породила особенности религии, а вместе с ней образ мыслей и жизни целых народов, выработавших свои особые представления о ценностях бытия.

Следует в первую очередь учитывать ментальность Ближнего Востока – региона, где понятие «ценность человеческой жизни» в ракурсе общепринятых в западном мире норм морали и права вообще ничего не значит. Здесь порою больше скорби вызывает падеж домашнего скота, чем смерть человека, тем более «неверного», который в просторечии чаще всего ассоциируется с понятием «чужой». Попасть в «чужие» здесь очень просто. Можно быть чужим по религии (христианство – ислам – иудаизм), можно быть чужим и в самой религии, относясь к одной из ее ветвей или течению (сунниты – шииты), быть чужим по племенной или клановой принадлежности (хамулы) и даже чужим по членству в террористической организации. Естественно, что и конкурента в экономической борьбе также автоматически могут отнести к чужим со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В борьбе нет правил, особенно в этом регионе. Здесь понимают только силу и уважают только силу. Исходя из этой аксиомы, здесь практически отсутствует понятие компромисса. Ведь по «законам Ближнего Востока» победитель получает все, а проигравший – ничего. Поэтому первое правило ближневосточного бизнеса: если вы «слабый» и вас можно кинуть, вас обязательно ки-

нут. Тот, кто готов отказаться от части своих требований, рано или поздно откажется от всех. Поэтому всегда и любыми средствами следует добиваться выполнения всех ваших требований. Любая уступка воспринимается как слабость, а раз так, то нет никаких причин считаться с вами.

Еще одна аксиома: если вы не применяете силу, значит, либо ее у вас нет, либо есть другая сила, которая препятствует этому. Свою позицию, ее силу и важность следует подчеркивать при каждом удобном случае. Слабость позиции противника, прежде всего относительно вашей собственной, надо также подчеркивать при каждом удобном случае. Только не перегибайте палку.

Иерархические структуры есть и в странах так называемого западного мира. Но там их применение ограничено местом работы и в какой-то степени политикой. В остальном человек западного образа жизни свободен и участвует во множестве отношений, построенных на принципе равенства. Давно нет иерархии в семье, даже понятие «глава семьи» исчезает из лексикона, нет иерархии во множестве структур систем образования, общественных групп, организаций некоммерческого характера.

Но Восток – дело тонкое. И в особенностях местной иерархической структуры ошибаться нельзя. На Востоке иерархия выстраивается в любом обществе, в любой организации. Первая естественная структура в семье – отец – непреложный глава семьи, за ним следует мать, постепенно уступающая свою вторую позицию взрослым сыновьям, есть дочери, ни в каком возрасте не поднимающиеся в иерархии выше своих братьев. Есть иерархия клана. Иерархия есть в каждой деревне, в каждой государственной, общественной и религиозной структуре, на каждом предприятии и в любом восточном обществе.

Поэтому запомните: на Востоке практически нигде не существует равных отношений – ни в семье, ни в обществе, ни в государстве, ни между государствами. Всегда есть четкая иерархия.

Правильно выстраивайте отношения с деловыми партнерами. Никогда не старайтесь пробиться снизу вверх. Только сверху вниз. Иначе вас просто не воспримут как равного, ведь вы пришли «снизу». Возможно движение от «одноуровневых», как вариант: от депутата – к министру, от министра – к премьеру, от премьера – к президенту. Помните про иерархию и про то, что вам постоянно придется отвечать на вопрос: «А ты кто такой?» В смысле, что ты из себя представляешь. И какой же вы «босс», если к начальнику вас пытается провести какой-то мелкий служащий, стоящий на

пяток ступенек ниже этого начальника. Ведь если вы дружите с подобной «мелочью», значит, и сами – мелочь.

Иерархия выстраивает особый тип взаимоотношений между людьми, стоящими на разных социальных ступеньках общества. Эти отношения базируются на абсолютном уважительном отношении нижестоящих к вышестоящим. Чем выше социальная разница между ними, тем сильнее должно проявляться уважительное отношение, переходящее порою в раболепие. Это не показное, это истинное отношение, воспитанное с молоком матери. Это очень емкое понятие, характеризующее и отношение подчиненных к боссу, и процедуру ведения переговоров, и даже совместную трапезу, включая и отношение обслуживающего вас персонала. Поэтому не ведите «босса» в какой попало ресторан.

Следите за этикетом: как вы одеты, на чем приехали, как говорите, как себя ведете в присутствии «знатных» особ. Заискиваете или говорите как с равным. В противном случае вы нанесете обиду своим неуважительным отношением к «вышестоящему». А подобная обида всегда ведет к краху вашего проекта или переговоров по нему.

Если вам на самом верху сказали «да», то это еще не значит, что это «да» в категоричной форме доведено до сведения всех нижестоящих исполнителей. Вполне возможно, из-за особенностей восточного менталитета вас как «уважаемого» гостя просто не хотели расстраивать. Не забывайте, что, получив одобрение на самом «верху», вам порою предстоит проделать еще тяжелый путь в самый низ – ко всем исполнителям вашего проекта.

Не путайте отношение подчиненных к своему боссу и к вам. Когда вам в присутствии босса кланяются, заискивающе улыбаются и преданно смотрят в глаза, все это относится не к вам, а к боссу. Запомните: большинство людей десятками лет работают в одной и той же должности, выполняя одни и те же функции. При этом они чаще всего связаны с вышестоящими родственными, партийными, религиозными или личностными отношениями. Эти люди получают зарплату не за то, что двигают ваш проект или решают ваши проблемы. Они ее получали до вас и будут получать после, несмотря ни на какое развитие событий вокруг ваших проектов.

Все ваши просьбы или требования сделать что-то якобы по поручению вышестоящего вызывают только раздражение. Вы своим визитом просто отнимаете личное время, чаще всего не предлагая ничего взамен. А надо предлагать – постоянно и по всей цепочке

исполнителей. Только в этом случае возможно решение вашего вопроса до конца и в нужные сроки.

Отнеситесь уважительно к людям, которые будут решать ваши проблемы. При этом уважительное отношение к подчиненным не всегда должно выражаться в деньгах. Сувениры, небольшие знаки внимания и различные подношения помогут установить формально доверительные отношения с людьми, задействованными в вашем проекте. Но и тут есть нюанс. Если у вас вымогают взятку, значит, хотят «кинуть». Но если готовы «взять», значит, дело сдвинулось и возможен успех.

Только не путайте дорогой подарок с взяткой. Дорогой подарок – чаще не взятка, а оказание уважения человеку или его должности. Или его возможностям «решать вопросы». Чаще всего «правильный» подарок – лишь прелюдия к серьезным отношениям. Никогда не ходите на первую встречу с пустыми руками. Окажите человеку уважение своим подарком. Только не везите в Тулу свой самовар. Если решили подарить матрешек, то только из самоцветов, а если кинжал, то только не китайского производства.

Министру, руководителю или главе «клана» можно подарить красивую, богато оформленную и, возможно, просто символическую вещь, которую он сможет поставить у себя на полке и при случае показать таким же, как он, «уважаемым» людям или друзьям. Понятно, что трудно сделать подарок человеку, у которого все есть, но в этом и проявится ваше истинное «уважение» к данному человеку, которое будет в дальнейшем достойно оценено.

Но чем ниже человек, тем более материально ценным должен быть подарок. Водителю босса подарите позолоченную зажигалку, а секретарше – дорогой браслет или фирменные духи. Если люди из ближайшего окружения запомнят вас с положительной стороны, то тогда все ваши последующие звонки и просьбы будут в первую очередь доводиться до начальства. Но главное правило здесь таково: сначала торжественное вручение подарка боссу, а только потом, по ходу дела, всем остальным.

«Торг здесь неуместен» – такая фраза возможна лишь в европейской державе. На Востоке торг как раз уместен. Если вы не торгуетесь, то явно не партнер. Если вы без торга согласились на предлагаемую сумму, это, скорее всего, вызовет подозрение. Исходя из местной ментальности вы просто не собираетесь платить, а, получив товар, тут же кинете партнера!

Ваш собеседник говорит только то, что вам хотелось бы от него услышать. Вы здесь всегда чужой, в лучшем случае, посто-

ронний. И на первом этапе к вам всегда есть неподдельный интерес. А вдруг вы – как раз тот «лотерейный билет», вытянув который, можно будет обеспечить себе достойную старость или хотя бы временно, хоть на один день, достойную жизнь. Вы ведь помните первое правило Востока? Если вас можно кинуть, то обязательно кинут. Но именно поэтому на первом этапе вас будут обхаживать, стараясь понять: кто вы на самом деле. В смысле, сильный или слабый партнер, что у вас есть или кто стоит за вами. То есть, стоит ли пачкаться такой мелочью или не оторвут ли голову за то, что влезли к вам в карман.

Поэтому на первом этапе вам всегда будут говорить ровно то, что вы хотите услышать. На Востоке очень хорошо понимают, что вам будет приятно услышать. Ведь в дальнейшем от вас тоже что-то, а возможно, и многое, будет зависеть. Поэтому эти отношения к откровенности не ведут, вам постоянно будут врать, лишь бы было приятно. Жаль, что это редко кто понимает.

Вот приезжает на Восток какой-нибудь политический деятель, лидер или министр европейской державы. Эти уважаемые люди привыкли, что в рамках дипломатического протокола собеседники не врут, а лишь слегка вуалируют свои мысли, следуя этикету. Исходя из восточной ментальности гостеприимный хозяин, пытаясь оказать уважение, чаще всего говорит лишь то, что гостю приятно. А что приятно гостю услышать? Что его вопрос решаем и все, что возможно, будет сделано. Из-за очень витиеватой восточной речи, снабженной различными гиперболами и изысканными уважительными оборотами, гость очень часто не слышит слово «возможно». Вернувшись домой, он с воодушевлением сообщает своему руководству что появился надежный партнер для переговоров и вопрос фактически решен. Когда дело доходит до дела, выясняется, что и дела-то никакого нет.

Как вариант хочу привести пример разговора двух руководителей стран об одном из энергетических проектов. Гость (европеец) говорит, что его держава, имея очень богатый опыт в области энергетических проектов и соответствующие мощности и структуры, заинтересована оказать принимающей стране всяческую помощь и поддержку в развитии новой отрасли – энергетического бизнеса. В ответ местный руководитель сообщает, что они как раз подготовили серию тендеров, и будут рады видеть структуру гостя в этих проектах. Воодушевленный гость сообщает своим подчиненным, что вопрос о выходе их компании на местный рынок решен на высшем уровне, надо лишь соблюсти ряд формаль-

ностей. После этого оказывается, что заявленная гостем компания вообще не может принять участие в тендере, так как он «написан» под других. На законное напоминание местным властям, что тема обсуждалась и руководитель страны дал «добро» на проект, отвечают: будем рады видеть вас среди участников «забега», но никто не обещал победы! И это чистая правда.

Любая ложь и любое искажение информации на Востоке в принципе допустимы. Ведь порою между событием и его описанием нет прямой связи. По существу, любая точка зрения является всего лишь точкой зрения, столь же допустимой, как и любая другая. Говорят, что истину знает только Аллах. Всем остальным, в лучшем случае, известна лишь ее часть. И поэтому ваша точка зрения всегда должна быть выгодна только вам.

К тому же вы всегда будете относиться к категории «неверных». А в борьбе с «неверными» все средства хороши. Поэтому здесь не скрывают и того, что закон интересует их только в том случае, если он выгоден. Если же нет – к нему относятся как к назойливой мухе, от которой можно отмахнуться. Поэтому, если решили, что вы слабый и вас захотят кинуть, то никакие местные законы вам не помогут решить проблему. Вы чужой, а «кинуть» чужого – это всегда богоугодное дело.

Поэтому во время планирования любой сделки всегда исходите из той перспективы, что вас хотят кинуть. И если вы видите, что уверенно можете обезопасить себя на каждом этапе проекта от этого «кидка», идите на сделку. Если вы считаете, что на каком-то этапе, в какой-то момент вы выпускаете деньги из рук, не контролируя полностью процесс, лучше откажитесь от сделки.

Вот так. Удачи вам в бизнесе!

*«Стратегия России», М., 2014 г.,
№ 1, январь, с. 81–86.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2014 – 6 (264)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Технический редактор Л.А. Можаяева
Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 20/V-2014 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 11,5 Уч.-изд. л. 10,8
Тираж 300 экз. Заказ № 74

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

